

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://prishvinmihail.ru/> приятного чтения!

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин

ОТ АВТОРА

«Осударева дорога» написана по материалам, освещенным личными переживаниями автора. Не скрою от читателя, что опыт сплетения истории, автобиографии и современного строительства для меня был нелегок.

В повести я хочу показать рождение нового сознания русского человека через изображение души крестьянского мальчика – помора.

Если человек прожил долгую жизнь и ему все еще хочется жить, то прошлое складывается в его душе неминуемо как роман или сказка. Столько есть на свете таких людей, что жизнь, пережитая в них, ищет себе выхода, и они говорят о себе: – Если бы мне свою жизнь пересказать, то это был бы роман замечательный!

Я принадлежу сейчас к этим людям, и мне всегда кажется так, что если я о себе рассказываю, то это не есть простодушное удовольствие показать себя самого людям, а действительно мой лучший роман или сказка. Больше! Мне кажется, в этом деле освобождения себя от пережитого есть не только поэзия, но и еще что-то больше поэзии...

Всегда я понимал при чтении книг, что автор и есть настоящий источник его героев, но как это делается, что он забывает себя и превращается в кого только ему захочется, я и до сих пор понять вполне хорошо не могу.

Не раз удавалось мне описывать неплохо собак и разных животных. Разбираясь в условиях происхождения образа каждого положительного героя своего среди

животных, я находил, что сам я увлекался, влюблялся, забывал о себе, и героя своего любил временно больше себя. По-моему, вот это «больше» и превращается в положительного героя. И то же, наверно, так и во всяком труде: всякая новая небывалая вещь создается, когда творец забывает о себе и входит в нее. О героях же отрицательных беспокоиться нечего: они сами непременно являются, если кого-нибудь любишь больше себя.

Такова моя домашняя теория.

Раз было на моих глазах: по тонкому, запорошенному первым снегом льду пробежала осторожно гонная лисица, а через несколько минут на этот след налетел безумный выжлец. Лисица осторожно, по-лисьему прошла тонким льдом, а грузный костромич провалился среди озера. Лед на краях провала обламывался под его лапами, и вылезть ему было невозможно: лучший гонец в нашей округе был обречен на гибель в тонный день первой великолепной пороши.

Но прибежал его хозяин и, увидев своего друга в таком положении, быстро изорвал свою рубашку, связал веревку, сделал петлю, дополз на четвереньках по льду до собаки, накинул петлю и вытащил. Так охотник «вышел из себя», чтобы спасти своего выжльца. Но спасенный выжлец, тоже не помня себя, помчался за той же лисой. Охотник без рубахи, изорванной на веревку, в одном ватнике, перехватывая лису с круга на круг, наконец встретился с ней и убил.

Мелькнет ли когда-нибудь даме, с горжеткой из этой лисицы, догадка об истинной цене ее наряда?

Этот охотник любил свою собаку и всю охотничью жизнь больше себя. И вот из этого-то самого «больше», по-моему, и должны создаваться положительные герои.

И мой герой в этой повести, мальчик Зук, должен выйти из того самого, что больше меня, и в то же самое время присутствовать в моем чувстве жизни как возможность.

Так тоже спящая почка иного растения много лет дремлет и остается почкой. Но при хороших условиях почка «выходит из себя» и обращается в зеленый росток.

Это моя домашняя теория творчества, и я не знаю, почему укрывать ее от читателя, почему не пригласить его к участию в творчестве моей сказки-были, или, назовем, исторической повести.

Из себя самого я буду выводить Зуйка и в то же время буду смотреть туда, на хорошо знакомый мне берег, где поморы ловят рыбу сетями. Чайки-зуйки носятся там, как

7

снег на ветру, и мальчики-зуйки всюду снуют, и среди них мой Зук. Думаю о себе, а гляжу на него. Думаю о нем – и себя самого раскрываю.

С самого раннего детства мой внутренний мир разделялся надвое: один мир – это все, что мне самому хочется, другой мир, который больше меня, больше того, что мне самому хочется и что для меня выступает как «надо»: надо и надо, а не то, что я сам хочу. Очень рано это самое «надо» пробудилось во мне как требование матери моей: чего-то я сам хочу и что-то требует мать.

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
С этой далекой горы моего прошлого и текут все родники моей нынешней жизни. Темной стороной представляется это мое прошлое, и мне все хочется при свете яркого дня современности туда заглянуть и там все понять.

Очень давно я стал так понимать и поэзию, что это луч нашего дня, свет современности, брошенный на то отдаленное прошлое.

Пусть очень многое в нашей жизни теперь умело записывается и складывается в архивы и книгохранилища. Очень многое тоже и так остается и постепенно погружается в темное прошлое.

Бывает, однако, такой яркий день современности, что из него виднеется самое отдаленное прошлое, уже многими забытое, а для самых молодых и совершенно неведомое.

И вот в этом-то свете современности рождается сказка, и старые люди, свидетели забытого новым поколением, начинают рассказывать о том, что было когда-то, в некотором царстве, в некотором государстве, при каком-то царе Горохе.

Было мне лет тридцать, когда я отправился в тот самый край, где мои предки-старообрядцы боролись с царем Петром и в государстве его великом создавали свое «государство» – известную Выгорецию. Мне до смерти захотелось подышать тем воздухом народной жизни, где не было жестокости крепостного права и где в дебрях тайги, наверно и до сих пор, сохранились сказания о былых героических временах простого русского народа.

Действительность оказалась больше моих замыслов, больше моей мечты, больше меня самого. Мне было, как если бы человеку взрослому вернулось бы его детство и он, сохраняя где-то в запасе нажитой свой разум и образование, восхищенно стал бы отдаваться природным детским силам доверчивости и особенному, проникновенному вниманию к подробностям жизни природы и человека.

8

Я родился с верой в какой-то лучший мир, чем где я живу, в какую-то страну, лучшую, чем наша, с уверенностью, что если сильно захотеть, то ее можно открыть всем, и даже так, что долг каждого из нас открыть для всех эту свою страну. Еще девяти лет я пробовал из гимназии убежать в эту страну, и не я один был такой, а одно время гимназисты массажи бежали. После моей неудачной попытки вера моя не умерла, а попала в положение семени, переживающего в земле зиму, чтобы раскрыться весной.

Так вот и вышло, что девяти лет я бежал в какую-то чудесную страну, а ровно через двадцать лет открыл ее на Карельском острове озера Выг, и был уверен, и вел себя, как будто это была та самая страна, куда я в детстве бежал. Как, бывает, влюбленному кажется, будто все люди в существе своем прекрасны и ему, влюбленному, даже злодеи желают добра, так и в моей стране детства, в этом краю непуганых птиц, все люди мне были хороши, и так много хороших в одном месте я никогда нигде не видал. Это не был самообман. Ведь я не был хищным колонизатором или мистификатором-миссионером, а искал у них только былин, сказок и песен.

Много они мне пели былин и рассказывали всякой «досюльщины». Но всего интересней мне были остатки людей, боровшихся когда-то по-своему за свою веру с царями. Среди этих людей трудней всего досталось мне добиться душевной беседы у «бегунов» или «скрытников». У большинства прежних борцов за веру их вера теперь перешла просто в быт, в строгость нравов сравнительно с бытом «новолюбцев». Но бегуны продолжали искренно верить, что антихрист уже овладел почти всей землей и спасаться от него можно только в бегах. Чтобы не искушаться соблазнами, не застревать в человеческом болоте, они считали для себя необходимым вечно менять место, вечно бежать и не давать себе отдыха. Только на короткие дни в случаях болезни или необходимости что-то свое открыть другу они позволяли себе останавливаться в великой тайне у «христолюбцев», имеющих в своих домах особые тайные светелки. Они берегли свое имя в великой тайне и на все вопросы о себе встречных людей отвечали:

– Мы странники божьи, ни грады, ни веси не имамы.

Вот, наверно, тогда еще пришла мне эта мысль, и до сих пор я ею живу, что истинный наш современник не тот, кто

9

для себя потребляет достижения нового времени, а для кого современность открывает свет на свое прошлое.

В свете современности как понятны были мне эти люди, презирающие место своего пребывания и собирающие дух свой в пространстве. Мы сами, революционеры того времени, готовые идти на какие угодно страдания, чтобы только поднять дух своего народа, привести его в движение, дух, остановленный косностью царя и его чиновников, мы сами отчасти были похожи на бегунов: мы были странники в своем народе, мы не держались ни села родного, ни города, правда нам была дороже родного села.

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Конечно, я отлично понимал, что движение революции ничего общего не имеет с движением сектантов-бегунов, но законы истории не всегда совпадают с законами сердца. Мне очень захотелось найти в лесах какого-нибудь бегуна, постараться самому раствориться в его вере, с тем чтобы темному человеку попробовать открыть новый свет, помочь ему не тратить движение своего духа просто на передвижение тела по грешной земле, захваченной будто бы антихристом. И еще, самое главное, – мне хотелось своими глазами посмотреть на такого человека.

И я увидел такого человека, и не одного. При первых их нападениях на мою веру в революцию я поступал, как молодой волчонок, когда к нему приближается и хочет напасть борзая собака: волчонок ложится на спину, поднимает вверх ноги и открывает живот. Так я в разгаре нашего спора поворачивался вверх животом и соглашался проклинать царское правительство, как антихриста, и царских чиновников, как бесчисленное отродье антихриста. Тогда оказывалось, что мы люди близкие и что нам остается только сговориться в подробностях о нашей общей борьбе с царями.

Так много я находил себе друзей на островах и в глухом сузёме, но не могу сказать, чтобы я хоть одного человека из них мог бы сделать современным борцом за правду без всяких химер пережитого прошлого.

Теперь издалека мне представляются мои раскопки в душах этих людей поисками выхода из темного их мира к свету современности. Я не уставал в своих поисках только потому, что верил и по себе чувствовал в каждом человеке какой-то современный смысл и не мог бросить всех этих людей в могилу без всякого смысла. И вот тут же, на самом Карельском острове, я однажды пришел в дом покойной старушки Любви Степановны и услышал рассказы о жизни этой замечательной женщины,

10

выведенной у меня под именем «мирской няни» Марии Мироновны.

В тайной светелке ее, предназначенной для бегунов, еще доживал свои дни свидетель ее жизни. Он и сам был в бегунах, но, перебивая какой-то денек у Любви Степановны, захворал, долго не мог уйти, да так, перебивая день за днем, «обмирщился», осел, начал сам ходить за водой, за дровами, потом стал и рыбку ловить вместе с ловцами, и все стали звать его почему-то Максимычем.

Вот он и рассказал мне много о жизни Любви Степановны, и это открыло мне какой-то свет в это темное царство нашего прошлого. Любовь Степановна была такой большой ревнительницей старой веры, что в свое время собрала все ценные остатки Даниловского монастыря и перевезла их к себе на Карельский остров. Тут она выстроила небольшую часовенку, служила в ней сама, и ее везде почитали как последнего большака Выгореции. Но что-то произошло в душе этой женщины, и это происшествие осталось необъясненным: будучи уже пожилой, Любовь Степановна почему-то пристрастилась к чтению светских книг и стала их всюду себе доставать. Но мало того! На Карельском острове она открыла настоящую светскую школу для детей и до конца жизни своей оставалась в ней учительницей.

После, вернувшись домой, я и у другого путешественника и исследователя Севера нашел в его книге о былинах на Севере восторженные слова о жизни Любви Степановны.

Но если вспомнить русскую историю, то разве одна Любовь Степановна, воспитанная в суровой школе старообрядчества, внесла пламень души своей в нашу современную жизнь? Мало ли ручьев из темного царства прошлого влилось в море нашей современности? Мало ли воды этого прошлого принесли камней на устойчивость нашего дела, и не этим ли путем из темного царства прошлого бежит на свет ручеек моей собственной жизни?

Так на лавочке возле дома Любви Степановны на Карельском острове мы беседовали с Максимычем, обмирщенным бегуном, и нам приходило в голову, что, может быть, и всегда, если правда какая-то есть в побежденной стороне, то она потом одним человеком переходит на ДРУГУЮ сторону, потом другим, третьим, многими по одному и не пропадает, а неминуемо остается с нами, в нашем строю борцов.

11

Понимаю, что можно вникнуть в чужую жизнь и представить ее как картину, но просто чудом кажется, когда берешься за жизнь свою собственную и видишь ее, как в ней без всякой помощи художника все само собой расставлялось по правилам труднейшей композиции. Вот отчего простодушный человек, заглянув в себя самого, и восклицает в душевной беседе:

– Если бы мне жизнь свою пересказать, то это был бы роман замечательный!

Разве, правда, не замечательно сложилось в моей жизни, что девяти лет от роду я пустился на розыск страны, где все устроено лучше, чем было у нас. И как это могло случиться, что через двадцать лет, всему как следует наученным, я забросил всю свою «науку» и открыл себе второе детство на Карельском острове огромного Выгозера и место переживаний этого второго детства назвал и описал как вновь

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
открытую страну непуганых птиц.
И с тех пор, куда ни поеду, куда ни пойду, на что ни погляжу, мне кажется, я
гляжу первым взглядом и никто на это еще никогда не глядел.
Еще удивительней кажется мне, что когда наконец борьба с царями стала делом
всего народа и революция свергла царя, – на том самом месте, по той самой
Выгореции прошел Беломорско-Балтийский канал, и знаменитая Осударева дорога царя
Петра очутилась на дне озера-моря, и над ней пошли чередом морские корабли.
И вот теперь, когда и этот канал, похоронивший открытую мною страну непуганых
птиц, стал эпизодом в сравнении с делом победы в Великой войне и всем
строительством новой жизни после войны, как же мне самому вместе со всеми
простодушными людьми не воскликнуть:
– Если бы мне свою жизнь пересказать, то это вышел бы роман замечательный!
Канал еще строился и Выгореция не была еще под водой, когда я опять приехал в
край своего второго детства. Книгу мою «В краю непуганых птиц» строители тут
читали с большим интересом, она ходила здесь по строительству из рук в руки,
удивляя всех тем, что было раньше здесь. Каждый новый человек, каждый
руководитель строительства находил на своем участке как бы свою новую родину.
Новые люди, тоже как, бывало, и я, увлекаясь своей новой родиной, забывали о
старом. Вот почему, не обращая

12
внимания на старое, они книгу мою читали, будто описанное в ней было назад тому
уже лет двести, и дивились мне, как бы воскресшему в наших днях. Когда же я
уверил их, что все описанное было всего только двадцать пять лет тому назад, они
дивились быстроте преобразования края.

Совсем другими глазами смотрел я, участник прошлого этого края. На том же самом
Карельском острове во время строительства канала я знал очень пожилую женщину. У
нее было клятвенным решением не уходить с острова перед затоплением из-за того,
что мир, но Писанию, должен сгореть, а не утонуть, и этот «мир» для нее был ее
Карельский остров. Некоторых героев своей старой книги я застал еще в живых. Был
жив скрытник, таившийся в светелке Любви Степановны. Он был глубоким, но легким
старичком. И называли его уже теперь не Максимычем, а Куприянычем.

Теперь он вовсе обмирщился, но, как сам говорил, «духа своего не угашал». И тоже
обещался, что ежели не светопреставление, а затопление, то он найдет в себе силу
уйти и скрыться в немеряных лесах.

– А есть еще немеряные? – спрашивал я.

– Мало ли их! – отвечал Куприяныч.

Очень мне понравился встреченный мною на строительстве мальчик, прозванный за
живость свою паозерами Зуйком, маленькой чайкой. Этот славный мальчишка был
семнадцатым внуком одного рыбака, знакомого мне еще двадцать пять лет тому
назад. У этого Сергея Мироныча, сильного большого хозяина, я и ночевал в
Надвоицах двадцать пять лет тому назад, пил у него настоящий финский кофе, ел
его всякие калишки и рыбники, слушал его былины и всякую досюльщину.

У него было чуть ли не десять сыновей, из них были некоторые «ловцы», занимались
больше рыбой, другие были «полесники», значит – охотники. Лучшим охотником в
краю из его сыновей был Герасим, отец Зуйка.

Я видел на каждом шагу, как старое умирало и как новое рождалось. И я буду
рассказывать теперь о том, что было и делалось не мною самим. Я на себя беру
только показать, что старое умирало и новое рождалось не просто. Мало мне надо
выдумывать.

13

ЧАСТЬ I

ЛЕС

I. МИРСКАЯ НЯНЯ

Холодный родничок возле нашего костра бежит в ту сторону гор, где вишни цветут,
и соловьи поют в яблонях, и, может быть, люди, если верить песням и сказкам,
где-нибудь там нежно любят друг друга. Мы ночевали в лесу, и родничок нам журчал
о благодатной южной стране. Утром затоптали костер, прошли немного, и вот он
опять, родничок, бежит, только не в ту сторону, южную, а в нашу, беломорскую,
где, пусть бывает, между людьми и еще нежнее любовь, но где только в песнях поют
о благоухающих садах, и никто никогда не видал цветущей вишни и не слышал
соловья, и вся жизнь у всех нас проходила с малолетства в суровой борьбе с
суровой природой.

Шли мы долго этим ручьем, и все он усиливался, и все громче лепетал на камнях.
Вдруг лес расступился и показался незарастающий след далекого от нас военного
похода.

14

– Осударева дорога! – сказал отец.

Остановились. Отец шапку снимает.

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Это была незарастающая дорога со времен Петра Первого. Этим путем царь народом, собранным с трех губерний, волоком тащил флот свой на шведа.

– Что тут народа легло! – говорит отец.

И шапку как снял, так все и не надевает.

На кладбищах, на священных местах наши отцы всегда шапки снимали: Осударева дорога для них была местом священного народного труда, где нам, маленьким, нужно было чего-то бояться, пристойно вести себя и слушаться старших.

Мы спускались ручьем все ниже и ниже, пока он не стал речкой в спокойной долине. Тут мы сели в карбас, и вода нас понесла. Отец правил и подгребал. Я с ружьем наготове сидел на носу. Вижу, из заводи выплыла впереди нас пара лебедей.

– Не стреляй!

Я поглядел на отца.

– Потому, – говорит он, – что они от нас не летят, а почему не летят, сыночек, сам догадайся.

Не успел это он выговорить, как из травки выплыли лебедята.

Речка была неширокая, лебеди не смели нас пропустить, не могли нам и довериться, и тоже не могли бросить детей и улететь. Им оставалось только плыть поскорее вперед. И маленькие так спешили, что лапки их, вытянутые назад, виднелись и вода между ними шумела. А большие лебеди и хотели бы, и могли бы много скорее плыть, но оглядывались на малышей и поджидали.

Что тут делать? Птицы стесняли ход нашей лодки, мы же птиц стесняли. Так всё плыли и плыли медленно из-за птиц до самого Выгозера. Тут мы поставили парус, и хорошая поветерь взяла нас на Карельский остров, а лебеди по этой речке, Телекинке, поплыли обратно одной тесной кучкой со своими лебедятами.

На Карельском острове в то время на берегу было столько бань, сколько во всем селе домов. У каждого хозяина была своя банька, тут каждый рыбак у себя и парился, весь красный, из-под веника, выходил на порог и бросался в холодную воду.

Возле каждой баньки, так тесно, что вода была серая, плавали дикие утки: староверы их не трогали, принимая в пищу только горнюю дичь. Мне казалось тогда – это был

15

остров непуганых птиц. Тут были утки разных пород и с ними гагары, чайки, зуйки. Отступя от бань, повыше стояло село с узкими улицами. Перед иными домами были тогда восьмиконечные деревянные кресты, такие большие, что на них можно было бы и теперь распять человека.

Особенно большой и крепкий крест стоял перед двухэтажным домом бабушки нашей Марьи Мироновны, где мы с отцом останавливались и ночевали.

Только не так-то просто было войти в ее дом. Отец издали начинал шаркать ногами о траву; к бабушке нельзя было прямо ввалиться рабочему человеку, как это сплошь да рядом бывает в крестьянских домах: с улицы – прямо в избу в рабочей одежде. Прежде чем ступить на чистый половичок и подняться наверх по лестнице, надо было хорошо ноги почистить, надо было обмыть лицо и руки в уголку, поливая воду из глиняного умывальника-чайника, подвешенного на веревочке: носик в одну сторону и носик в другую.

Поднявшись наверх, мы долго крестились по-староверски двумя перстами на старинные иконы с неугасимыми лампадами. Марья Мироновна не сразу к нам выходила. Был такой слух, и мы этого ужасно боялись, будто бабушка Мироновна спит всегда в гробу, ждет конца света – какого-то светопреставления, и что гроб ее сделан из карбаса, покрашен в черный цвет с белыми костями накрест на одном борту и с белым черепом на другом.

Мироновна на Выгозере была мирской няней. Когда заболит у кого-нибудь дитя и слух об этом добежит до Мироновны, она садится в свой черный карбас и уплывает с Карельского острова. На пороге того дома, где заболело дитя, вскоре появляется высокая властная старуха и спрашивает голосом, вместе строгим и ласковым:

– Не улетела еще ангельская душка?

Тогда, если душка не улетела, все идут из дома спокойно на работу в поля или рыбу ловить, а Мироновна делается хозяйкой, и ее слушаются все в доме и боятся, и всем она распоряжается, как только ей вздумается, пока не отходит дитя.

Вот то и было всем на Выгозере дивно и непонятно, как это она ждет светопреставления, проповедует конец света, а только где заболит ребенок – вся убьется, вся изведется, только бы жило дитя. С одной стороны – свет кончается: лежит в гробу в ожидании конца для всех людей, с другой стороны – у того же самого человека душа так образуется,

16

будто свет только что начинается: сидит у постели ребенка.

Выходила к нам Марья Мироновна, высокая, прямая, с лестовкой в руке. Мы ей чинно кланялись, спрашивали, не нужно ли для нее поработать. И работали, бывало, и не

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
один день. Сигов ей наловим, накопим, насолим, шук распластаем, навялим впрок на солнце желтое щучье прочное мясо. Ей, постнице, этого хватит надолго. И мы не одни ей помогали. Этим мирская няня кормилась и больше ничего за свой труд нигде никогда не брала.

Кто много пожил, тот не удивится, как могла уцелеть до нашего времени Марья Мироновна. Так похоже, будто мысли и помыслы наши не исчезают сразу, а остаются долго вертеться, как маховики на холостом ходу. Мало ли чего такого не бывает! Пюют же и по сю пору на Севере былины о Владимире Красном Солнышке, о древних русских богатырях, и о соловьях на вишнях, и о яблонках, каких у нас не бывает, и о цветах, виденных нашими предками еще в Киевском княжестве.

II. СКАЗАНЬЕ О ВЕНИКЕ

Многие из нас, ребят, конечно, в детстве болели, и у всех у нас таких побывала Мироновна. У кого она была и кому о чем-нибудь рассказывала, так тому на всю жизнь ее слова о оставались в поучение. Зимой в долгие вечера мы, ребята, слышали от мирской няни, как в старинное время здешние люди боролись за старую веру. Страшно было слушать эти правдивые рассказы о том, как люди собирались в деревянные срубы и, когда царские солдаты подходили – поджигали смолье.

Так распалит, бывало, Марья Мироновна, так настроит наше детское доверие, что вот взял бы сейчас и сгорел бы за старую веру. И так робко спросишь, бывало: – А нельзя ли нам, бабушка, взять и сейчас вместе с тобой сгореть за старую веру?

– Не спешите гореть, – отвечает она, – успеете. Придет время, все вместе сгорим. Весь свет будет гореть: кто за старую веру, кто – за новую.

Мы только одно знали про старую веру, что у нас в старой вере крестятся двумя пальцами, а не тремя, что у нас в старой вере люди живут строго, а в новой – как кому только самому захочется.

17

– Так слабость родилась в людях, – поясняла нам няня.

И всегда рассказывала нам одну и ту же свою сказку-быль о заколдованном венике, соблазнившем пустынных-староверов на легкую жизнь.

Было это еще в те времена, когда в гонениях за веру сильные люди разбежались по лесам на берегах реки Выга и в ожидании неминуемого светопреставления лежали в гробах. Так, был один такой пустынный отец Корнилий. Лежал он в своей маленькой келье в гробу, молился. Конечно, время от времени он вставал поглядеть, не показывается ли чего-нибудь на небе, нет ли признаков конца земных мук.

И так было раз, встав из гроба, отец Корнилий выглянул на свет в свое маленькое окошечко. Увидав, что комары столбами стоят над рекой, Корнилий живо скинул рубашку, вышел из кельи и сел, голый, на камень у самого берега.

Сколько времени так мучил себя пустынный – неизвестно. Скорее всего мученье это он не сам себе выдумал, а взял в пример из древних книг. Сам по себе Корнилий был живой человек, из крестьян. Искусанному комарами, и злой таежной мошкой, и слепнями сладко вспомнилось прежнее крестьянское житье, когда, бывало, каждую субботу добрый крестьянин парился в бане и стегал себя до беспамятства березовым веником.

– Вот бы попариться! – прошептал он.

И только-только он это прошептал, вдруг видит, будто что-то мелькнуло в белой пене порога, покружилось на плесе, и по заводи медленно к ногам пустытника подплыл обыкновенный банный веник. После говорили об этом, что не царствами, не дворцами, не золотом, не серебром ухитрился прельстить нечистый старого крестьянина, а этим самым обыкновенным березовым веником.

Подивился добрый крестьянин венику, подержал в руках. Никто в пустыне, кроме птиц и зверушек, не мог видеть, как пустынный хлестнул себя голого мокрым веником по искусанной спине.

– Грех какой! – перекрестился он и бросил его обратно в реку.

Провожая глазами уплывающий веник, Корнилий подумал и сказал:

– Значит, повыше еще житель есть.

И захотелось ему, вот как захотелось, как в старину, просто попариться в бане. А еще больше захотелось повидать, побеседовать по душе с тем простым человеком, там

18

повыше на Выгу, кто не думал о близком светопреставлении и во все свое удовольствие мог париться в бане.

– Прости, боже! – сказал Корнилий.

И, прибрав немного у себя в избушке, отправился к верхнему жителю в гости. А пониже отца Корнилия на Выгу спасался поморец Лука. Веник, брошенный отцом Корнилием, скоро приплыл к нему и тоже обрадовал его. И тоже стало ему на душе полегче. И представилось, будто там, наверху, есть жизнь невинная, простая и прекрасная. Попросту говоря, старику, измученному комарами, захотелось

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru попариться. И тоже он, как и отец Корнилий, не задумался об искушении.

– Прости, боже! – сказал Лука.

И отправился к верхнему жителю в гости.

Тожe и пониже Луки, спасаясь от новолюбцев, проживал добрый инок Серапион с матерью своей старицей Нимфодорой. Серапион, увидев плывущий веник, сказал своей матери:

– Матушка, видно, там, повыше, тожe есть житель. Нимфодора поглядела на веник, пожевала губами, и старухе тожe очень захотелось попариться.

– А ничего это, матушка? – спросил Серапион.

– Бог простит! – ответила Нимфодора.

И, убрав все в своей келье, наготовив лучинок, труту, дровец, на случай, кто заблудится, они оставили на двери знаки о том, что ушли к верхнему жителю.

Да недалеко по Выгу от впадения речки Ковжи жил Архип Авраамов, да пониже того на два перехода, да за большими порогами, да у Березовой заводи, да у Лисьей норы. Так от низу и до верху, от избушки к избушке, понимая условные знаки, – что хозяин келейки отправился к верхнему жителю, – собрались все пустынные у отца Даниила, в сердечной простоте пустившего вниз по реке банный веник.

– У тебя, отче, – сказали ему, – все есть. И банька, и рыболовные сети. Видно, ты живешь по желанию и мало думаешь о близком конце.

– Милые мои други, – ответил отец Даниил, – о конце своем помышляю неустанно, но помышляю тожe угодить господа и телесной своей чистотой. Вода-матушка, она ведь чистая бежит. Ни в ней мышки, ни таракашки.

– Да что есть вода? – спросил отец Ферапонт.

– Вода-матушка, – отвечал инок Серапион, – есть,

19

как и мы, тожe грешница. В чем-то она согрешила там, на небе. И падает к нам вниз на землю на доброе дело, на работу для нас всех. Смотрите, вон как она бьется, размывает скалистый берег, а вот там намывает, и где намочит, поднимается всякое растение на плодородной земле. Кончит работу вода, сделает свое полезное дело – и получает прощенье, подымается вверх облачками-тучками, ходит по ветру. Так и мы, грешные люди, и падаем, и работаем, и подымаемся.

– Вот это правильно, – сказал Ферапонт. – Вода нам, грешникам, первый пример: капелька с капелькой соединяются на общую работу. Так и мы, человек с человеком, должны сходиться на труд. Я так понимаю, отец Даниил?

– Не надо бояться людей, если сходиться на доброе дело, – кратко ответил отец Даниил.

И с этим все согласились, что пустынным париться можно, и с тем тожe согласились, что рыбу тожe ловили и святые апостолы. Значит, если и теперь вместе сойдутся, – в этом нету никакого греха.

Греха-то, конечно, и не было, только одно упустили добрые пустынные: забыли они о близком конце, о том, что все пророчества сходились на близости дня светопреставления, что по вере отцов все мученики, сгоревшие в срубах, с этой верой поджигали смолье: не себя самих они так кончают, а господь их рукой весь мир поджигает.

А нынешние пустынные, забыв это, согласились на легкую жизнь, в том, что вместе им жить будет лучше.

И хорошо бы, и все бы на пользу, только уж что-нибудь бы одно: или конец, или начало жизни. А пустынные с тех пор стали хромать на оба колена: и жить-то хочется, и гореть надо. Вот отчего и началась эта слабость.

Перед тем собирались вместе, чтобы умирать, а теперь собрались, чтобы жить, и тут же принялись искать удобное для хлебопашества место. После долгих поисков по реке Выгу и по его притокам вернулись к старому месту, где жил отец Даниил.

– Нет лучше этого места, – сказали искатели.

Добрый старец Корнилий, первый пустынножитель, увидевший веник, на эти слова ответил:

– Место, может быть, и есть лучше нашего, да что в том хорошего, когда много ищешь да разного хочешь. Есть места много лучше нашего, да тут сорока кашу варила.

После этих слов отец Даниил благословил начать здесь общежитие, и прозорливец Корнилий сказал напослед:

20

– Тут сорока кашу варила: мы поселимся здесь, а возле нас со временем соберутся хорошие люди с люлочками и с мамушками.

Слова прозорливого старца сбылись очень скоро: со всех сторон стали стекаться измученные гонением люди на то место, где вначале жил один только отец Даниил. От соединенных усилий из-под рук человека скоро вышла из дикого леса, из-под камней плодородная земля. Народились большие стада. Явились корабли для торговых поездок в Норвегию и на юг. В женском общежитии на реке Лексе стали процветать

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
выгорецкие тонкие рукоделия – северное наше искусство. В мужском, на Выгу, братья Денисовы сочиняли свои знаменитые «Поморские ответы», ходившие в списках по рукам и на севере, и на юге вплоть до Киева. Свой историк Иван Филиппов писал «золотую тростью» свою известную историю Выгореции. В то же время невозможно стало при множестве людей следить за строгостью нравов, беречь «сено от огня»: общение мужского пола и женского. И вокруг монастыря, как предсказал прозорливец Корнилий, стали жить не подвижники, а самые обыкновенные люди с мамушками и с люлечками.

Так мало-помалу на Севере внутри великого государства Петра стало расти другое не совсем дружественное ему государство Выгореция.

Можно понять Марью Мироновну, что скорее всего она к тому, наверное, всегда и вела свою сказку о венике, что пустынники, соединившись вместе, слишком уже направили свое внимание к устройству жизни земной и тем возбудили внимание и зависть людей, не имеющих никаких стремлений к жизни небесной. Вот это пристрастие к жизни земной, наверно, она и называла слабостью.

Осударева дорога проходила очень недалеко от того места, где жили выгорецкие пустынники в двух своих монастырях: в мужском на Выгу и в женском на Лексе. Великий ужас напал на староверов, когда прошел слух, что сам царь-Антихрист с сыном Алексеем, с большим народом, с кораблями приближается к ним. Многие бросились к прежним приемам борьбы: наташили из лесу смолье, заложили его в деревянные строения, чтобы не сдаваться живыми, – сгореть вместе со своим нажитым добром. Одни хотели гореть, другие бежать, как прежде, и расселяться поодиночке в глухих местах.

21

Время жизни нашей летит быстро, но если пристально смотреть на часы, так оно, кажется, не идет даже, а стоит. Так точно и в прошлом, если считать время годами, далеко кажется от нас то время, когда Петр со своим сыном Алексеем во главе свиты своей и народа, собранного с трех губерний, подходил к Даниловскому общежитию на Выгу. Но если время не годами считать, а по человеческой жизни, то оно окажется совсем недалеким от нас. Восемьдесят лет тому назад родилась в Надвоицах наша Марья Мироновна, а еще за восемьдесят лет от нее был жив последний большак Выгореции, а еще за восемьдесят лет от него и проходил Петр со своими кораблями по Выгореции.

Марья Мироновна об этом ужасе раскольников перед встречей с царем-Антихристом рассказывала так живо, будто она сама царя в лицо видала, сама же будто и закладывала в деревянные стены смолье.

– Не от самого царя вред был, – говорила она, – а больше от клеветников и завистников, окружавших царя.

И, конечно, они при первом случае доложили царю, что совсем недалеко, здесь на Выгу, живут пустынники своим собственным маленьким государством, богатеют, торгуют, пишут книги, проповедуют старую веру, а за царя богу не молятся. Расспросив подробно об устройстве замечательной общины, Петр обрадовался встрече с такими дельными людьми и, верно, пропустил мимо ушей или просто не придал значения тому, что они за царя богу не молятся.

На этом месте рассказа всегда, бывало, дрогнет какая-то струнка в лице Марьи Мироновны, для нас, ребятишек, очень приятная. Казалось, будто бабушка наша очнулась от своей постоянной ужасной мысли о скором конце света, любовно-лукаво примиряясь с землей.

И непримиримая наша обличительница новой веры начинала горячо восхвалять царя.

– Как же так, – спрашивали мы Марью Мироновну, – то называла царя Антихристом, а то вот теперь восхваляешь?

Тогда с не сходящей с лица лукавой улыбочкой добрая и совсем другая Марья Мироновна, не обличительница, а мирская няня, говорила нам:

– Это, деточки, по вере мы считали царя за Антихриста, а по делам своим он прошел как отец отечества благоутробнейший, оставляя сердце свое в руках всемилостивого небесного отца, человеколюбиво милующего пустыню сию.

22

И спокойно рассказывала дальше, как царь потом вспомнил о пустынниках и, вместо того чтобы наказывать их, – что богу за него не молятся, – заставил их отливать пушки на пользу всего государства Российского. И когда пустынники, желая сохранить в целости свое общежитие, уступили царю, то эта слабость привела к другой слабости, и вся жизнь монастыря начала падать и разлагаться.

При царе Александре Третьем приехал чиновник, все описал, все опечатал, и с тех пор Выгореция кончилась.

– А как же быть, – говорила Мироновна, – как же быть тоже и царям? Он же государь, у него на руках большое дело, не он виноват, а каждый из нас виноват в своей слабости.

И, вспоминая веник, еще говорила:

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
– Сидели бы отцы на местах, ждали бы терпеливо в гробах своих конца света, а то нет! увидели венки, и захотелось попариться. Мало ли что самому-то захочется! Деточки, не по желанию живите, не как самому хочется, а как надо всем нам жить.

III. ФИНСКИЙ КОФЕЙ

Там,, где весь наш коренастый могучий Выг тремя падыми валится вниз в озеро Воицкое, в селе Надвоицы, в своем хорошем доме живет родной брат Марья Мироновны, богатый и могучный рыбак Сергей Мироныч. Случилось, около праздника Николы Вешнего заболел у этого дедушки Мироныча семнадцатый внук, и Марья Мироновна, мирская няня, на своем черном карбасе приплыла к брату в дом и стала ходить за мальчиком. Вскоре тут подошел и самый праздник Николы, любимый на Выг-озере. В Надвоицах и на всем Выгозере, на островах, и на суэме, и на Сегозере, и даже в большой глуши на Хиж-озере давным-давно от финских карелов ловцы и полесники переняли привычку в праздники по случаю удачного лова и охоты угощаться кофеем. Как это случилось, что старообрядцы пользовались такой «слабостью», скорее всего вышло только от того, что кофей пили тут исстари, может быть, и до Никона. В ту весну, когда в Выгореции начали строить Беломорско-Балтийский путь, в доме Мироныча был счастливый лов и охота: довольно наловили семги, скачущей с камня на камень вверх через водопад, напоездовали сигов, наловили сетями и накололи строгами щук. Не

23

грех было в праздник Николы Вешнего собрать всю семью и всем вместе напиться кофею.

Приехал с Коросозера старший сын Мироныча Осин, всегда молчаливый при батюшке полесник. Он привез с собой много дичи, мяса звериного, соленого, и свежих, только что убитых на токах мошников. Младший сын, молодой саблеватый парень Ванюшка, работающий на сплаве лесов, прибыл из Сороки погулять на празднике. Оба зятя приплыли из Габсельги и Койкинского погоста со своими бабами. И здешние сыновья Мироныча, все пятеро, собрались с женами и малыми детьми.

В ожидании приезда из Поморья почетного гостя, промышлявшего морских зверей, убирали стол. Принесли огромные рыбники, с запеченными в тесте цельными сигаами, и тоже семужные были рыбники с нежно-розовым мясом, и щучьи пироги на любителя щук. И мошники цельные большие, и высокие стопы калишек с творогом.

Возле полураскрытой занавески у образов с лестовкой в руке вся в черном сидела Марья Мироновна. Она не к празднику, не за кофеем прибыла сюда с Карельского острова, а только чтобы спасти от смерти большого мальчика, сына Осипа Сергеевича, семнадцатого внука Сергея Мироныча. Дни и ночи сидела мирская няня возле больного, что-то шептала, перебирая пальцами узелки своей староверской лестовки, понимая так, что удерживает душу больного на какой-то высоте между землею и небом.

«Не упустить бы ангельскую душку», – думала мирская няня.

А душа мальчика в этот день как раз только и начала оживать пролежавшее неподвижно столько дней тело. Где-то в своем поднебесье Зук услышал знакомые прекрасные клики пролетающих лебедей, и это решило все: он начал спускаться на эти звуки родной земли.

Выставляли в избе зимнюю раму, и вместе с шумом Надвоицкого падуна всем слышались гармонические звуки лебедей, перелетающих по светлым ламбинам 1 на места своих гнездований.

– Лебеди, лебеди! – закричали дети.

– Как славно играют! – отозвался отдыхающий на полатах Сергей Мироныч.

А Марья Мироновна, измученная бессонной ночью,
1 Светлая ламбина – озеро со светлой водой, темная – с темной. (Здесь и далее все примечания М. М. Пришвина.)

24

услыхала в довольстве сказанные слова брата об игре лебедей и ответила ему с явной досадой:

– Играют лебеди, им бы только играть, а нам 'бы с тобой лежать на полатах да слушать.

– Не все у них игра, – усмехнулся Мироныч, – поиграют птицы самую малость, а там надо яички класть, надо на яичках сидеть, не есть, не пить, не спать, а там вывелись птенцы – надо кормить, это нелегкое дело: каждому птенцу нужна рыбка, а там надо выходить, надо уберечь от ястреба и от зимней стужи нашей, увести в теплые края. Нелегко и лететь туда, – на лебедях летят в теплые края вошки, букашки в великом множестве, все кусаются, все есть хотят, кровь лебединая исходит на всякую дрянь. А крылами все надо махать и махать. У каждой птицы под крылом мозоль нарастает в кулак, и каждая птица должна про себя понимать: долечу ли я или упаду. И нет у птиц докторов, как у нас. Упадешь – товарищи спустятся и заклюют, чтобы не мучился и другим не мешал дальше лететь. А ты, сестра,

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

говоришь – у них только игра!

– Конечно, – ответила Мироновна, – дело нелегкое... А все-таки – по желанию! Свои деточки у лебедя – свои желания: вот и легко.

– А можно ли что-нибудь сделать на свете без своего желания, Марьюшка?

– Можно, Мироныч!

– Ну как же так, не пойму. Ты вот, мирская няня, ходишь за чужими детьми. Разве что вот это...

– И тоже хожу за ними по желанию, и борюсь с этим, и все не могу до конца победить этой слабости: я им делаюсь все равно как родная мать.

– За своими – по желанию, за чужими – по желанию... Да можно ли, сестра, на свете хоть что-нибудь сделать без своего желания?

– Отчего же нельзя? Наши отцы не по желанию жили.

– А как же?

– Как надо.

– А как, по-твоему, надо?

– Не по-моему, брат, а как написано было в наших старых книгах до нечестивого Никона. Ты это знать должен.

Мироныч, старый человек, прочел за жизнь не один десяток тяжелых староверских книг и уж хорошо знал о наступающей слабости и о том, как надо жить по учению

25
отцов. Но на него в спорах с сестрой что-то находило, какое-то упрямство, и до того, что он начинал по временам заступаться даже за «слабость».

– Лежать в гробу, – сказал он, – учили наши отцы и лежа дожидаться светопреставления. Ждали-ждали и не дождались. Верно ли это, что мы в гробах должны ждать конца? Верно ли, что сразу все должно кончиться, а не каждый человек отдельно кончается в своем труде: кончил трудиться, и сам кончился, и думал, что жил для себя, а оказалось, жил на пользу других. Сестра, не гордость ли наша староверская в этом, чтобы сразу всем кончиться, а самому бы лежать и дожидаться, когда придет наконец час для всех!

Тогда как будто в подтверждение слов Мироныча против стремления живого человека к своему смертному часу, да еще с угрозой этим часом для всех, на белой подушке явились два чудесных голубых цветка. Так удивляемся мы цветам, когда, отвечая красоте солнца золотого и неба голубого, они образуют свои венчики. Но что удивительнее прекрасного детского глаза, отвечающего и всей красоте природы, и чему-то еще более нам дорогому, нашей какой-то смутной надежде на будущее счастье всего соединенного в добре человека.

Так, выдоравливая, Зук открыл свои голубые глаза с золотой искоркой. Но Мироновна этих глаз не видала. Зеркало души ее было взволновано. Слова брата налетели на него, как ветер налетает на спокойное лоно воды и смешивает все чудесные отражения действительно прекрасной жизни. Как будто тень замученного фанатика Аввакума вошла в нее, и, такая добрая, бабушка, протянув вперед руку с двуперстием, она зашептала старыми, заостренными словами:

– Мертвые встанут! Что, вы признаков не видите? Леса, воды, все измерено. Цепь Антихриста пролегла по всем просекам, диких зверей стали считать, на товарах всюду печати, сатанинской проволокой, как паутиной, опутан весь мир...

А Мироныч, не слушая знакомые и давно прожитые слова своей сестры, радостно глядел на голубые цветы своего любимого внука.

– Брось, сестра, – сказал он, – ты погляди-ка лучше на внука!

Оглянулась Мироновна – Зук встретил ее с улыбкой на щеках, начинающих румяниться.

26

– Бабушка, – сказал он, – а что, лебеди не считаны?

– Нет, сыночка, – ответила бабушка совсем другим голосом, – лебеди не считаны: кто может их сосчитать? Лебеди – птица вольная.

– А весенние ручейки в наших лесах?

– Ручейки, сыночка, неровно бывают: один год меньше, другой больше. Как это можно ручейки сосчитать, глупый?

– И что это, ручейки, это наши желания? Мироновна вздохнула:

– Желания, миленький: бегут, бормочут, шепчутся, травки-листки качают, камешки лижут, пошевельивают, все, все это, как наши желания...

– И лебеди?

– Весна ведет и всем дает желания.

– И несчетные?

– Кто может сосчитать это: все жить хотят.

– А как же ты сейчас с дедушкой спорила и говорила: все звери в лесу сосчитаны, и деревья, и все на свете измерено и опутано проволокой, как паутиной?

– Ну и молодец, – отозвался с полатей Сергей Мироныч.

Старик приподнялся, ноги с полатей спустил, приготавливаясь к новой борьбе со

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru старухой за жизнь на земле в бесконечном ее нескитанном разнообразии. Но Зук, еще слабый, закрыл глаза, и румянец слетел с бледных щек. И та же самая рука, только что грозившая своим страшным заклинающим двуперстием, теперь обратилась доброй ладонью с разжатыми пальцами и, часто покачиваясь, умоляла всех в доме о тишине:

– Тише, тише! – шептала Мироновна.

И полуоткрытый рот, и материнская улыбка пробудили на старом лице следы былой великой красоты человека.

– Уснул, уснул, – шепнула она, – это к здоровью!

И осторожно, бесшумно задернула полог.

Но Зук не спал. Его душа теперь была, как это часто бывает у тех, к кому возвращается жизнь: душа его была как вся земля, как вся природа, и он в ней, как свой, и все тут было свое, близкое, знакомое, прекрасное и понятное. Вот оно тут лежит, все Выгозеро со всеми своими островами: сколько дней в году, столько островов на Выгозере. И со всех сторон в озеро бегут речки из лесов и нескитанные ручьи, все шевелят травками и, ударяясь о камни, шепчут и бормочут по-разному и неровно: то погромче, то

27

потихе. Когда потихе – рождаются травки, когда погромче – то рождаются камешки, и у всех выходит одно:

– На ро-ди-ну!..

А падун, этот великан трехголовый, высунул плечи черные из-под воды и там под водой руками своими огромными над чем-то трудится, работает, крутит воду, бросает, наказывает, сердится, гонит, рычит:

– На ро-ди-ну!

Поднялась даже на зов из моря холодная рыба и снизу пошла вверх на падун. Серебряной семге тоже надо перебраться через падун вверх на родину. Зук теперь видит себя не на постели, вся душа его стала теперь – вся родная земля. Он теперь сидит с деревянным молотком-кротилкой у одной каменной чаши возле падуна: сам в печурке, кротилка наружу.

Семга, бросаясь вверх с камня на камень, должна попасть в эту каменную ямку. Вон там внизу, где разбивается столб падающей воды, сверкнула вверх длинная искра: это она сделала свой первый скачок вверх с нижнего камня повыше, и вот с этого верхнего сейчас скачет еще выше, еще прыгнула, еще, и прямо к нему под молоток. А вон другая прыгнула и ошиблась: встречная струя сшибла ее, ударила о камень головой, огромная рыба упала в бучило и там завертелась, бессильная, по воле воды, с перевернутым брюхом.

Рыбу крутит вода, воду крутит черный трехголовый великан. А кто над великаном стоит? Зачем ходит месяц по небу, зачем звезды, зачем солнце? Что это они – так по желанию ходят, как говорит дедушка, или их тоже крутит великан какой-нибудь? И им так надо ходить, как говорит бабушка?

А вон и новая семга сверкает внизу и прыгает вверх. Ей надо пробиться из моря, из Нижнего Выга через падун в Выгозеро, а из озера в Верхний Выг на родину, на места икрюмета.

Значит, она не боится погибнуть: ей так надо.

И ей так хочется.

Ей до смерти хочется, а выходит: так надо.

Семга сверкнула, как искра огня, и мысль сверкнула у мальчика:

«Почему же у семги так выходит, что если ей до смерти хочется, то это же ей так и надо? А если бабушке что-нибудь хочется, то это грех, а надо бывает у нее, когда самой вовсе не хочется».

28

IV. ТАБАШНИКИ

Старый друг Мироныча Михаиле Потапыч с приездом своим хорошо подгадал. Пирог на столе далеко не успели остыть, когда показался на озере его карбас с одним парусом на прямую поветерь. По северному обычаю жёнка его сидела на веслах, а он, бородатый, правил и помогал ей кормовым веслом. Ловко обойдя Еловый островок, разделяющий натрое падение Выга, карбас остановился против дома Мироныча с восьмиконечным крестом и с князьком на крыше, подобным голове оленя с ветвистыми рогами. Гостя дорогого Мироныч усадил возле себя и, не выдав его уже лет тридцать, стал рассказывать о себе и потчевать всем, что дает северному полеснику и ловцу богатая вода и таежный сузём.

– До веку мне остается немного, – говорил Мироныч, – не знаю, друг, доживу ли еще. Много ли тебе остается до веку, Михаиле?

– Мне остается до веку, – ответил помор, – сколько у белого медведя зубов без одиннадцати.

– А сколько у медведя зубов? – спросил бойко Зук, раздвигая обеими руками занавеску широко в обе стороны.

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

– Больно ты боек, – засмеялся Мироныч. – Есть кто тебя поматорей за столом, и тоже не знает, сколько у медведя зубов, а не смеет спросить. Вот придет время, отдам тебя Потапычу на выучку, пойдешь с ним на зверя, убьешь, и сосчитаешь, и узнаешь, сколько у него зубов.

– А не уладишь убить, – засмеялся Потапыч, – он у тебя сосчитает.

– Ну вот, зачем так, – поправил друга Мироныч, – годика через два найдем мы тут неподалеку берлогу, поставим парня против чела, и я скажу: «Ну-ка, Зук, стар я становлюсь, память путается; скажи-ка мне, молодец, сколько у медведя зубов?» Все засмеялись, все посмотрели на кудрявого мальчика с большими голубыми глазами. Осенью в заводях, когда небо чистое как будто немного мутнеет, прозрачная вода становится голубее неба и где-то в глубине сверкают золотые искорки солнца – такие глаза были у Зуйка.

Загляделся Мироныч в глаза любимого внука и, верно, в них себя самого увидел, когда он тоненьким ребятенком тоже такими глазами с острой в руке выглядывал щук в синей заводи.

– Эх, Михайло, – сказал он раздумчиво, не спуская

29

глаз со своего внука, – был и я тоже молод и несмыслен и тоже спрашивал: и сколько у медведя зубов, и звезд на небе, и что это солнце, и что это месяц, и какая это книга нам с неба упала, и что в ней написано. Смотрю вот сейчас на внука, радуюсь ему, а сам вроде как бы отхожу... Эх, был конь, да заезжен! Но ум, Михайло, все мой! Моего ума держимся мы в семье. Родитель мой батюшка богато жил на Кижозере. Так вот он сказывал, родитель-батюшка, будто на камне середь озера узрил он, как водяной выгозерский с водяным кижозерским в карты играли. На другой день после этого случая вода в кижозере стала убывать, и через три дня от всего озера осталась только дырка в земле: и рыба и вода ушли от нас, а вода в Выгозере заметно поднялась. Так и подумали на карты, что хозяин кижозерский хозяину выгозерскому в карты проиграл и воду и рыбу. Поросло наше озеро ольхой и частым осинником, человеку пройти только с топором. Пробовали жечь лес, камни ворочали, сияли нивы. Да что говорить: возле океана живем; подует морянка, да ясень на небе, да три звезды – все вымерзнет, весь труд тяжелый пропал. Тут родитель мой батюшка говорит:

«Ну, Сергей, видно, правда кижозерский хозяин рыбу свою проиграл выгозерскому, и не вернется она к нам оттуда. Собирайся в поход: идем на поклон выгозерскому хозяину».

Так вот перебрались, и родитель-батюшка под самый конец мне сказал:

«Ум, Сергей, не бочонок с водой, не переставишь, не перельешь в чужую голову. Пока я жив – бери с меня пример. Живи примером, а свой ум береги».

– Вот я, Потапыч, с каких времен помню и ум свой берегу: моего ума держимся.

– Что уж! – сказал на эти слова койкинский зять.

– Да уж! – отозвался зять с выгозерского погоста.

– Мироныч, Мироныч! – оборвала вдруг разлиvistую речь старика Марья Мироновна. –

Погляди-ка, что там за дымок на озере, будто вода загорелась и какой-то невиданный карбас без весел летит по воде: нет и паруса, а сзади дымок.

Все поглядели в окно, лодка неслась по воде против ветра, как птица.

– Моторная лодка, – сказал Потапыч. – У нас в Поморье теперь это не диво. Только глядите, други, чует мое сердце, это неспроста, тут что-то есть.

30

– Это еще что! – отозвалась Марья Мироновна. – Вот поглядите, в Священном писании на летающего монаха указано, что в последние дни архиерей полетит на крылах.

Крупная моторная лодка между тем летела, росла, разрезая воду Выгозера расходящимся углом, подобным каравану гусей. Скоро она причалила к берегу как раз против дома Мироныча. Из лодки на берег вышел высокий молодой человек такого вида, какими тогда выходили из народа начальники: бритый, выдающийся вперед подбородок как будто стремительно влек всего человека вперед, а во лбу и глазах какая-то другая сила осаживала движение, и оттого ноги ступали рассчитанно, руки в плечах двигались сдержанно. Это был явно начальник, и четверо других ребят, более молодых, держались совершенно свободно, как будто всю заботу о каком-то важном деле взял на себя их начальник. С ними была еще молодая женщина в военной одежде, с наганом, в зюйдвестке, кавалерийских штанах, почти от мужчин не отличимая.

Начальник, выйдя на берег, стал сейчас же крутить себе папиросу, другие вынесли из лодки тяжелые котомки, один достал несколько пачек папирос, всех наделил, все закурили.

– Табашники! – сказала Марья Мироновна. – Только вышли на берег – и небо коптить!

– Да уж! – сказал один зять.

– Что уж! – ответил другой.

– А котомки, – молвил Мироныч, – видно, тяжелые: смотри, как засутулились:

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
небольшие мешки, а тягость какая.

– Да, Мироныч, – молвил Потапыч, – я в Поморье на них насмотрелся. Чует сердце мое, это вам неспроста: пора кончать вам в своем соку вариться со своими сигами да с мошниками. Время везде переходит, вот и до вас дошло.

Вытащив лодку, табашники направились к лучшему дому в селе, к дому Мироныча с крепким крестом, высокой сосной и резным оленем на крыше.

Один из молодых табашников попробовал свою силу на нем, но большой восьмиконечный крест и не дрогнул.

– Крепко ставлено! – сказал этот табашник.

– На уж! – ответил, услышав эти слова, один зять.

Посмотрев на прекрасного оленя, поставленного вместо князька, – он был вырезан весь из цельного куска дерева, – приезжие подивились.

31

– Коньки ставят, – сказал один, – чтобы князь не прел: это просто, а для чего трудился человек рабочий на такого оленя?

– Красота! – ответил другой.

– Что уж! – сказал зять в окне. – Понимают тоже, что есть красота.

– Батюшки мои, – вдруг воскликнула, вся переменяясь в лице, Марья Мироновна. – Да они, кажется, к нам идут!

– Понравился олень, – спокойно сказал Сергей Мироныч.

– Семушка, – крикнула Марья Мироновна на детский стол одному из приезжих внуков. – Семушка, скорей беги, скажи, как сумеешь: никого дома нет.

– Гораздо уж ты строга, – остановил ее Мироныч и махнул Семке рукой, чтоб сидел на месте и никуда не бежал.

– Табашники идут, слышишь ты, брат, табашники!

– Опять старая песня, – ответил Мироныч. – Теперь и хорошие-то люди курят табак, что с этим поделаешь! Не можем же мы всех заставить кровью своей кормить комаров, как делали наши отцы. И какая теперь людям от этого польза?

– Не польза, – ответила Марья Мироновна. – а пример. По хорошему примеру люди живут. Польза приходит сама собой. А если без примера будешь только за пользой гоняться – ничего не выйдет полезного. Сема, сейчас же беги!

Неизвестно, чем бы кончился для Семы спор двух упрямых стариков, только в это время застучали ноги по лестнице и твердый и сдержанный голос сказал:

– Разрешите войти, граждане!

V. МАРЬЯ МОРЕВНА

Бывает, и в маленьких странах время обходит и щадит иные уголки до тех пор, пока не явится желание сохранить хоть один такой уголок неприкосновенным. Так бывает и в маленьких странах, а у нас, если обернуться лицом в прошлое, можно такое найти на нашей земле, что в других странах давно уже под землю.

Так обошла гражданская война Надвоицы, и все сохранилось здесь в народе, как будто жили все в одном доме, все

32

были свои и пуще всего боялись нового человека. В забытом краю пели былины о Владимире Красном Солнышке, молились по не исправленным Никоном книгам, и конца света ждала не только одна Марья Мироновна на Карельском острове.

Но время вспомнило забытый край, и к своим людям постучался с виду чужой человек...

Чужой человек вошел, и свои люди за столом глядят на него, как стадо животных домашних глядит на зверя иной породы и следит внимательно за всеми его движениями, за выражением лица и фигуры.

– Хлеб да соль! – приветствовал чужой человек. ,

– Милости просим! – отвечали свои люди.

Вслед за начальником вошел тот военный в зюйдвестке с наганом, и когда он тоже сказал: «Хлеб да соль!» – то все сразу по голосу узнали в нем женщину.

– Там за дверью четверо моих ребят, – сказал начальник, – мы приехали сюда по большому государственному делу, нуждаемся ненадолго в квартире: очень скоро мы выстроим тут свой городок.

– Государственному делу, – отвечал Мироныч, – мы с охотой готовы служить и хорошим людям всегда рады. Зовите ребят ваших к нашему хлебу и соли.

– Табашники! – возмущенно прошептала Мироновна.

Начальник это услышал.

– Вы, – сказал он спокойно, обращаясь прямо к Мироновне, – не беспокойтесь: курить и сами не будем в избе, и за ребят отвечаю: не дыхнет никто табаком.

– Эх, сестра, – покачал головой Мироныч, – слышала же ты: люди по большому государственному делу приехали, а ты со своим табаком заладила на всякого, как сорока про Якова! Зовите товарищей, присаживайтесь к столу, гости дорогие.

– Позовите ребят, товарищ Уланова, – распорядился начальник.

– Слушаю, товарищ Сутулов, – ответила по-военному женщина.

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

И, обернувшись, открыла дверь.

– Маша, – остановил ее начальник, – ты ребятам нашим скажи насчет табаку, как сейчас говорили: чтоб и духу не было.

– Слушаю, товарищ Сутулов, – ответила Уланова.

И скоро привела сидевших в ожидании на лавочке возле дома молодых людей, немного оробевших под общим разглядыванием.

33

Сутулов дельно высмотрел для них места за столом, усадил.

Уланова как будто сейчас только вдруг для всех открыла свои глаза, большие, карие и как бы одновременно печальные внутрь себя и веселые к людям. У русских людей это бывает, и у самой Мироновны раньше в молодости были такие глаза: сразу и печальные к себе и веселые к людям. С доброй внимательной улыбкой приезжая женщина оглядела всех, в одно мгновение запомнила и унесла все с собой, как уносит с собой все ей нужное налетающая на берег морская волна.

И Зук с его удивленными большими глазами не остался незамеченным: волна, откатываясь, заметно на мгновение остановилась на нем и еще дольше остановилась на строгом красивом лице Марьи Мироновны. Отойдя в уголок, она там начала, стараясь быть незаметной, приводить себя в порядок и превращаться из морской волны в военного в женщину.

В крестьянских избах постоянно раздеваются и убираются на людях так, что все это видят и в то же время как будто и не замечают ничего, и Зук тоже, как все, не тарачил глаза в уголок, а все видел, все замечал про себя и что-то складывал у себя в голове.

Маша прежде всего сняла с себя загрязненную зюйдвестку, и каштановые волосы крупными золотистыми кольцами рассыпались вокруг лица и по плечам.

С того времени, как рассыпались волосы по плечам, Зук стал себе складывать из Марии Улановой свою сказочную красавицу Марью Моревну. Так многие дети делают, так просто складывается целый мир свой собственный у каждого из нас в детстве, из обыкновенных, но еще не виданных вещей.

Приезжая женщина сняла с плеч свою котомку, вынула из нее сумочку кожаную, открыла ее, достала маленькое круглое зеркальце, привесила его на стене, зацепив за гвоздик. Зук первый раз видел такое: это была хорошо ему знакомая Марья Моревна. Чудесным было только одно: как могла она из сказки выйти сюда.

Она достала бутылочку маленькую с пробкой стеклянной, обвязанной чем-то и затянутой ниточкой, чтобы не выскочила. Вынула чистый вчетверо сложенный белый платок с цветочками и частыми дырочками по краям и немного полила на него из бутылочки, и бутылочка сверкнула в солнечном луче, как алмазная, своею гранью, и только

34

коснулась, только слегка провела Маша платком по лицу – вдруг оказалось, что в бутылочке была живая вода.

Лицо Марьи Моревны стало цветистым, и по всей избе повеяло ароматом, как будто летом открыли окно, когда всюду цветут луга. Марья Моревна вынула из кожаной сумочки какую-то блестящую коробочку круглую, сняла с нее крышку, ваткой взяла белый порошок, покрыла им цветущее свое лицо, и оно стало, как небо в белых сквозных облаках на заре. Сложив обратно коробочку в кожаную сумку, она провела пальчиком по бровям – и они раскинулись, как крылья, когда птица спускается в воду. Потом она расстегнула военную куртку, и оттуда показалась кофточка, точно как бывает вечером на небе, розовая с голубым, и вся шашечками: одна к одной, розовая к голубой, голубая к синей и опять розовая. От шеи по этому вечернему небу спускается платочек с золотыми цветами. После этого красавица обернулась ко всем, села за стол, и сквозь улыбку глаза ее, и веселые, и печальные, и все понимающие, были как если бы на заре ко всему, что бывает прекрасного, еще вышли бы меж облак два человеческих глаза.

Так Зук, создавая свою Марью Моревну, вспомнил, как однажды, после охотничьего трудного перехода с отцом, наконец-то под вечер темный лес разноцветными своими окошечками открыл вид на зарю, и так было хорошо на опушке, что и усталый отец остановился и стал вслух читать свои «Живые помощи». Он же, мальчик, стоял на месте, глядел на зарю и все чего-то ждал и ждал. Теперь он понял, что ждал тогда вот эти глаза, что этих глаз человеческих тогда не хватало в природе.

Так Зук, поняв приезжую женщину как свою сказочную Марью Моревну, перевел глаза на Сутулова и стал вырезать по-своему из него своего Начальника. Он сразу же заметил, что бабушке Сутулов очень не нравится, и понял, что это у нее все за табак. А вот почему дедушке новый человек чем-то сразу понравился? И, раздумывая об этом, он стал понемногу выводить себе Начальника из дедушки, как вывел свою Марью Моревну из зари, облаков, леса и ароматного луга.

Он сразу заметил тоже, что Начальник держит и себя и ребят своих, как дедушка тоже всегда держит себя, и от этого все его слушаются. Дедушка как будто на

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
чем-то стоит и что-то держит, и это нужно для всех: это для всех надо. Дедушка велит – и это надо, хотя самому-то, может

35

быть, хочется и совсем другого. Вот и Начальник тоже, как дедушка, держит себя, как большой, а ребята его и большие, а все равно, как у дедушки, маленькие: они слушаются, они держат себя и таят что-то свое, чего им так хочется. Да, им теперь, конечно, хочется покурить, а надо удерживаться даже дышать табаком. Но это Зук, конечно, по себе так догадывался о ребятах, они же все сидели, как связанные волей дедушки и Начальника, и виду никакого о своем желании покурить не подавали. Так из дедушки вырезал Зук своего Начальника и стал внимательно слушать беседу, и слова, чуждые и непонятные, вроде государственного дела, переводить на свой детский язык. Так точно и умные зверушки внимательно смотрят на нас, и мы не всегда догадываемся, что по-своему они все понимают.

VI. ГОСУДАРСТВЕННОЕ ДЕЛО

Дав гостям хорошенько покушать, а самому за это время к ним приглядеться, Сергей Мироныч наконец решил спросить Сутулова:

– А по какому же делу вы приехали и для чего будете строить здесь городок?

– Приехали мы по государственному делу, – ответил Сутулов, – мы назначены прокладывать водный путь для больших морских кораблей, путь из Белого моря к Балтийскому. Надвоицы будут на этом водном пути одним из самых главных узлов.

– Ой ли! – воскликнул весело Мироныч.

И обернулся к жене:

– Ну, княгинюшка Евстолия Васильевна, – потчевай дорогих гостей, как только можешь, – слышишь, по какому большому делу к нам люди приехали.

И, обращаясь к своему другу помору, сказал:

– Я жену свою, Михаиле, в большие праздники постоянно княгиней зову.

Евстолия Васильевна при этих словах быстро, второпях, стала что-то дожевывать, проглотив, встала, всем поклонилась и, несмотря на свой возраст, конфузливо покраснела. Княгиня была тоненькая, сухонькая, а глаза большие, горящие и для всех приветливо светились в том смысле, что если все обиды снять с людей, то будут все хороши, а праздник затем и праздник, чтобы люди обиды свои все дома оставили.

36

– Кушайте, дорогие гости, беседуйте! – кланялась хозяйка.

И все гости, слушая ласковые искренние слова, кушая, чувствовали, будто входят в большую семью и к ней как-то присоединяются.

Зук в это время не сводил глаз с Сутулова. Он очень хорошо понял по дедушке, что начальник о своем государственном деле сказал страшно большие слова и что дедушка сплутывал: услышав эти слова, чтобы получше их понять про себя, он завел речь про княгинюшку. Такое Зук все хорошо понимал: дедушка неспроста угощает гостей.

– Да, друг мой, – говорил опять Сергей Мироныч помору, – любя ли тебе княгиня моя? Ну, а мне в свое время гораздо она полюбилась. Какое время было, какими примерами жили! Старики-то наши тогда все о царствии небесном думали и плоть свою морили: бывало, слепням-кошарам и всякому гнусу лесному спины свои подставляли. Понимали отцы – царствие будет там, а не здесь, на земле. За грех считали даже в бане хорошенько попариться: чем трудней, мол, здесь, тем легче там будет. Только временную жизнь устраивали здесь отцы, а нынешняя молодежь: давай хором, коня да дом! Вы-то как, гости дорогие, об этом думаете?

– Мы думаем, – ответил серьезно, не улыбаясь, очень властно и твердо Сутулов, – жизнь надо устраивать на земле хорошо и прочно. Так ли я говорю, товарищ Уланова? – сказал он, не улыбаясь, а только смягчая голос.

– Где же устраивать жизнь, как не на земле? – ответила Уланова. – Будем устраивать здесь, а на небе все само собой устроится.

И вдруг, увидав Зуйку, глядевшего на нее во все свои голубые глаза, как на зарю, улыбнулась ему.

– Тебя как зовут, милый мальчик? – спросила она.

– Зуйком, – ответил тот просто.

– Что за имя такое? – засмеялась Уланова.

– Имя его простое, – ответил, улыбаясь, Сергей Мироныч, как старые хозяева улыбаются чему-нибудь своему доброму и маленькому, – имя его Олешенька.

– А Зук?

– Это мы, рыбаки, так зовем: когда ловим сетями наживку, так маленькие чайки у нас, самые маленькие, проворные, ловкие, хорошенькие, между нами летают и наживку

37

только что из самых рук не хватают. Вот мы и Олешеньку так с малолетства все: Зук и Зук.

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

– Вот, Зук милый, будь у нас и вправду с тобой крылышки, мы с тобой бы и полетели на небо.

Тогда наконец осмелился сказать и один из ребят:

– Лететь можно и на самолете, за этим дело не стало.

– На самолете туда не долетишь, – ответила Маша.

– Бензину не хватит! – весело и сочувственно подал свой хозяйский голос Мироныч.

– Нет, я не про то, – серьезно сказала Уланова, – у нас у всех есть свои крылышки, мы так и родимся с ними, и все бы летали на своих крылышках, да вот почему-то нам их обламывают. Я к тому говорю, что жизнь наша коротка и так, а мы еще ее укорачиваем и заставляем себя делать не то, для чего мы родились, не то, что нам самим хочется...

Зук про себя прошептал:

– По желанию...

– Как же так, деточка, – ответил Мироныч, – по-твоему выходит: как кому захочется, так и живи. Нас отцы учили жить не как самим хочется, а как надо жить.

– Правильно учили отцы, – ответила Уланова, – я не против этого говорю: лично себе-то мало ли чего захочется. Я, конечно, все это отбрасываю и стараюсь делать не как мне самой хочется. Но тоже по себе знаю: если что-нибудь мне до смерти захочется и я так поступлю, то это и будет непременно как надо.

– До смерти захочется, – шептал про себя Зук, вспоминая, как он то же самое думал о семге, прыгающей через падун на места гнездования: семге до смерти хочется туда пробиться, и у нее выходит как надо.

Маша Уланова раскраснелась, и заметно по всему, образованная женщина она была, а говорила среди простых людей так просто и почтительно, как будто это было общество людей самого высокого круга. Сергей Мироныч это очень хорошо понимал и, подумав о ее словах, в увлечении принял их в таком смысле: до смерти захотеть, все поставить на карту – и тогда у каждого выйдет как надо.

– Ну и голова! – с восхищением воскликнул Мироныч. – Такая была царица... как только ее звали, забыл: такая мудрая царица пришла к царю Соломону...

– Царица Савская, – подсказала Уланова.

– Ну и голова! – повторил Мироныч. – А ежели ты, царица, такая прыткая, то какой же должен быть у тебя Соломон!

38

– Саша, – сказала она, поглядев на Сутулова, – мне что-то стыдно становится такие похвалы получать. Не заслужила я.

– Мне тоже кажется, – с улыбкой ответил Сутулов, – не заслужила и рассуждаешь неверно. Мало ли что другому захочется.

– Я сказала: до смерти...

– Ну что ж, пусть другому до смерти захочется кроить людям черепа, так за то только, что он рискует, и подставлять свою голову? Нет, товарищ Уланова, это не выход для всех.

– Так разве я о всех говорю? Я о себе.

– Нет, Машенька, – согласился Мироныч, – это не выход.

– На уж! – сказал один зять.

– Что уж! – ответил другой.

– Неверно! – повторил Сутулов. – Человеку мало хотеть до смерти, ему еще нужен верный план, чтобы делать как надо. Все животные дикие живут, как им хочется, и жизнью своею постоянно рискуют: своими глазами видел, как семга прыгает по камням через падун и разбивается.

Зук слышно вскрикнул «а!» от удивления, и Уланова пристально на него поглядела. А Сутулов продолжал:

– Человек тем и отличается от животного, что ему мало жить по желанию: человеку нужен еще верный план.

– Соломон, Соломон! Настоящий царь Соломон! – воскликнул восхищенный словами Сутулова Сергей Мироныч. – План должен быть у человека, план первее всего. Лонись 1 мы вот тоже с сестрой спорили, я вот, тоже, хватил было по желанию, а она мне говорит: надо план, надо по плану жить, как отцы наши и деды жили: жить по Священному писанию.

– Неверно, – перебил старика Сутулов. – В этом Писании план определен на жизнь небесную: тут, на земле, как-нибудь с жуликами, а там, на небе, будут ангелы и архангелы. У нас, дедушка, план должен быть один-единственный и на земную жизнь.

– А как же на небе? – спросил Мироныч.

– Это нас не касается, – ответил сухо Сутулов.

И нахмурился.

– Я сам, – сказал, подумав, Сутулов, – вышел из старообрядцев.

1 Лонись – значит наемни

39

– Какого же согласия? – почтительно спросил Мироныч.

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

– Никакого согласия: деды были, как и вы, поморского согласия, а отцы называли себя «немоляками».

– А вы как?

– Безбожники! – решительно и громко сказала Марья Мироновна.

На минуту все смешались и замолчали. Стало неловко, но вдруг Уланова, улыбаясь веселыми глазами, сказала:

– Нет, какие же это безбожники, бабушка? Ты только получше к ним приглядишься: добрые ребята и никакие не безбожники. А вот знаешь, Сергей Мироныч, – обернулась она к старику, – хочешь, я сейчас тебе скажу, кто они?

– Ну, скажи, скажи, Машенька!

– Вот и скажу: не безбожники они, а просто табашники, хорошие люди.

От веселого слова куда что девалось. Веселое слово пришло, как солнечный луч.

Мироныч понимающим взглядом поглядел на Уланову и даже успел ей подмигнуть.

– Конечно, табашники, – засмеялся он. – Говорят, что жизнь новую хотят устроить на земле лучше небесной, а самим покурить до смерти хочется. Ну, ребята, потерпите немного, у меня есть клеть, ветерком вся подбитая, там и покурить будет можно. А сейчас пришло время, скажите нам, по какому же государственному делу вы к нам приехали?

– Я же вам уже сказал, – ответил Сутулов, – мы приехали к вам строить водный путь из Белого моря в Балтийское.

– Я не про то, что водный путь, – сказал Мироныч, – это я слышал, – а вот как же строить его: наше озеро неглубокое.

– Мы запрем ваш падун.

– Падун запереть?!

– Запрем падун. Вода подымет, и озеро станет глубоким, и по нем пойдут морские корабли.

– Сколько дней в году, – сказал Мироныч, – столько на озере островов, и на них на всех есть пожни, есть нивы, деревни, люди живут. Что вы с людьми делать будете?

– Мы за большое дело взялись: лес рубят – щепки летят. Но все-таки мы не бросим этих людей. В три раза разольется озеро, старые острова будут залиты, новые обьются, и новые станут берега, и старые звери придут

40

напиться новой воды. Вот мы туда с островов и переселим людей.

– Новые берега! Мы новых мест не боимся. Солнышко и туда будет заглядывать, путь этот из моря в море старинный, царь Петр шел этим путем: Осударева дорога и сейчас видна. Но только, ребятушки, никому не говорите, что можно падун запереть: смеяться будут.

Мироныч это беззлбно сказал, Сутулов с улыбкой еле заметной отстранился от спора. Потом гости сытые встали вслед за начальником, поблагодарили хозяев. Их уговаривали еще посидеть, побеседовать, – нет! им надо чуть-чуть отдохнуть – и за работу. Их уговаривали еще покушать словами: «Хлеб на хлеб валится», – нет! больше они не могли и ушли на другую половину, где отвели им квартиру и указали ту клеть, где можно будет и покурить.

Пока возились с гостями, пока устраивали их, пока выходили свои кто куда, кто зачем, и даже сама Евстолия Васильевна и Сергей Мироныч что-то свое вспомнили и вышли, Зук все лежал, все о чем-то крепко думал и не выпускал из виду перемен в обстановке за столом: чего-то напряженно ждал.

И случилось, на одну короткую минуту комната совсем опустела.

Этого, оказалось, Зук только и ждал. В один миг он окинул глазами все уголки и уверился: нигде никого не было. Тогда он быстро выскочил в одной рубашонке из-под полога, бросился к стене, где висело забытое круглое зеркальце, схватил его и, наверно, из последних силенок скачками, как заяц, вернулся в свою норку. Зеркало было и свое в доме Сергея Мироныча, и в нем каждый мог видеть себя в изуродованном виде и думать об этом уроде: «Это я сам». Но Зук был уверен, и затем он и украл это зеркальце, что в нем не себя он увидит потом, а красавицу Марью Моревну.

Спрятав зеркальце, Зук крепко взялся за мысль свою о начальнике. Сравнивая начальника в дедушке с этим новым молодым начальником, он с жаром стал на сторону молодого и даже ясно увидел, что именно привлекает его в молодом. Дедушка всегда с людьми хитрит и виляет, как будто нарочно путает глупых и, так заставляет их делать все непременно по-своему. А новый начальник обращается прямо и приказывает, как имеющий власть.

– Вот себе бы так, – сказал Зук и крепко задумался об этом: как бы и себе тоже выйти в такие начальники.

41

Мало-помалу все, кроме приезжих, вернулись к столу и заняли свои прежние места. Потапыч, приглушив голос, спросил:

– Где у вас клеть-то?

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

И, увидев по качанию головой, что далеко и отсюда туда ничего не слышно, сказал: – Жили вы тут в забытом краю, спали вы тут, как тюлени на солнышке, но помните, детушки, время вас углядело. Теперь всех оно вас переберет по косточкам, как и в других местах. Доехало, доехало и до вас...

Мироныч как будто немного смутился.

– Вот дело-то какое, государственное, – сказал он. – Хотят падун запереть.

И засмеялся недобрым смехом, повторяя:

– Запереть, запереть...

А зятья за ним повторяли:

– Да уж, запереть!

– Что уж, так взяли, да и заперли!

VII. КРЕСТ И ПРОВОЛОКА

Две уточки, вытянув свои длинные шеи, летели вперед, как две пущенные сильной рукой стрелы, и одна из них попала на проволоку. К ногам старика в длинном староверском кафтане упала первая жертва строительства – дикая утка без головы. Лицо старика передернулось злобой: в дикой уточке он нашел предлог отвести свою душу в сторону от нового времени и от всего, что оно с собою приносит.

Да это и Мироновна еще постоянно нам говорила, что под конец проволоки опутают весь белый свет и мы все в этих проволоках запутаемся, как мухи в паутинных сетях.

Пришло время, и во всех направлениях потянулись черные нити, по столбам, по деревьям, по кустарникам, а местами и прямо по самой земле, и даже кресты на староверском кладбище приняли на себя это дело Антихриста.

Вот и задумался тот старец в длинном кафтане.

– Пожалуй, так, – сказал он, – и в могиле не будет покоя человеку: проволока найдет нас и там.

Покачал старец головой над убитой уточкой, что-то еще прошептал про себя невнятное, а уточку все-таки не бросил и взял ее, ничего не сказав, но про себя, конечно, подумал: «Дома годится».

42

Так оно все пошло и пошло: с одной стороны, все никуда не годится, свет кончается, а с другой стороны – всем от строительства что-нибудь и перепадает, и нельзя это бросить, и все это годится там, где свет не кончается, а только-только вот начинается, и это место у всех называется домом, и так каждый что-нибудь от строительства тащит домой, и так – свет не кончается.

Старый Мироныч рассуждал, конечно, заодно со своими единоверцами, особенно когда в праздники проводил время свое за столом, за беседою. Но как только он брался за дело какое-нибудь, тут у него все рассуждения расходились как туман, и если кто-нибудь вмешивался в его дело с божественными словами, лукаво прищурился и в раздумье сгребал обеими руками в один ком свою седую бородищу.

Так вот, было однажды, Сутулов попросил у него разрешение повесить проволоку на большой крест перед домом. Мироныч поглядел на него – не пьян ли парень?

– Видите ли, – сказал серьезно и разумно Сутулов, – то бы надо крышу сверлить и потолок, а с креста можно прямо в окошко.

– Вот как! – весело засмеялся Мироныч. – Это как галка? Сядет на крест, оставит на нем свое белое пятно, а дождичек потом смоет – и нет греха. Но, милый мой, мы же с тобою не галки, с нас же ведь спросится.

И, захватив в обе ладони свою бородищу, открыл рот, как дурачок, голову свою запрокинул назад, все еще голубые глаза свои прищурил, и, холодные, как две шпаги, вонзил их в глаза Сутулова, и спросил его:

– А ты думаешь, паренек, что, может быть, и не спросится?

Сутулов, спокойно разглядывая, как бы изучая опрокинутого человечка в зрачке Мироныча, выдержал взгляд его и помолчал.

Мироныч бросил бороду, руки поставил в боки и, смеясь одними щеками, еще раз спросил:

– А может быть, и ничего не будет, все пройдет как-нибудь мимо нас без ответа?

Сутулов и тут выдержал и уже совсем серьезно, как должен один умный человек с таким же другим говорить, сказал:

– Сергей Мироныч, не доказывайте мне свой ум своим способом: я без того знаю, что вы умный человек, и очень вас уважаю. Вы поймите, мы отсюда должны разговаривать по телефону с Медвежьей Горой, а Гора стоит на прямом

43

проводе с Москвой. У нас большое дело, и я с вами в государственном смысле говорю, вы же смеетесь: говорите про галку.

– Ну, ну, сынок, не сердчай, – потрепал Мироныч по плечу Сутулова. – За столом сидишь – все так ясно, а жизнь – это веревочка запутанная, найдешь кончик, схватишь, думаешь – вот нашел кончик, а потом окажется: это не кончик, а хвостик. Дела-то у вас торопливые, важные: понимаю, что крест от проволоки не

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
пострадает, вы же снимете скоро?

– Вот как только придет первый транспорт с каналармейцами, пустим их в лес, наделаем телеграфных столбов, и крест ваш освободим, и ничего ему от этого не сделается.

– Понятно, не сделается, – ответил Мироныч, – греха тут, правда, большого не будет... Валите, ребята!

Случилось, как раз в это время Мироновна заготавливала березовый лист для зимнего корма коров и, когда возвращалась, нагруженная вениками с листвобросницы, увидела оскорбительную для древнего благочестия картину: внизу с огромным мотком проклятой проволоки стоит Сутулов, а сверху на кресте сидит мальчишка, подтягивает на себя проволоку и, опутывая ею верхнюю перекладинку на кресте, кончик старается просунуть в дырочку на оконной раме.

Старуха так и замерла на месте, пораженная ужасным видением.

– Погодите, ребята, – вдруг закричал снизу Мироныч, не замечая неподалеку стоящей сестры, – так у вас ничего не выйдет. Вот я сейчас вилы подставлю, понимаешь?

– Понимаю, – ответил паренек.

И, опираясь рукой на подставленные вилы, в один мах, как обезьянка, перескочил с креста на подоконник.

Тут-то вот только пришла в себя от оцепенения Марья Мироновна, бросилась вперед, схватила за рукав Мироныча, быстро отвела его в сторону к стене.

– Это что же, – сказала она, – они тебя заставляют крест обматывать проволокой?

– Никто меня не заставляет, – ответил Сергей Мироныч, – делают с моего разрешения.

Ты должна понять, тут все делается не против нас, а в большом государственном смысле.

И опять тоже, как с Сутуловым, бородину свою забрал в обе руки и сквозь смех уставился холодными глазами, как шпагами, в душу Мироновны.

44

Она знала этот взгляд с малолетства и против него имела тоже свой собственный взгляд: обычная материнская скорбь на лице мирской няни тогда вдруг оставляла ее, и глаза становились беспощадными и грозными.

– Скоро, – сказала она с ненавистью и презрением, – они нос твой красный проволокой своей черной обмотают, а ты все будешь бормотать, как тетерев-петух, о своих государственных смыслах. Ну же, петух, прощай, зажила я у тебя, забыла, о чем человеку никогда нельзя забывать. Прости, господи!

И, увидев неподалеку Зуйка, поманила его, прижала к себе, обливаясь слезами, будто навеки с ним расстается.

Мирская няня так много-много растеряла в миру спасенных ею детей.

– Прощай, прощай, деточка, – причитала она, постепенно переходя из этой памяти в ту, где не плачут больше и не смеются, не женятся и замуж не выходят и не родят больше детей.

Закрыв лицо руками, не прощаясь ни с кем, она прямо направилась к берегу, к забытому своему черному карбасу с белым черепом на двух скрещенных костях.

VIII. ЦАРИЦА САВСКАЯ

Мария Уланова стояла у окошечка против креста, все видела: и как пришла Марья Мироновна с листвобросницы, и как она отвела старика к окошку, и слышала весь разговор. Когда же разгневанная Марья Мироновна пошла к берегу, Сергей Мироныч увидел в окошке Уланову и бросился к ней:

– Машенька, поди-ка скорей, уломай старуху, хорошая она, только вся живет в сарафане прошлого века. И как заберет это себе в голову, что свет кончается, так ей вынь да положь, чтобы сейчас он ей и кончился. Считаю, прыть эта у нее от гордости: была она у нас в молодости красавицей молодницей, первой краснопевкой на селе, а тут муж у ней возьми да и утони, да еще, как на грех, вскорости сыночек ее единственный годовалый помер, вот с тех пор она и стала такая: никакого нет у нее нашего хозяйства, живет у себя на Карельском острове вроде попа, ей все тащат, она и мнит – не здесь, так там, на том свете возьму я свое. Теперь на проволоку обижается, а смысла государственного

45

понять никак не может. Поговори с ней, может быть, и отойдет. Я считаю, у ней это...

И показал пальцем на лоб.

Уланова, быстро выйдя из дома, догнала Марью Мироновну с Зуйком у самого озера, там, где падун, трехголовый великан, неустанно день и ночь крутит и бьет наказанную воду.

День был солнечный, над белой бездной в брызгах сияла радуга. Марья Мироновна не слышала гула падуна, не видела радуги над хаосом бездны. Она стояла на камне, и этот камень был ей теперь всем, что оставалось ей от земли и природы. Один шаг только с этого камня – и черный гроб с белым черепом увезет ее.

В это время подошла Уланова, обняла Мироновну и, как это умеют делать только

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru женщины, в один миг нащупала в себе свое пережитое горе, в нем узнала, как в зеркале, горе Марьи Мироновны. Увидев перед собою живые печальные глаза, услышав этот нежный певучий голос, каким у паозеров говорят только на могилах живые люди с только что умершими любимыми мужьями, женами или деточками, старуха опомнилась. И мало-помалу стала выходить из той памяти своей о конце мира, Страшном суде и возвращаться к общему нашему чувству радости жизни здесь, на земле.

– Родная моя, – сердечным голосом сказала она. – Рассуди нас, разумница, пойми, как это можно терпеть: святой божий крест опутали чертовой проволокой, и кто попустил! родной брат – старик, у кого я живу.

– Что тебе старик, – загадочно и спокойно сказала Уланова. – Ты погляди, какого сыночка своего ты бросаешь. Зук! проси бабушку, чтоб не уезжала.

Зук удивленные свои глаза медленно перевел на бабушку и ничего не сказал.

– На что я ему теперь, старая? – ответила Марья Мироновна. – У него теперь есть наставница, молодая, красавица, умница. Ну, дай я еще обниму тебя, Машенька. И чтобы не сразу сдаться, сослалась на ногу и поясницу.

– Видно, – сказала она, – перед погодой скрутило: вот как скрутило, едва разогнуться могу.

– А ты сядь, – обрадовалась Маша, – посидим-побеседуем.

– Давай побеседуем, – охотно согласилась старуха.

46

И, отойдя по берегу в сторону падуна, они сели на большое, выброшенное водою бревно, хорошо обсохшее на солнышке. Зук сел возле на камень, слушая знакомый с малолетства разговор воды с камнями, и этот разговор старой бабушки с красавицей своей Марьей Моренной.

Хорошо помня слова Мироныча о том, что чаяние близкого конца света у сестры, может быть, вырастает от гордости и властолюбия, Уланова так и начала разговор:

– Бабушка, вот ты хочешь уйти от нас и, как я слышала, даже лечь в гроб и ожидать светопреставления и Страшного суда. Не гордость ли это в тебе говорит?

Тут тебе не за что ухватиться, а там на небе новая жизнь начнется. И теперь, собираясь туда, хочешь с собою весь свет увести. Скорее всего это от гордости.

– Ну, вот еще, надумала, – ответила Марья Мироновна без всякой обиды. – И что ты в этих наших делах понимать – то можешь! Это брат тебе наговорил: он часто меня попрекает гордостью и любоначалием. Гордость, милая, и любоначалие от дьявола. Я же верую в бога истинного и не для себя ищу власти. Слабость в людях началась, от слабости вражда, болезни...

Как только Зук услышал теперь от бабушки о слабости, так уж знал вперед – она непременно станет рассказывать о венике, как он плыл по реке вниз и сманивал пустынных в баню париться к верхнему жителю и как потом пустынные силу свою направили, чтобы им легче жить, а для чего живут – забыли. А царь Петр, увидав их слабость, назначил им отливать пушки, и они кончились, а слабость между людьми все росла и росла.

– Что ты, милая, – говорила Марья Мироновна, – какая во мне гордость, и мне ли братья за власть над этими людьми. Вот, слышишь, падун шумит – сколько в нем, погляди, разных струек, и всякая струйка, сшибаясь с другой, имеет свой говорок, а падун все один, крутит воду, бросает. Так и человек тоже, собирается как один, что-то делает, а эта слабость к тому приводит, что каждый о себе только помышляет, будто он один для себя живет и все для него.

– Бабушка, – воскликнула Уланова, – да разве эта слабость только у вас тут на Выгозере? Эта зараза весь свет охватила, вот я вам о себе сейчас расскажу, вы – поймете.

И тут Зук услышал такое, о чем старшие говорят между

47

собой, не стесняясь детей, думая, что дети такого ничего не понимают, но это неправда: дети понимают, только по-своему. И Зук тоже из рассказа своей красавицы Марьи Моревны делал свою собственную сказку о каком-то Степане, охваченном слабостью к Зеленому Змию. Змий тот высасывал его силушку, и Степан, бессильный, много делал из-за этого зла. Но Марья Моревна не пожалела и сама рассказала товарищам всю правду о Степане.

– И какого человека Змий погубил! Ах, бабушка, – воскликнула Маша Уланова, – какой это был человек!

– Ну, где ж теперь друг – то твой, жив ли?

– Доходят слухи, жив. Да я не слушаю. Думаешь, легко мне было оторвать от себя человека? Признаться, я не от слабости его бежала, а что он из-за этой слабости стал злейшим врагом нашего дела. Ох, трудно, трудно, бабушка, все сказать. Но скажу: я сама должна была любимого человека от себя оторвать.

И тут Зук понял, что его Марья Моревна вышла сильнее даже Ивана-царевича из сказки: Иван-царевич разжалобился и дал напиток Кашею Бессмертному, когда тот

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
окован сидел. Кашей напился и разорвал цепи, как веревочку.

А Мироновна, старуха, – нужно же так! – тоже вроде Зуйка обрадовалась:

– Вот, вот, умница, правильно ты поступила: не мир с такими людьми, а меч. Я из-за того только вот и теперь брата родного бросаю.

Тут Маша с досадой сообразила, что палочку свою она перегнула. Надо было дело как-то поправлять...

– Ну что ж, признайся, до конца ты вырвала слугу Змия из памяти? – продолжала между тем расспросы Мироновна.

– Как сказать... Вырвала? Я у всех на глазах работаю, и на работе все видят меня впереди. Но возьмите, к примеру, пчелу. Она летит на каждый цветок за медом. Понимаете?

– Ну, понимаю.

– Так вот я тоже пчела, лечу на каждый цветок, все думаю: не он ли? Остановлюсь и не лечу дальше: меня встречают только пустые цветы.

– И тебе нет утешения?

– Не могу, бабушка, утешиться, как иные женщины. Мне нужен не утешитель, а сам мой единственный, настоящий человек. И нету его после Степана...

48

Уланова остановилась на минутку и молча глядела в сторону падающей воды, как будто там в белой пене что-то видела.

– Ты думаешь, бабушка, – сказала она, – ты одна мучаешься слабостью человеческой, тебе одной только хочется, чтобы люди становились душа к душе? Ты не одна такая, и я не одна, а удар должен быть один.

– Вы – безбожники! – вздохнула, недоверчиво поко-сясь на Машу, старуха и поджала сухой рот.

– А ты на это не гляди – нам это твое, как бы тебе сказать? – не с руки: мы на человека в упор смотрим, мы собираем человека из простых, обыкновенных трудовых людей, собираем и куем в своей кузнице. Глядишь, может быть, и перекуем человека. Нет, бабушка, мы тоже этим болеем. Мы хотим собрать воедино всего человека, чтобы каждый жил не для себя одного, а вот как листики на дереве: ни один листик на всем дереве не сложится с другим, а каждый работает по-своему на все дерево. Каждый на всех, и все на каждого.

– Как же это вы сделаете?

– Само к этому идет, во всем мире идет, а мы помогаем. Ты о конце думаешь, а мы о начале. Тебе кончается свет, а нам начинается.

– Ага! – подал неожиданно голос Зук, и обе женщины удивленно к нему обернулись: про Зуйку-то они и забыли.

– Ты это чего? – спросила Уланова.

Зук обернулся к бабушке и ей тоже сказал:

– Ага! – и энергично мотнул сверху вниз головой.

Обе женщины засмеялись, и старая и молодая. И Уланова сказала:

– Так-то вот мы часто говорим при детях, думаем, они ничего не понимают.

– Все, все они по-своему понимают, – ответила Мироновна, приходя в доброе расположение духа. – Вы, деточка, – сказала она Улановой, – так я понимаю, тоже людям хотите добра, только все-то у вас проволоки и табак.

– Не все же у нас табашники, – лукаво улыбнулась Уланова. – Вот я никогда не курила.

– Боже сохрани!

И опять с той же лукавой улыбкой, как мать ребенку своему, Уланова сказала:

– Вы что-то, бабушка, о ломоте своей в поясице говорили. А у меня от этого мазь есть. Натрем с вами на

49

ночь – и как рукой снимет. Пойдемте со мной, я помогу. Хорошая мазь!

– Разве что мазь... – ответила Мироновна.

И с трудом стала подниматься с бревна.

Сергей Мироныч немного боялся сестры и остужаться с ней не хотел. Наблюдал он ее теперь незаметно во время своей работы. Поглядывал в ту сторону, где беседовала с ней Уланова, с некоторым беспокойством ждал исхода этой борьбы: уедет старуха на своем карбасе или вернется домой? И когда Мироновна поднялась с бревна и все направились с веселыми лицами домой, сам очень повеселел и сказал:

– Уговорила! Ну и Машенька! Истинная царица Савская. Дай бог ей царя Соломона.

В простоте мужской рано успокоился старый Мироныч добрым исходом ссоры со своей упрямой сестрой. Но не так-то проста была тропинка женской души. Вон она, тропинка в северном лесу: там вильнула от упавшего на путь ветродуйного дерева, там мочежинку обходит, пенья, колодья, болотные заросли и всякие лесные заглашины. Тоже так и Марья Мироновна. Она искренно поддавалась на слова Улановой о борьбе со слабостью человеческой, и по этой мысленной тропинке она охотно пошла на прямую, чтобы под предлогом строительства канала собирать человека. Ей

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
вспомнилось то время, когда она потеряла мужа и сына и сама как бы вышла тогда из себя и стала людям служить... Так она и Машу теперь понимала, что потеряла она любимого человека и тоже работает на пользу всего человека.

– Какая хорошая, – сказала про себя бабушка, – молодая, красивая, умница, не может быть с ней этого, чтобы всю жизнь летала, как пчела, на пустые цветы. Бог пошлет ей хорошего человека. А кто знает, может быть, и сам Степан к ней вернется... И вот тут ее тропинка повернула в сторону. Ей подумалось остро и больно не за себя одну, а за всех, кого она проводила на тот свет, по ком она столько лет вопила: к этим людям никогда не вернется больше их Степан, и им не за что ухватиться на земле, и им нет утешения, и каждого это ждет, и потому нет и не может быть на земле утешения.

Дома Мироновна не показала никаких следов душевной

50

тревоги. Все подумали, будто Маша успокоила разгневанную бабушку и она по-старому будет жить с ними. Мироновна усердно помогала мыть посуду, убирать горшки на места, сама замесила даже и тесто и задала корм скотине. А когда все уснули, долго на коленях молилась перед старинными образами. Когда в избе все стихло, бабушка поднялась с пола, оглядела все, уверилась – все спят. Потом долго крестила спящего Зуйка, что-то шептала старыми губами, унимая бегущие слезы.

Нащупав в сенях весло, она вышла из дому.

Была светлая северная майская ночь. На небе, цветущем всеми цветами, черными силуэтами вырезались на холме тесные высокие ели староверского кладбища. Числа нет покойникам, сколько свезли староверы под рев падуна своих людей и зарыли в песок. С тех пор как начали возить, сосны сменились елками на песчаном холме и новые деревья стали старыми. И сколько с могил свалилось деревянных восьмиконечных крестов! Сколько на их место поставили новых! И сколько косточек человеческих перемешалось в равнодушном песке!

Вот теперь, светлой ночью, старец в длинном староверском кафтане с удивлением и ужасом всматривается и видит на земле необычайное множество темных нитей. На столбах, на деревьях, на кустарниках, на самых крестах кое-где раскинута эта страшная ткань.

И что это? Как будто сама смерть в длинной черной одежде с веслом в руке подходит к берегу, садится в свою черную лодку с белыми крестами.

И смотрят на нее в оцепенении светлой ночью и только ничего не могут сказать высокие черные камни, и сосны, и ели, и между деревьями старик в черном кафтане. А смерть все плывет и плывет, и за ней остаются на воде два бесконечных крыла: одно от зари красное и голубое от неба с другой стороны.

Так уплыла к себе на Карельский остров Марья Мироновна.

IX. ПРИКАЗ С МЕДВЕЖЬЕЙ ГОРЫ

Напрасно обижались староверы на проволоку, ничем она не была виновата, она честно служила человеку и несла его слово по назначению туда, где люди вступили в борьбу за свое лучшее с природой на Севере.

51

Железная проволока, перебегая от столба к столбу берегом широкой Невы, обогнула все Ладожское озеро; пересекая реки, болота, леса, поднялась вверх на Масельгский хребет, – водораздел морей Балтийского и Белого. Обошла все Выгозеро и в Надвоицах нырнула в дырочку над окном дома, снятого под контору строительства Беломорско-Балтийского канала.

Зазвенел телефон, из смежной комнаты вышла Уланова в рыжей с плешинками куртке, выдавшей всякие виды. Из передней на звонок прибежал тоже и курьер Зук, проживавший теперь здесь при конторе.

Уланова записала приказ от Медвежьей горы: «В Надвоицы направляется транспорт каналоармейцев. Принять завтра первую тысячу. Бросьте их в лес».

Когда Уланова записала, Зук вопросительно посмотрел на нее, умышленно сделав располагающую к ответу рожицу.

– Это приказ, – ответила Уланова на молчаливый вопрос.

– А кто приказал?

– Медвежья Гора.

Зук раздумчиво помолчал. Уланова переписала приказ и с большим волнением сказала вслух:

– Сразу, и тысячу человек!

Услышав восклицание, Зук осмелился спросить:

– Как это может гора приказать?

– Глупенький, – улыбнулась, несмотря на все свое волнение, Уланова, – на Медвежьей горе стоит Управление строительства всего канала. Там живет главный начальник, имеющий власть нам приказать принять тысячу рабочих.

– Имеющий власть, – повторил Зук, – живет всегда на Медвежьей горе?

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

– Нет, – смешалась немного Уланова, – имеющий власть – это все мы. Власть исходит от всех нас, а на Медвежьей горе живут просто начальники, такие же, как и мы, только постарше.

– Непонятно мне, – ответил Зук, – скажи, что это власть?

– Этого нельзя объяснить.

– Жалко, а все-таки попробуй, может быть, я и пойму. Дедушка у нас самый умный, а говорил постоянно: я могу все понять, как большой. Хочешь, я всю былину про Илью Муромца на память скажу!

52

– Нет у нас сейчас для болтовни времени, – строго сказала Уланова, – приказываю тебе: беги со всех ног к Сутулову и передай ему этот приказ. Довольно болтать: я приказываю – ты исполняешь: власть моя.

– Понял, – радостно воскликнул Зук, – Медвежья гора тебе приказала, и от нее власть к тебе перешла; ты мне приказала – и я побегу приказывать Сутулову: теперь власть моя!

Уланова засмеялась, покраснела, глаза ее сверкнули живым огнем, и она опять даже и в своей плешивой куртке стала похожа на ту красавицу, какой спрятал ее Зук в своем украденном волшебном зеркальце.

– Нет, нет, – засмеялась она, – я ошиблась: власть не моя, не твоя: мы с тобой, как столбы с проволокой, и власть бежит от меня к тебе, как по столбам электричество.

– А что это – электричество?

– погоди немного, мы скоро откроем школу, и я тебе там объясню: тебе уже давно учиться в школе надо. А теперь ты курьер и немедленно, сломя голову мчишь с приказом к Сутулову.

Когда Сутулов явился в контору, Уланова, очень взволнованная, бросилась к нему навстречу.

– Что делать?

Сутулов совершенно спокойно с удивлением поглядел на нее.

– Что нам делать, – воскликнула Уланова, – сразу тысячу, а на другой день, может быть, и еще? Мы ведь еще не приготовились и ждали через неделю, не раньше.

– Скорее всего, – спокойно ответил Сутулов, – оно теперь так и пойдет: тысяча за тысячей, и повалится к нам человек, как вода в падуне. Вполне нормально. Чего ты волнуешься: все идет планомерно.

– Знаю я, что план: цифры послушные, а у людей – кровь, живот, кишки, чем мы их завтра кормить будем?

– Возьми себя в руки, Маша!

Зук это заметил: Сутулов его Марью Моревну просто Машей назвал.

– Шлют людей, – продолжал Сутулов, – шлют, конечно, и продовольствие, и цифры о том же говорят: сколько людей, столько и ртов. Если же, посылая людей, кто-нибудь ошибся, наш долг взять ошибку на себя, а не ворчать, как лягушки в болоте.

– Ты, конечно, прав, друг мой Саша, – засмеялась Уланова.

53

Зук опять и это заметил: Уланова такого большого начальника назвала просто Сашей.

– В этих делах, – сказала она, – ты всегда прав и работаешь, как...

Она бросила взгляд на окно с прибитым в раме термометром:

– Как термометр – Реомюр.

– Почему Реомюр? – слегка улыбнулся Сутулов.

– А потому, что Реомюр ведь тоже когда-то был человеком, физиком, а теперь Реомюр не человек, а термометр, и он всегда прав. Ты – реомюр.

– Могу сказать только: спасибо за честь. Только ты не права. Термометру самому при любой температуре ни холодно, ни жарко, а мне быть термометром, когда того требует дело, не так-то легко. Ты так говоришь, потому что меня... как бы это вернее сказать: потому что ко мне ты сама всегда на нуле.

И Зук с удивлением заметил и тут, что Сутулов от своих собственных слов немного покраснел и нахмурился.

Рука Маши, такая маленькая в широком потертом кожаном рукаве, потянулась было к Сутулову, чтобы лечь на его плечо, но тотчас отдернулась и, сжатая в крепкий кулачок, опустилась на стол.

– Куда же мы все-таки завтра их, тысячу человек, денем? – спросила она начальника каким-то чужим и холодным голосом.

Сутулов поглядел в окно, где за Выгом синели леса.

Зук побоялся за Сутулова и подумал: «Вот, кажется, и сам начальник не знает. И что это будет, если со всей страны, из всех мест хлынет падун из людей?»

Это он сразу понял и очень запомнил слова: «Человек повалит со всей страны, как вода в падуне».

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Зуек понимал, как всякий мальчишка, что если он только захочет поехать на паровозе, то сядет на стул, засвистит, и этот стул будет ему паровозом, а если сядет под стул и загудит – стул сделается пароходом.
А Сутулов, как понял Зуек по себе, сделал из человека падун, и Зуек уже принял это себе и уже слышит и видит, как бьется вода в падуне.
Гул такой, что и земля даже чуть-чуть как будто колышется. Тысячи струек бьются друг с другом, столбами взвиваются вверх, и падают, и сливаются.

54

Вся река упала, разбитая на брызги в борьбе, и опять все сливается, и весь водопад единым гулом гудит. Так и весь разбитый падающий человек соберется и будет идти все вперед и вперед.
И отчего-то поднялась в душе радость, как бывает в сказках, когда изрезанного в куски человека взбрызнули живой водой, и опять живой Иван-царевич шагает все вперед и вперед.

Так про себя маленький курьер переживал разговор двух его начальников. И он даже немного побоялся за Сутулова, когда на вопрос Улановой «куда мы их денем?» тот раздумчиво поглядел в окно, где синели леса.

Но Сутулов колебался только мгновенье, и у Зуйка его страх за начальника пролетел, как сон, тоже мгновенно. Сутулов перечитал приказ: «В Надвоицы направляется транспорт каналоармейцев. Принять завтра первую тысячу. Бросьте их в лес».

– Чего же тут думать еще, – сказал Сутулов, перечитав приказ, – мы их всех бросим в лес!

– Вот это так, – обрадовался Зуек. – Приедет тысяча человек, и мы всех их бросим в лес. И так, каждый день, тысячу за тысячей – в лес. Вот это власть!

Зуек вдруг понял все. Теперь не надо больше никого спрашивать, он лучше всех знает, что это – власть. Бывает, мчится тучей колдун за Иваном-царевичем, никакой конь не может убежать от тучи, но власть на стороне Ивана-царевича. Добрая сестра Сокола уронила одну слезинку, и ею, одной только слезинкой, Иван-царевич помазал копыта коня, и тот летит быстрее тучи, быстрее молнии. Да и мало ли как можно спастись, если власть в твоих руках. Да если бы и на куски изрезали Ивана-царевича, и то является власть, как живая вода, и все кусочки срастаются. Та же самая власть была и у Сутулова, когда он приказал бросить всех в лес.

– А как далеко мы их бросим? – восхищенно и робко, с замиранием сердца спросил Зуек.

– Мы бросим их, – продолжал Сутулов, не обращая внимания на слова мальчика, – в леса, на ту сторону Выга, и они там скоро сами себе выстроят жилища. В два месяца у нас там вырастет город.

Больше Зуек не мог вынести напора радости. Ему хотелось подумать обо всем одному.

– Сегодня, – сказал он, – они еще не приедут, и нам нечего делать. Можно уйти?

55

Сутулов засмеялся и сказал:

– Вот тебе, Маша, у кого учиться спокойствию: выслушал и сделал правильный вывод. Мы с тобой сегодня тоже перед большим делом пойдем, поговорим, соберемся с силами. Ступай побегай, Зуек.

И Зуек побежал.

Он знал наперед, куда он побежит. Ему крепко-накрепко запали в душу эти слова: «Человек будет падать сюда со всей страны, как вода в падуне», и что есть у всех у нас какая-то власть сделать все хорошо. И как только он вышел из конторы, сейчас же весь свет сомкнулся вокруг, плотно обнял его, и стало, будто весь мир теперь попал в его власть, и все будет теперь, как только ему захочется, и ему захочется непременно такое, отчего будет всем хорошо.

Откуда берется и почему оно проходит потом у взрослых, это дивное чувство мира, когда кажется, будто если в этом мире самому хорошо, то непременно должно быть и всем хорошо, и тянет ко всякому обиженному наклониться, утешить его, спящего разбудить на радость, а с таким же весельем, как сам, обняться и ускакать.

И нет усталости, и нет конца ничему. Так человек входит в мир, так мир начинается.

Путем скачущей семги, с камушка на камушек, облитый водой падун, Зуек подымается все выше и выше, к знакомой печурке в скале, где он с кротилкой в руке с малолетства наживал семгу. Теперь он забрался сюда только затем, чтобы послушать падун и подумать о человеке: как он тоже, человек из всей страны, будет падать сюда. Мельчайшие брызги подымаются над падуном, как белая прозрачная одежда черного трехголового великана, и в этих брызгах, пока солнце ходит по небу, держится радуга.

Вглядываешься в эту борьбу разных струек и брызг между собой, и начинает

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
казаться, будто все они без конца только дерутся. Утомительно станет от этой вечной борьбы. Но только глаза ответ – и опять тянет, тянет, как будто настойчиво требует, чтобы непременно ты оглянулся и поглядел. И когда теперь поглядел, все стало по-другому. Весь водопад, как единое существо, живет своей цельной жизнью, и сквозь хаос и гул явно слышишь, как будто кто-то великий ступает, и все вперед и вперед...

Но этот мерный шаг ведь слышится и в каждой сказочке, и в каждой песенке, и так трудно сказать, было ли все это для всех, или только в душе у мальчика, сына сказителя,
56

складывается новая сказка, или и вправду сам падун живет какой-то единой жизнью, и сквозь гул и хаос слышится мерный шаг: все вперед и вперед.

И Зук услышал сквозь гул и хаос несвязные человеческие слова, и так явственно, что даже поглубже отклонился в печурку, чтобы его не увидели. На мгновение слова перестали доноситься, но вот опять все ближе и ближе.

– Какая славная печурка! – сказал первый голос. , Зук сразу узнал голос Сутулова.

– А вот и камень тут удобный, давай сядем на камень. Зук узнал голос Улановой. И даже увидел ясно из темноты на свет, как они сели рядом на камень.

– Тебе не бывает так, Саша? – спросила Уланова... Сашей назвала...

– Не бывает с тобой на улице большого города, среди множества незнакомых людей, похожих на брызги падающей воды? Тоже так: через короткое время утомляешься разглядывать лица отдельных людей, эти осколки и брызги в бездну летящего человека. Но только отвел глаза – и тебя настойчиво тянет еще поглядеть, и когда послушался – поглядел, то прямо встретил в толпе какое-то знакомое, родное лицо. И в этом мелькнувшем лице вдруг соберется и определится весь человек на улице, как единое существо, и ты веришь и знаешь, что человек един и мерным шагом идет все вперед. С тобой так бывает?

-- Маша, – ответил Сутулов.

Машей назвал!

– Маша, я люблю слушать тебя на досуге, и если бы не дело мое, то я тебя бы все слушал и слушал. Но я прикован к делу и все это отгоняю от себя. Некогда мне, дорогая! Но когда слышу тебя, то вспоминаю, да, это и у меня тоже было. И не только на улице, а везде: мелькнет что-то в лице человека, и все сразу поймешь и ответишь ему. Я только не знаю, для чего это все поднимать из себя? Боюсь, не это ли тебя вдруг останавливает.

– Не понимаю, что ты хочешь сказать?

– Да вот что сейчас только было в конторе. Ты такая умница, в тебе столько мысли и знания, такой ты опытный работник, и вдруг останавливаешься перед каким-то пустяком. Мы взялись построить канал, соединяющий два моря: шуточное ли дело! И вдруг ты остановилась перед таким пустяком – куда нам деть людей. Тебе же известно, что план разработан в мельчайших подробностях и дан на места. И вдруг, как в сказке, чего-то пугаешься, как будто

57

ты Зук, а не управделами. Мы бросим их в дело, и увидишь, через два месяца, самое большое, у нас будет выстроен город.

Услышав слова: «Целый город в два месяца», – Зук задрожал весь от радости и чуть-чуть не выдал себя. Ему стало страшно, как бы теперь не открыли его.

Такие уж, наверно, все печурки: раз залез – то и начинаешь света бояться!

– Маша, – продолжал Сутулов, – мы делаем с тобой такое большое дело, вместе учимся, вместе с тобой изменяемся и растем. И такой ты молодец! Но откуда это берется у тебя, что как только ты освободишься от дела, так и начинаешь бесполезно болтать и щебетать, как птичка?

– Милый Саша, ты очень сильный мужчина и можешь весь войти в дело свое и превратиться из Реомюра и термометр. Ты в этом прост, как ребенок, и я тебя очень за это люблю. Я же сама себе постоянно приказываю, я все время твержу себе: «Надо! надо!» – и только чуть-чуть оторвусь от дела – сейчас же пускаю себя на свободу, и болтаю о всем, что мне захочется, и никак не могу, да и не хочу, должно быть, превращаться в термометр.

А там в падуне в это время что-то большое делалось. Может быть, целое столетие вода била в какой-нибудь камень, подвигала-подвигала его и вдруг сейчас одолела и сбросила в бездну.

– Что это? – вздрогнула Уланова.

– Не знаю, – спокойно ответил Сутулов. – Мало ли что происходит в скалах под водой. Ты вот лучше скажи, дай мне последний ответ.

Уланова обе руки свои положила ему на плечи и ответила:

– Я люблю тебя, Саша, но...

Сутулов явно потемнел в лице, а Зук в своей темной печурке сморщился: ему

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru ужасно жалко стало Сутулова. Оказалось, что и у такого железного начальника есть свое желание и что-то ему хочется.

– Видишь, Саша, я люблю тебя, но мне кажется, я так многих могу любить.

Сутулов еще больше потемнел в лице.

Зук никак не думал раньше, чтобы Сутулов мог сделаться, как мальчик, таким несчастным.

– Вот и начальник! – покачал он головой.

– Не огорчайся, Саша, – продолжила Уланова. – Это, может быть, не самое главное.

Если я остановлюсь на тебе,

58

то пойми, я остановлюсь навсегда. И тебе хорошо со мною будет. Но мне сейчас мешают... как бы это лучше тебе объяснить! Хвосты мне мешают.

– Какие хвосты? – воскликнул Сутулов, теряя вдруг все свое спокойствие и даже весь изменился в лице.

– Не пугайся. Все хвосты – пустяки, но большой хвост только один, и он мне серьезно мешает.

Сутулов опустил голову.

– Встряхнись, Саша, не горюй. Завтра возьмемся за дело. Я знаю, ты дело свое ставишь больше себя, правда?

Сутулов в ответ поднял голову, поглядел на нее удивленно, глазами ясными, прямо, решительно.

– Правда. – повторила Уланова, – больше себя?

– А как же? – ответил Сутулов.

Помолчал немного.

– В каждом деле, – сказал он, – вырастает человек и становится больше себя.

И так это сказал, будто ему даже не совсем был понятен вопрос о какой-то замене или смешении личной жизни с общественным делом.

– А как же, – повторила со смехом Уланова. – Ты, Саша, прекрасный, я тебя очень люблю. Ты, конечно, лучше, много лучше моего Степана.

– Степана, – прошептал Зук, вспоминая, как она тоже в беседе с бабушкой упомянула о каком-то Степане.

– Какого это Степана? – спросил Сутулов.

Но тут водопад еще какой-то камень обрушил, и это послужило толчком для беседующих – они встали и ушли.

Для Зуйка ответ Улановой на вопрос – «кто Степан?» – смешался с говором струй падающей воды.

Выждав немного, Зук вылез из печурки. Ему все было понятно и все прекрасно в Сутулове: как этот трехголовый великан, неумный начальник воды, управляет и властвует водою и образует в ней мерный ход, так и начальник людей Сутулов завтра же начнет устраивать человека, падающего из всей страны. Сутулов любит свое дело больше себя самого. Но Зуйку теперь все непонятно стало в Улановой: и этот ее какой-то Степан, и какие-то эти хвосты, – особенно эти хвосты были ему непонятны.

И он вспомнил о зеркальце, какой осталась в нем Марья Моревна. Это зеркальце еще тогда, по приезде строителей, было спрятано в печурке. Зук был уверен в этом волшебном зеркальце – там настоящая Марья Моревна.

Разве сейчас открыть его, поглядеть?

59

Зук уже хотел было вернуться в печурку, но ему стало немного страшно: а вдруг он там ничего не увидит? Так он и раздумал пока спрашивать зеркальце и, спускаясь с камня на камень, все гадал о хвостах: что это за хвосты, какие это у Маши хвосты?

Х. ПАДУН

Когда в Смутное время какие-то паны, разбегаясь по русской земле, попали тоже и на Выгозеро, то будто бы какой-то местный выгозерский Иван, подобный Ивану Сусанину, посадил панов в большой карбас и повез их по озеру в Надвоицы. Проезжая мимо Карельского острова, паны услышали отдаленный гул падуна.

– Что это? – спросили паны.

– Наше счастье! – ответил Иван.

И повез их дальше и дальше, и все ближе и ближе к Надвоицам. Тут перед самым селом на реке есть Еловый островок, совсем маленький. Тут могучий Выг, разделяясь этим камнем, прямо и падает в бездну, образуя падун.

Незаметно устремляется вода могучего Выга к падению, и ловкая привычная рука опытного кормщика легко перевозит карбас через струю. Но Иван пустил карбас с панами по струе. Лодка понеслась стрелой к Еловому острову.

– Что это? – вскрикнули паны, догадываясь о беде своей только у самого острова.

– Наше счастье! – ответил Иван.

И бросил карбас в падун.

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Кто мог видеть это и слышать последние слова северного Ивана Сусанина?
Говорят, будто в солнечный день, когда в мельчайших брызгах падуна появляется рай-дуга, хороший человек может видеть лицо Ивана и слышать, как явственно падун выговаривает эти слова:

– Наше счастье!

И правда, если пристально глядеть в падун, то брызги его складываются в то самое, о чем думаешь. И звуки падуна образуют те же слова, какие держатся у нас на кончике языка.

Работнику, наморенному за день устройством вновь прибывающих, как бы падающих со всей страны людей, было на что поглядеть в падуна: все там показывалось вновь, что за день в глазу набралось.

60

Ехали, будто падали, из неведомых недр разноплеменной страны десятками, сотнями, тысячами люди белые, желтые, черноглазые, голубоглазые, светловолосые, и черные, и рыжие. Были среди них худые и гибкие телом, с горящими как уголь глазами горцы, были коротенькие, на изогнутых ногах, жители степей, черкесы, киргизы, узбеки, были даже в чалмах, татары в халатах, раскосые монголы в своих тибетейках, и русские смешивались в наречиях: орловские, рязанские, владимирские, ростовские, сибирские...

Уланова вошла в один из наскоро сколоченных бараков, имея задание живым впечатлением понять начало жизни строителей, и ей хотелось бы в душе добиться от каждого, чем бы он мог быть лично полезен общему делу.

Она сидела за простым некрашеным столом в своей кожаной куртке, со своим собственным приказом в душе, и он выражался на лице строгостью и готовностью во всякий момент к решительному действию.

В этом закованном в закон рядовом воине строительства только один Зук мог видеть где-то в глубине глаз и движении головы скрытую, затаенную Марию Моревну. Но даже и Зук временами терял ее из виду и вспоминал ее только по зеркальцу, спрятанному в камнях.

Они подходят бесконечной очередью и так же исчезают потом, как брызги водопада. Но весь труд Улановой в том, чтобы не дать вконец ослабеть вниманию, ожидающему встретиться в каждом новом лице образ человеческий, соединяющий все мельчайшие брызги в единое существо человека с мерным шагом вперед и вперед.

Вот выходит красивый молодой человек в женском малиновом берете, брюнет с голубыми глазами, в черных усиках, с мелкой надменной улыбкой, со скрещенными на груди руками.

– Вы – русский? – спрашивает Уланова.

– Совершенно верно, мадам, я русский.

– Ваше имя, отчество и фамилия?

– Фамилии у меня не было, отчество свое – увы! – я забыл, а имя мое – честь имею представиться, мадам, я – Рудольф.

Зук с восхищением, не мигая, глядел на Рудольфа, удивляясь, что вся власть над этим человеком была у

61

начальника Улановой, а он вел себя, будто вся власть была в его собственных руках.

Приложив руку к своему малиновому берету, Рудольф в то же время обнажил свою грудь, расписанную синими знаками.

– Перестаньте ломаться, – ответила Уланова совершенно спокойно, как будто имела дело с ребенком. – Меня вы не удивите ни татуировкой своей, ни выдуманном именем: вы для меня не демон, и нечего вам так мне улыбаться.

Что-то дрогнуло в лице Рудольфа, улыбка сама собой сбежала с лица, и руки опять возвратились на грудь.

Тогда Зук перевел свой пристальный, немигающий взгляд с Рудольфа на Уланову и понял, что Рудольф сдал и власть перешла к Улановой.

– Чем вы раньше занимались, чем вы можете быть здесь нам полезным?

– Только пальчиками, – ответил Рудольф.

И, опять отняв от груди одну руку, возле самого лица Улановой заиграл своими пальцами, бледными, тонкими и длинными, как у пианиста.

– Фальшивомонетчик? – догадалась Уланова.

И совершенно спокойно, даже с чуть-чуть заметной усмешкой вглядываясь в лицо фальшивомонетчика, тихонечко, настойчиво и выразительно постучала по столу.

– Уберите свою руку, – сказала она. – Ничего фальшивого нам здесь не надо. Мы здесь на правде стоим. Вы пойдете у нас на лесные работы, и вас там научат работать не пером, а топором.

– Мерси, мадам! – ответил Рудольф и присоединился к тем, кто отправляется в баню.

После своего великого пахана и лорда по очереди подходили всякие урки, скокари,

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
домушники, «леopardы», шакалы, волчатники, медвежатники, мастера мокрого дела и самые мелкие воришки, мелкие люди – хорьки и мышата, какие ходят в городах по карнизам домов, проникают в квартиры, спускаются по водосточным трубам, – бедные мышата! – бывает, обрываются и летят с высоты больших этажей, с балконов и крыш на мостовую.

Было странно Улановой, что эти люди в своем падении, теряя образ человеческий, сами себя называли леопардами, волками, медведями, хорьками, мышатами, как будто вся природа была явлением падения чего-то великого, что называется у нас человеком.

62

«А если человек поднимается, – подумала Уланова, – то ему всегда кажется, будто и вся природа с ним поднимается».

И так захотелось ей отдохнуть на восходящем человеке, узнать хотя бы одно лицо! – А вы кто, дедушка? – спросила Уланова.

Вышел Куприяныч, лесной бродяга, до того заросший по лицу волосами, что один только носик виднелся, как у перепелки. А глазки из-под этих перышков глядели устойчиво и ясно.

До того были устойчивы глаза Куприяныча, что каждому по непривычке к неподвижным глазам казалось, будто никаких человеческих глаз нет на этом лице, а скорее все-таки сквозь глазные щелки виднелась выкрашенная синькой стена.

– Милок! – сказал он Улановой, принимая ее за юношу. – Ты меня не записывай, я бродяга лесной и все равно от вас убегу.

– Ну да, убежишь! – поддразнила Уланова.

– Не смейся, милочек! – улыбнулся Куприяныч.

И от улыбки с раздутыми щеками в волосах стал очень похож на ежа, так же и носик его маленький торчал из-под иголок, как у ежа.

– Какие люди бывают! – не удержалась Уланова, с улыбкой разглядывая внимательно уморительную рожу бродяги.

– Всякие, милочек, люди бывают, – ответил спокойно Куприяныч. – А я тебе, вьюнош, попросту скажу всю правду: буду работать и всякую работу делать могу, особенно лесную... Буду хорошо работать, ежели мне самому будет хорошо. А когда не захочется, все равно убегу, и ничем вы меня не удержите. Только одного прошу у тебя, молодой человек, и давай в этом мы с тобой сговоримся: буду работать и всем услужу, и тебе удружу, только не записывай ты меня в книгу. Не будешь?

– Записывать сейчас не буду, – ответила Уланова, – но счет нужен.

– Счет, конечно, нужен, – согласился Куприяныч, – посчитай на счетах и смешай, а только, прошу тебя, не записывай.

Уланова обещала, и Куприяныч, довольный, отошел к тем, кого направляли в баню. Проходили какие-то лица: и разноглазая, и другая, красноглазая, вечно мигающая и страшная девка Анютка

63

Вырви Глаз, какой-то китаец в косе; какой-то старый каторжник заявил, не мигнув глазом, что он на арбузной корке с Сахалина по Тихому океану вокруг света приплыл.

Их были тысячи разных людей, разных народностей, и каждый, мелькнув, выпадал из памяти, как выпадает фигурка из пены воды, бьющейся на камнях порога. Их множество, таких фигурок, возникает в потоке людском, и каждая, мелькнув на мгновение, отнимает надежду искать какого-нибудь смысла в своем появлении и мгновенно исчезновении.

Так бывает с нами и на улице, пока не покажется особенное лицо, и через него вдруг появится смысл во всяком лице: стоит внимательно взглянуться в каждого, и увидишь у всех то самое, что видел в одном.

Вышел пожилой человек с лицом смуглым, иссеченным морщинами, как ударами сабли.

У него было лицо, как оно представляется, когда говорят «Минин и Пожарский»: если так посмотреть на него – будет торговец Минин, а с другой стороны, в другом положении – князь Пожарский, и все это вместе один и тот же русский человек.

– Волков я, – сказал он, – бывший торговец кожевенными товарами.

Что-то глубокое и чем-то близко знакомое увидела Уланова в этом простом лице русского человека, и ей сразу так стало, будто она вдруг оказалась при деле: пришел хозяин дела, и она теперь знает, что недаром работает и все это надо.

– Торговец, – повторила Уланова, – но за что вы к нам сюда попали, какая беда вышла у вас?

Волков, просветлев чуть-чуть, улыбнулся, как улыбается иногда старый человек озорному ребенку, узнавая в нем прежнего себя самого.

Он охотно рассказал о себе прежнем, о своем пережитом, что у него было в банке несколько миллионов, два каменных дома в Москве, имение под Саратовом и что он, обороняя свое имущество, поставил на крыше своего дома пулемет и в последний миг успел скрыться. И так он долго скрывался, но все-таки его нашли.

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

– К счастью, нашли, – сказал Волков, – когда я переменял свои убеждения, и я вовсе это даже и не считаю бедой, как вы только что назвали.

– Не жалеете о прошлом? – спросила Уланова.

64

– Нисколько. Ведь я не богатство свое защищал, а вечность. Я тогда жизнь так понимал, что все на свете меняется, все мишура, а в рубле заключена вечность.

– В рубле вечность?

– Совершенно верно. Многие наши купцы это в уме держали, и в простоте отчитывались перед вечностью, и ставили за свой счет церкви. Из мужиков же вышли наши купцы.

– В рубле вечность! – повторила вслух удивленная чем-то Уланова.

– Крепко это было во мне, – продолжал Волков, – на этом вся моя жизнь прошла. А теперь я переменял убеждения и понимаю: в рубле вечности нет.

Уланова положила перо.

– А разве, – спросила она, – есть на земле что-нибудь вечное?

– А как же? – ответил Волков. – Есть же вечная мысль.

– Мысли, – сказала Уланова, – тоже вечно меняются.

– Мысли, конечно, меняются, но одна мысль у человека остается.

– Какая же это мысль?

– А такая мысль, чтобы на каждом месте и во всякое время как бы нам лучше сделать.

Все это время Уланова думала про себя, что вот как это не догадался художник сделать памятник Минину и Пожарскому в одном лице: если так посмотреть, будет торговец, а с другой стороны – князь. И так она долго глядела на свой памятник с одной стороны, а теперь как будто зашла с другой стороны и узнала Пожарского. Она чему-то обрадовалась, лицо ее загорелось.

Зуек с восторгом глядел на нее, узнавая в ней прежнюю свою Марью Моревну.

– Если эта мысль, – сказала она, – пришла вам...

Волков ее перебил.

– Пришла неожиданно, – сказал Волков, – и всегда теперь живет со мной, и нет мне с ней нигде ни скуки, ни обиды и даже неволи.

– И тут, в заключении?

– Дорогая начальница, – сказал Волков, – ни минуты времени такой нет, ни вершка земли такого, чтобы не было этой мысли: делай изо всех сил лучше – и будет всем хорошо.

И так теперь стало Улановой, будто она долго стояла

65

перед большим водопадом, и долго мелькали перед ней фигурки из пены падающей воды, но вдруг все вместе сложилось, и она услышала мерный шаг человека, идущего все вперед и вперед.

XI. ИМЕЮЩИЙ ВЛАСТЬ

Раньше у нас лесные пространства на Севере медленно заполнялись своими людьми, века проходили, и все незаметна была человеческая власть над природой.

Так бывало в селе, что кто-нибудь из большой семьи уходит куда-нибудь в лес подальше, в более удобном для себя месте выстроит дом своими руками, и так этот знакомый, свой человек сделает починок. А когда и тут семья увеличится и станет тоже тесно, то опять кто-то свой отделится, найдет новое урочище, и так починками, своими людьми наполнялась северная земля. Так множество лет проходило, и все земля оставалась почти что пустой. Даже и на Выгозере многие острова оставались еще не заселенными.

Но теперь пришел чужой человек, нездешний, пришел с новой мыслью, разрушающей старое медленное время расселения людей только своими людьми. Мысль эта была в том, чтобы не своим только родом идти вперед по земле и не для себя самого строить починок, а для всего народа своего и всех народов родной земли, всего соединенного великого человека.

Теперь в этой службе всему народу и всем народам родной земли стали соединяться не только свои люди, близкие земляки, а и всякие близкие по человечеству, и этот соединенный в труде человек с огромной скоростью стал переделывать Северный край.

Сказал имеющий власть:

– Всех бросим в лес!

И не прошло даже месяца после приказа, как вот уже на месте прежней тайги стоят готовые просторные бараки, и улицы между ними складываются, как в городе, и собака бежит с костью по улице, за собакой вороны летят, норовят выхватить у нее эту кость, и повар, весь в белом, высунулся из жаркой кухни дохнуть свежим воздухом, и треплется красный флажок на ветру, и радио из невидимого рта своего бросает слова, уговаривает, приказывает, и орет, и поет.

По-прежнему еще далеко слышится непрерывный гул

66

водопада, и все больше и больше становится похожа эта падающая вода на павшего дробного человека. Разбивается вода, разбивается когда-то цельный, натуральный человек на отдельных людей. Собирается в реку падающая вода, и с большим трудом приходит в себя, в свое единство разбитый человек и берет на себя власть над природой.

Так сказал имеющий власть:

– Бросить всех в лес!

И в лесу вырос город.

XII. РАБОЧИЙ ДЕНЬ

Управление строительством узла по-прежнему оставалось в Надвоицах, но работы по заготовке строительных материалов велись на той стороне Выга. И туда, на ту сторону, и оттуда сюда, в Надвоицы, с утра до ночи ходили паром и карбасы, а кроме того, воздушным путем по тросам через Выг перебегала грузовая тележка. Однажды поздно вечером, возвращаясь на карбасе домой, Зук приметил, что тележка, вероятно для ремонта, была снята с роликов. Хорошо подумав об этом, Зук пришел в контору и улегся спать на своей лавочке в передней. В этот раз он сразу не мог уснуть, ему мешали разные дневные впечатления, проплывающие, как кораблики по теплomu морю. В прежнем своем виде, как прекрасная Марья Моревна, проплывала перед его глазами Уланова, и могучий начальник его Сутулов, и черный карбас, с белым черепом, бабушки Марьи Мироновны, и бородатый дедушка Сергей Мироныч, и какие-то желтые китайцы с черными косами, и вслед за китайскими косами белые лошадиные хвосты, мешающие счастью Сутулова.

Один лошадиный хвост Зук охотно бы задержал, но загадочный хвост при первой попытке остановить его рассыпался на серебристые ниточки и разбежался. Тут-то бы и заснуть, но вдруг показалось то самое, из-за чего, по-видимому, и проплывали все эти видения: это была грузовая тележка, убегающая по тросам за Выг.

Перед самым засыпанием он догадался, что если самому прицепиться к роликам вместо тележки, то можно на них перенестись по тросам за Выг, а если все выйдет благополучно, то можно прокатиться и обратно. Так он и делал всю ночь: катался туда и сюда на роликах. А может быть, как это часто бывает, ему только на мгновение перед самым

67

пробуждением пригрезилось, будто он всю ночь носился на роликах. Но он очень рано проснулся, далеко до начала работ, когда на зорьке даже и сторожа засыпают. И как только он открыл глаза, так эта мысль о роликах снова явилась и не дала ему больше спать: ему теперь надо поскорее бежать туда, пока люди еще не проснулись и, может быть, даже спят еще и сторожа.

Неслышно он выкрался из управления, оглянулся, – не смотрит ли кто, – и пустился бежать туда, где ходила тележка. Неподалеку от роликов на штабелях леса, пахучего, шкуреного, склонив голову, дремал ночной сторож. Ролики были закинута так, чтобы сами от ветра не могли укатиться на ту сторону. Зук умело выправил их, попробовал, примерился, схватился, разбежался...

– Держи, держи! – кричал сторож.

Но Зук в это время со всего разбега скакнул, поджал ноги и полетел.

– Держи, держи! – кричал сторож.

И на другой стороне Выга кто-то услышал и ответил оттуда:

– Держу-у-у...

Плохо бы кончилось это путешествие Зуйка по воздуху на роликах через Выг, если бы на помощь ему не пришел старый, заросший волосами Куприяныч. Случилось так, что старику в эту ночь не спалось и он рано своим бродяжьим способом неслышно выполз из палатки с чайником в руке и развел на берегу Выга небольшую теплинку. Тихо было в воздухе, дымок тонкой синей струйкой потянулся вверх. Бродяга, умыв лицо, не вытер его и, весь в росе, деля рожу кому-то, подобные нашей улыбке, с бормотанием и разговорами стал поджаривать корочку черного хлеба. Невидимые струйки в дыму дрожали, обнимаясь теплом, и от этого, глядя сквозь них, было так, будто весь мир с ними дрожит и колышется, и так все дружно сходится в блаженстве бродяги за его утренним чаем. Но вдруг, как это редко бывает у людей, а все-таки и бывает, кончики ушей Куприяныча дрогнули, как у собаки, и повелись на ту сторону за Выг.

– Держи, держи! – кричал сторож.

Куприяныч поднял глаза и, смекнув быстро, в чем дело, ответил сторожу.

По воздуху неслись мальчик, сжимая посинелыми от напряжения руками толстый витой стальной трос.

– Держу! – ответил Куприяныч сторожу.

68

Старик вскочил живею Зуйка, выждал с расчетом, напустил, прыгнул высоко, как заяц, схватил в воздухе мальчика и в обнимку с ним повалился на мягкий мох рядом

с костром.

Бродяга все на свете видал. И теперь, поймав мальчика, вернулся к чаю с таким видом, как будто ничего не случилось особенного и ему каждый день приходится ловить таких бездельников.

Зук сидел рядом смущенный и как будто сбитый с толку: видно, путешествие на роликах в действительности было ему не совсем так приятно, как казалось во сне. Особенно неприятно было, что его, как он сам понимал себя, курьера начальника, имеющего власть над всем узлом, изловил какой-то бродяга безобразного вида.

Он сидел дикарем и молчал.

– Откуда ты взялся, пацан? – спросил Куприяныч.

– Какой тебе я пацан? – ответил Зук.

– Кто же ты?

– Я курьер начальника узла.

Куприяныч немного откинулся назад, поглядел на мальчика без шутки, с таким видом, как будто в первый раз в жизни видит курьера и теперь ему надо что-то еще понять и вести себя, как подобает вести с курьером.

– Чего же ты, курьер, – спросил Куприяныч, – так рано прилетел?

– А вот только этого не хватало, – ответил Зук, – чтобы у тебя спрашивался. У нас есть секретные дела. Я, может быть, чаю захотел с тобой напиться, взял и прилетел.

– Дело! – сказал Куприяныч, заканчивая разглядывать и вполне понимая теперь, какие бывают на свете курьеры. – Пить чай прилетел, ну, так давай же пить. Я люблю с утра брюхо попарить, выпьешь горяченького, душка-то и повеселеет.

– Какая это у тебя такая душка?

– А птичка есть такая у каждого человека.

– Птичка?

– Ну да. Слышу рано: «пик-пик!»

– И что?

– Ничего... Она «пик-пик!», а я понимаю, это Пикалка зовет меня: «Ты бы, Куприяныч, чайку заварил, брюхо попарил». – «Матушка, – отвечаю, – вот как бы рад был чайку заварить, да где же это я себе чай достану?» – «Об этом не думай, – говорит, – вылезай с чайником, а я тебе чай достану, ты и напьешься моего чаю с брусничкой».

69

Тихонечко нащупал свой чайник, вылез на волю, оглянулся, нет ли кого? Нарвал с кочки брусничного листу, корочку хлеба поджарил, заварил. На-ка, хлебни нашего чаю, пацан!

– А птичка улетела? – спросил Зук.

– Какое там улетела! Эта птичка, милоч, всегда со мной. Я брюхо парю, а птичка поет, и все веселеет.

В это время по железной бочке ударили, а после того заревело и радио:

– Подъем, подъем!

– Ну, милоч, – сказал Куприяныч, – надо на поверку идти, прощай, мой дружок!

– погоди. – попросил Зук, совсем потеряв уже свою курьерскую важность, – скажи-ка ты мне, куда ты теперь?

– А к своим, вон они выходят: это олонцекие. А вон рядом выстраиваются – это орловские, там вон рязанские, там, гляди, татары лезут дуром, степные люди: леса не знают. Там вон китайцы тоже к нам попали с Дальнего Востока. Я всю нашу землю обошел – и лучше той земли не видел, где сам родился. Наши олонцекие сплавщики, по лесу нет никого лучше их. Пойду им помогать лес шкурить.

– А птичка?

– Со мной полетит и моя птичка.

– И она с тобой лес шкурит?

– Нет, птичка моя лес не шкурит, а только поет и меня утешает. Вот я и не злобствую и спокойно своего срока дожидаясь.

– Какого это срока?

– Своего срока дожидаясь, какой есть у каждого человека. Придет мой срок, – и я опять в лес на волю.

– И там хорошо тебе будет?

– Но-о-о!

– И птичка с тобой полетит?

– Там птиц всяких много, там им нечего нас утешать: там мы цари.

– И можно там приказывать птицам?

– Можно приказывать.

– И что?

– Все, что только нам захочется.

– И все нас там слушают?

– Но-о!

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

– И не работают?

– Милок, я же тебе русским языком говорил: мы там цари.

70

Куприяныч остатки брусничного и хлебного чаю вылил на огонь, затоптал и неторопливо пошел.

А к берегу на карбасе подплывал с той стороны Сутулое и начал подниматься вверх с камня на камень на то свое место, откуда ему была видна вся работа в карельском сквозном горном лесу. Зук подбежал к нему, весело поздоровался и тоже медленно стал за ним вслед подниматься с камня на камень, все выше и выше. На самом верху, откуда все далеко видно кругом, Сутулов остановился, воткнул свою палочку в торф, обнимающий карельские скалы, как шубой.

Внизу выстраивались со знаменами, шли шеренги на места, брались за топоры, за пилы, а прорабы каждому указывали его назначение.

– Ты, Иван Дешевый, – говорил один прораб, – иди вон туда, к Лисьим норам; ты, Рудольф, с урками в Камень; ты, старик Волков, веди свою бригаду на Бараний лоб. И так потом дальше от бригадиров каждый узнавал свое место. Бригадир обращался к каждому отдельно, а музыка гремела для всех.

И так начался и загремел рабочий день надвоицкого узла Беломорско-Балтийского канала.

XIII. ЗАВАЛ

Случилось, много тяжелых высоких деревьев, подрубленных и подпиленных неумелыми степными людьми, совсем непривычными к лесному делу, падая, оперлись на нетронутые пилою деревья и остались висеть в воздухе. Так много деревьев скопилось вместе шатром, и образовался завал. Степняки, не понимая лесных работ, рубили, пилили, не обращая на завал никакого внимания. И так, наконец, один из них принялся рубить то самое дерево, на котором держался весь завал. И подруби он опорное дерево, весь завал бы рухнул и подавил много людей.

Но один совсем простой лесоруб догадался...

Зук это заметил. Нельзя, конечно, было и не заметить: это было большое событие. Но во всем этом событии Зук заметил именно то, что лесоруб догадался и вот именно одной простой догадкой спас жизнь более ста человек.

«Не так ли выходят из простых людей начальники, – думал Зук. – нужно догадаться, спасти жизнь человека, и будешь начальником».

71

Так в простоте своей подумал Зук, и так оно вышло на деле: Сутулов позвал к себе лесоруба, поговорил с ним, и простой лесоруб с тех пор сделался прорабом. Больше теперь этот лесоруб не работает весь день топором, а стоит на своем участке, как маленький Сутулов, – и даже с малиновыми петличками на шинели: назначает, указывает, приказывает.

Из всего этого случая Зук для себя сделал вывод: ему бы тоже так надо догадаться, спасти человека и после того не бегать курьером, не передавать приказаний, а самому распоряжаться, приказывать, как настоящие начальники. Не будем скрывать и затаенной мысли Зуйка.

«Наверно, – подумал он, – мне тогда тоже малиновые петлички дадут, а может быть, даже и пистолет. Эх, вот бы догадаться и хоть бы одного человека спасти!»

Сам он своими собственными глазами видел, как тот счастливый лесоруб заметил опорное дерево в завале и как он к нему осторожно прокрался и немного подрубил... Тут было немного страшно за него. Но это пустяки, Зук с восторгом взялся бы за это рискованное дело. Вся трудность была в догадке. И Зук во все глаза глядел, и во все жданки ждал случая догадаться, и все не догадывался.

Иногда у него даже голова кружилась от напряжения, и вместо догадки о том, как надо спасти человека, ему приходил на мысль совет Куприяныча уйти в лес, где нет никаких начальников, нет рабочих, а все цари.

Тоже думал он много и о душе какой-то, похожей на птичку. С этой мыслью о птичке он упорно глядел на Сутулова, стараясь догадаться, есть ли у начальника тоже душа и какая она у начальников, тоже вроде птички или какая-нибудь своя, особенная.

Сутулов в это утро как воткнул палочку в торф, так стоял неподвижный, наблюдая кипучую работу внизу. Никакого внимания он не обращал на своего курьера. Да это и понятно: Сутулов был целиком весь в своем деле, а Зук, если правду говорить, занимался про себя только сказками, выжидая удобный момент, когда можно будет спросить – есть ли душа у начальников.

Зук хорошо видел по движениям глаз и головы Сутулова, что начальник все время был занят, а как это трудно было ему постоянно во всем догадываться, это он хорошо знал по себе: ни за что бы он не посмел помешать догадкам начальника своим вопросом. Он ждал случая, и вдруг Сутулов оторвался от леса, поглядел на небо...

72

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Момент был подходящий. Зук уже открыл было рот, чтобы спросить о душе, но Сутулов первый сказал:

– Не простоят этот день, наверно, будет непогода.

– Как это вы знаете? – удивился Зук.

– А вон, погляди на небо, – ответил он, – везде хвосты.

Правда, небо было покрыто облаками, похожими на громадные кошачьи хвосты.

Услышав, что на небе хвосты, Зук вспомнил про те загадочные хвосты, о каких слышал он в печурке возле падуна от Улановой: не те ли это хвосты, не об этих ли небесных хвостах тогда шла речь. И, может быть, Уланова тоже тогда видела на небе такие хвосты и отказала Сутулову, потому что боялась дождя...

Прошло немного времени, кошачьи хвосты на небе совершенно исчезли, но зато со всех сторон стали надвигаться тучи. Зук этим воспользовался, чтобы заговорить.

– Как правильно вы сказали, – обратился он к Сутулову, – хвосты на небе были перед дождем.

Сутулов охотно ответил:

– Ты приметливый мальчик: вот увидишь, мы не dokonчим сегодня работу, пойдет дождь, и, наверно, это будет дождь очень сильный.

Зук опять воспользовался вниманием начальника и решил, что теперь, конечно, можно спросить его и о всем. Подумав, о чем бы спросить раньше, о хвостах ли, чтобы окончательно уяснить себе, эти ли хвосты удерживают Уланову, или о душе, чтобы приблизиться к тайне догадки начальников, решил спросить о тайне.

– Можно спросить? – сказал он.

– Отчего же нельзя, спроси, – ответил Сутулов.

– Скажите мне, товарищ начальник, есть у вас душа?

Сутулов как раз в это время заметил какой-то непорядок на лесных работах внизу, и душа его оторвалась от Зуйки и туда улетела.

– Душа, говоришь? – рассеянно ответил он Зуйку.

– Душа, говорю, вроде птички...

– Птички, говоришь?

– Птички, говорю, вроде Пикалки.

– Ну и что?

– Когда птичка поет, Куприяныч работает. А когда перестанет работать, садится за чай, то с ней советуется. И он мне говорит: птичка эта – душа. А я спрашиваю: у вас тоже душа вроде птички?

73

– Стой! – оборвал его начальник, – какая тут тебе птичка, какая душа! Беги вон туда, стрелой лети, отнеси бригадиру приказ!

Сутулов наскоро что-то написал на бумажке.

Зук с особенной скоростью выполнил в этот раз поручение: ему хотелось вернуться к начатому разговору, пока Сутулов еще не успел его забыть.

Но Сутулов, кажется, успел уже забыть и за такое короткое время. Проходит много времени, пока он останавливает свое внимание на маленьком своем препотешном курьере.

– Ты ведь, кажется, хотел меня о чем-то спросить?

– Как же вы не помните, товарищ начальник, я вас уже спросил.

– Нет, я помню, ты что-то меня спросил о душе.

– Ну да, я спросил вас: есть ли у вас, у начальников, тоже душа.

– Вот что выдумал! – засмеялся Сутулов. – У каждого человека есть душа, почему не быть душе тоже и у начальника.

– Это я понимаю, – ответил Зук, – но Куприяныч сказал, душа у него вроде птички: она ему поет, и он под песню работает. А мне хочется узнать, как у начальников, душа тоже вроде птички и тоже и начальники под песню работают?

– Куприяныч бродяга, – ответил Сутулов, – по лесам без дела шатается, у него много времени думать о птичках. Какая тут птичка! Мы к человеку прикованы, только и думаем...

– Как бы догадаться человека спасти? – подсказал Зук.

– Ну, не то чтобы непременно всех спасти и спасти, а чтобы лучше было. Моя душа вся в заботах, вся во внимании: на что смотрю, там и душа моя. Вот вижу сейчас, урки проклятые там подрались, и как бы у них тоже не вышел завал. Смотрю туда – и душа моя там тоже работает.

– Понимаю, – ответил Зук, – вы сами стоите, а душа ваша там работает.

– Вот правильно, только вон вижу, опять завал все растет и растет.

– Душа Куприяныча птичка, – продолжает Зук.

– Птичка, говоришь?

– Птичка. Он работает, а птичка поет.

– Поет?

74

– Конечно, поет. А у вас по-другому: душа ваша работает, зато вы сами стоите.

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

– Сам я стою, – сказал, приходя в себя, Сутулов, – это верно. Душа моя работает, а я за правду стою и тебе тоже советую, не гоняйся за птичками: душа в правде. Только понимаешь ли ты, пацан, что-нибудь?

И только было собрался Зук поспорить в том смысле, что ему лучше хотелось бы за птичками бегать, чем за правду .стоять, как вдруг внизу на работе случилась новая беда, и душа Сутулова вся туда совсем улетела... А когда вернулась душа Сутулова, Зук опять должен был сломя голову лететь на работу.

Тяжелый завал опять навис над степными людьми. Зук бежал к Куприянычу с приказом бросить шкурить лес и поспешить помочь татарам разобрать огромный завал.

«Ну, вот и все, – радостно думал Зук на бегу, – пришел теперь наконец-то и мой черед догадаться: пусть и моя душа поработает над этим, как бы спасти человека». И он себе ясно представил, будто сам он теперь там вместе с Сутуловым по-прежнему за правду стоит, а душа его теперь летит спасать человека.

Так ли это было? Мог ли такой мальчик вполне понимать, что значит это за правду стоять и спасать человека? Может быть, эти прекрасные слова были только оболочкой, милой рубашечкой затаенного голого желания надеть на себя шинель с малиновыми петличками, самому не работать, а только приказывать. Довольно и этого! Но, может быть, сверх всего еще и дадут пистолет?

Не будем же затруднять себя догадками, а лучше поглядим на дела: они-то в своем неизбежном течении и свершении неминуемо все нам откроют, и все тайны наши предстанут в вещах.

Коротенькие люди с круглыми желтыми лицами, с широкими квадратными спинами, в маленьких цветных шапочках валили деревья, не обращая никакого внимания на то, куда они валятся. Им, конечно, указывали, учили их много, и некоторое время они все правильно делали. Но они привыкли жить в степях на седле и, тюкая топорами, мечтой уносились туда на своих маленьких конях и были там возле своих юрт в стадах бесчисленных баранов и верблюдов, пили кумыс у младшей жены, ели баранину в юрте старшей жены, подумывали о третьей жене, а деревья валились по-своему, и степная природа брала верх над лесною наукой. Небывало тяжелый завал навис, а они все

75

работали с мечтой о вольных степях. Оставалось срубить еще бы одно только дерево, но тут прибежал Зук с Куприянычем.

– Аман! – сказал им Куприяныч.

Все на него поглядели. И тут он сделал ужасно страшную рожу, замахал руками, забрыкался ногами, как будто он их всех выгоняет и кричит всем:

– Айда, все люди айда, беги, беги!

И все страшно напуганные в один миг выбежали из завала.

Так бы легко было теперь догадаться Зуйку, и он, конечно, легко бы догадался и мог бы действительно спасти степных людей, если бы над его свободной душой не висел бы тоже своего рода завал: ему не просто хотелось спасти этих людей, а надо было спасти для какой-то личной цели. И этот завал не давал свободного хода догадке. Он не только еще не понимал, какое именно дерево держит завал, а даже и сам себя не берег и стоял разинув рот под самым завалом. Куприяныч, не имея времени с ним разговаривать и объяснять, просто схватил его на руки и переставил в безопасное место, как куклу.

– Айда, айда! – погрозились еще раз Куприяныч в сторону степняков.

И один вошел смело и просто под шатер деревьев, сразу нашел опорное дерево.

Стукнул по нем слегка обухом и сразу понял, сколько еще можно его подрубить, чтобы оно не подвихнулось и завал бы не рухнул.

Это было простое и смелое дело. Куприяныч подрубил дерево, привязал конец веревки, с другим концом выпрыгнул из-под завала.

Киргизы имели довольно времени, чтобы все понять, и, когда Куприяныч выскочил с концом, все радостно, как близкие друзья ему, бросились к веревке, схватились, потянули, и завал с треском грохнул на землю.

Все было так прекрасно сделано, как будто тут на глазах от совершенного поступка из самого серого дела родился, вышел и расцвел цветок дружбы между людьми.

И радость, распространяясь, захватила тоже и молодую душу Зуйка. Завал души его тоже рухнул, и он в восторге бросился к Куприянычу и закричал ему:

– Молодец, Куприяныч, сейчас я побегу к начальнику, все доложу, и он тебя, наверно, сейчас же назначит прорабом.

Куприяныч смеялся. А Зук продолжал:

76

– Теперь ты будешь стоять, ничего не будешь делать и только приказывать.

Куприяныч еще больше смеялся.

– И все тебя будут слушаться. И ты их будешь спасать.

Куприяныч перестал смеяться.

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

– Айда! – сказал он.

И коротенькие люди сразу же послушались, сразу поняли все и охотно взялись за топоры и за пилы.

Куприяныч прошелся между ними, кому рукой показал, кому ногой, кого шуткой, как маленького, потрепал за ухо, тому головой помотал и сказал: «Ни-ни!», тому языком: «Так-так!», и всего в несколько минут все степняки так заработали, будто всегда и занимались только лесными работами.

– Видишь, – сказал он Зуйку, – для чего же ты меня хочешь ставить в прорабы, меня и так все слушаются.

Зуек стоял смущенный. Казалось, все так ясно и просто было раньше: только бы догадаться, добиться места и стать на него. А вот оказывается теперь, что люди слушаются человека без петличек, без пистолета, и так он, если захочет, может сколько угодно спасать людей.

– И ты можешь людей спасать? – спросил он.

– А зачем их спасать?

Куприяныч смеялся и явно издевался над Зуйком.

– Видел ты, – сказал он, – как я их разогнал? Спасать! Ты только сам себя спаси и стань на правильное место, а люди сами спасутся: каждому жизнь дорога. Сказал что: спа-сать!

И Куприяныч покотился со смеху.

Зуек не обращал никакого внимания на смех Куприяныча и крепко думал о том, что Куприяныч сказал: стать на свое правильное место. Такая это большая загадка!

– Тебе, – сказал он серьезно, – наверно, это все птичка указывает?

– Вот это так, – сказал Куприяныч, – это ты догадался. Я слушаю птичку свою и ни о каких петличках не думаю. Но погоди, я тебе это устрою. Ты тоже будешь в петличках стоять и приказывать. Хочешь?

Зуек покраснел.

– Ты правда хочешь? – всматриваясь в Зуйка, повторил Куприяныч.

Зуек еще сильнее покраснел и чуть слышно что-то ответил, закрывая лицо полкой своей куртки.

77

Куприяныч, сделав вид, что не расслышал ответа, еще раз спросил закрытого курткой Зуйка:

– Хочешь?

И Зуек из-под куртки явственно выговорил:

– Ага!

Глазки у Куприяныча стали узенькие, как у кота на свету, раздутое лицо вздыбилось щетиной. Он наклонился к Зуйку, отвел рукою полу и, смущенному, красному, прошептал на ухо:

– Сделаю, сделаю...

Глядя в землю, Зуек пробормотал:

– Как же ты сделаешь?

А Куприяныч уже щетиной своей коснулся нежного розового лица в тонком белом пушке. Зуек поднял глаза и с отвращением увидел в щетине Куприяныча все его блошки и вошки.

Плюнуть захотелось Зуйку, и он бы, пожалуй, и плюнул: до того стало ему на душе почему-то отвратительно.

Но только бы плюнуть, Куприяныч выпрямился и сказал:

– Сейчас пойду доложу начальнику, как все было, и ты не отказывайся. Ты спас людей один. У тебя будут петлички и пистолет.

XIV. ВАСИЛЕК

Сутулов думал про себя – успех в делах зависит от своего собственного человеческого поведения, а не от случая, или как называют это счастьем, талантом, судьбой. На таланты смотрел он как на дело природы: чтобы вырос талант один, природе нужно выбросить тысячу неудачников, бездельников всякого рода, лодырей и болтунов. Ему казалось так, что если бы он и сам почувствовал бы в себе какой-нибудь талант, то он весь этот талант растворил бы в своем поведении и всеми силами постарался бы, как нескромность, скрыть его от людей. А когда встречались ему таланты у других людей, он, обращаясь с такими людьми почтительно, всеми силами старался сделать их полезными. Но зато, истратив на это лучшие свои силы, как же он ненавидел проходимцев, бродяг, лентяев, болтунов и всякого рода бездельников. И пусть бродяга Куприяныч сейчас неплохо работал в лесу, он знал, что нет у него поведения, что рано или поздно он схватится за случай и убежит.

78

Ни одному слову бродяги из этой сказки о герое мальчике, разобравшем завал, он не поверил и, выслушивая сказку, думал, для чего врёт лесной бродяга, беглый разбойник, способный за обладание какой-нибудь финкой задушить такого же

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
бродягу, как и он сам. Его смущало одно, для чего нужно было бродяге завлекать в свои пути несмышленного мальчика.

И небо хмурилось в это время: оставался не закрытым тучами только небольшой клочок. Такая была теперь и душа у Сутулова. И так мрачно он изредка из-под своей тучи выглядывал...

Как синий василек, стоял недалеко мальчик.

Так бывает с нами, что когда, проходя полем ржи, мы видим василек, то этот василек, как глазок всего поля, глядит на нас и за все поле один отвечает. Так и Сутулов все васильки на свете понимал, что за ними стоит поле. Но он совсем не мог понимать, зачем иногда любители срывают цветок, ставят его у себя в комнате в стакан с водой и чем-то наслаждаются.

Сутулов чувствовал физическую брезгливость ко всему такому ненужному, слабому, бесполезному.

Таким васильком в стакане воды и делался ему Зук под влиянием вранья Куприяныча. Вот почему начальник и выглядывал из-под своей тучи на мальчика. Зук сразу же по лицу начальника догадался, что дело его провалилось и не быть добру из всей этой затеи Куприяныча. Вместе с этим пониманием его постепенно охватывал стыд. Сначала он хотел было бежать, но тут охватил его стыд какого-то другого рода, и оказалось, этот стыд был сильнее того. Бежать и хотелось, и надо бы, но онемели ноги от этого второго стыда. Тогда в оправдание себе поднялась злость, и она-то подсказала ему борьбу за себя и слова оправдания: что, правда, он сделал плохого, он хотел только сделаться начальником, таким же чудесным, единственным, как Сутулов. Что тут плохого? Он хотел взять власть, чтобы спасти людей... Правда, ему людей нужно было спасти, чтобы получить петлички и пистолет, но что из этого: люди-то все-таки бы спасались? Что тут плохого? Вот разве только пришлось немного соврать и взять на себя то, «что сделал Куприяныч. Так все-таки Куприяныч-то спас же людей, и кому какое дело, что он свое счастье захотел Зуйку подарить? Какая же в этом беда, какой убыток, если для этого хорошего дела пришлось немного соврать. Так Зук, отказавшись бежать, набирался злости все больше

79

и больше и наконец твердо решил стоять на месте и защищаться.

Это бывает с мальчишками. И если бы Сутулов был начальником школы, имел бы дело с чистенькими мальчишками, он, конечно бы, должен был какой-нибудь шуткой высмеять виновника и пристыдить за вранье.

Там внизу под тучами кипело огромное дело, нельзя было на минуту оторваться от него без риска чьей-нибудь жизнью, а тут он должен выслушивать сказки бродяги и любоваться каким-то васильком в стакане воды.

Большое дело поглотило мелочи, и Сутулов вовсе забыл о мальчишке, пленившем его своей правдивостью и прямоотой.

Зук весь горел, и кончики ушей его почти что светились огнем. Глаза его были опущены, впились в камень. Он весь замер в отчаянной готовности стоять на своем до конца.

Сверкнула первая молния. Загремел первый гром этой грозы. Но куда сильнее этого грома, куда страшней этой молнии были слова:

– Отвечай мне, это ты разобрал завал и спас сто человек?

Зук как загорелся тогда, так и теперь стоял и горел, не отводя пристального взгляда от камня.

– Отвечай же мне, это ты?

Тут-то бы Зуйку и заплакать, попросить прощенья, обещаться. Но так делают многие, много обещаются, много раз опять врут, и опять раскаиваются, и опять, изнашивая душу, повторяют свое, пока не приспособятся жить между ложью и правдой. Зуйку же пришлось это в первый раз, и, может быть, это было ему раз на всю жизнь.

– Отвечай же!

Зук даже не догадывался о возможности борьбы с великаном с помощью слез и маленькой лжи.

Вот еще сверкнула молния

По каким-то хвостам Сутулов мог предсказать эту грозу, так неужели он не догадывается, что творится в душе мальчика и как обожает он своего начальника? Он, конечно, знает, и оттого с ним надо бороться и не уступать своего.

– Последний раз тебя спрашиваю, кто разобрал завал, ты или Куприяныч?

– Я разобрал! – ответил твердо Зук.

И с камня перевел свои раньше такие ясные голубые,

80

теперь затемненные и от злости позеленевшие глаза на Сутулова.

– Вот какой ты змеюга! – сказал Сутулов. – Уходи от меня вон. И на глаза мне больше не показывайся.

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Был опять гром с неба. И в грозе слышался голос прекрасного, обожаемого начальника, голос, как гром, отвергающий его навсегда от участия в простой радости обыкновенных хороших людей.

С камушка на камушек спускался вниз Зук, сам не зная, куда ему идти, и так дошел он до большого камня, обнятого корнями северной сосны. Он сел на камень, обнял сосну, приложил к ней щеку, заревел, вздрагивая и все больше и больше уходя головой в худенькие плечи.

– Ты чего тут реवेशь, пацан? – раздался голос из-за дерева.

Вышел кто-то, не похожий на каналоармейца, высокий, в женском малиновом берете на голове, глаза небольшие, голубые, загадочные. На плечах неизвестного была накинута куртка, голое тело было все расписано голубыми знаками, на левой груди против сердца красовалось лицо женщины с подписью: Маруся. На другой груди было два голубя, и они носик в носик кормили друг друга.

Рассматривая все это сквозь слезы, Зук пришел в себя и спросил:

– Ты – Рудольф?

Из-за деревьев выскочили разные люди, почти все с теми же знаками татуировки. Щеки у них, как и у всех людей, надувались от смеха, но глаза, в то время как лицо смеялось, оставались холодными и злыми: лица не добрели от смеха.

– Черти какие-то! – сказал Зук, переводя свои большие, удивленные глаза с одного лица на другое.

И как только, не струсив нисколько, он произнес это «черти», так все эти люди поглядели на него иначе, почти даже и с уважением. Тогда-то Зук вдруг и догадался – перед ним была знаменитая бригада двадцать первая, возглавляемая прославленным паханом Рудольфом.

– Ты спрашиваешь, кто я, – сказал пахан, – ну, хорошо, я – Рудольф.

Тогда Зук, чтобы не ударить в грязь лицом, ответил, представляясь:

– А я курьер начальника строительства узла. У вас тут завал. Поднимается ветер, и всех вас может задавить.

– Нашли какую заботу – думать о нас!

81

– А как же, – ответил серьезно Зук, – мы для того и стоим наверху и для того не работаем своими руками, чтобы думать только о вас. Мы вас спасаем.

Пахан на эти слова не удостоил даже улыбки, но Зук все-таки заметил, что глаза пахана чуть-чуть повеселели от его слов, и этого было довольно: урки все разом разразились громким хохотом.

– Ты легкобычный пацан! – сказал довольно весело Рудольф. – Это вы хорошее дело делаете, ничего, спасайте нас.

Потом протянул свою руку, погладил ею Зуйку по голове, покачал своей головой и сказал:

– Какой ты хороший пацан, и зачем ты ссучился с легавыми?

Задушевный голос пахана проник в самое сердце Зуйки, слезы хлынули из его глаз, и вдруг с необычайной силой, заскрипев даже зубами, он унял их, утерся рукавом и сказал:

– Нет, я не ссучился, я хотел вправду спасти людей, а они меня выгнали...

– Выгнали! – радостно крикнул Рудольф. – Ну, поздравляю тебя!

И, брыкнув ногой и хлопнув себя по заду, взял его маленькую ручку, пожал и потряс.

– Теперь ты, брат, наш. Теперь у тебя много верных друзей, и с нами ты не пропадешь.

Тут хлынул дождь. Колонна за колонной пошли каналоармейцы в бараки.

– Приходи к нам! – крикнул Рудольф Зуйку.

XV. СКАЗКА О ВЕЧНОМ РУБЛЕ

Засверкала молния, загрели громы, и карельские лесистые холмы, озы и бараньи лбы на далеком расстоянии стали перекликаться между собою. Бежать Зуйку домой, переправляться за Выг было далеко, а бараки совсем были рядом. Он бросился догонять колонну Рудольфа и скоро был среди барачников нового маленького рабочего города.

Рудольф издали махнул ему рукой, давая понять, чтобы шел в тот барак, откуда издали пахло горячим хлебом и щами. Сам же Рудольф со своей бригадой исчез в дверях другого барака, и опять появился скоро, и опять показал Зуйку на душистый барак.

82

Все тут было вокруг, как на пожаре: там катили огромную бочку и устанавливали ее под капель, там на себе четверо загоняли телегу с грузом в сарай; какие-то люди, как знающие свое дело муравьи, перебежали постоянно из барака в барак, и массы определенно валили в столовую. Никто, наверно, кроме Зуйки, не обратил внимания на голос по радио, приглашающий слушать выступление артистки Михайловой. Наконец так много скопилось людей у входа, что среди больших людей в тесноте он стал,

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru как цыпленок в ведре, и там терпеливо слушал дуэт «Не искушай». Чей-то тяжелый сапог приплюснул ногу Зуйка так сильно, что он закричал от боли. Тогда старый человек с добрым лицом, как бы изрубленным временем, наклонился к нему и взял его за руку.

– Ты, мальчик, – сказал он, наверно, к нам от дождя забежал?

Зуек сразу узнал по голосу в этом старом человеке кожевника Волкова, говорившего что-то непонятное Улановой о вечном рубле.

– Мне, – ответил ему Зуек, – Рудольф указал идти сюда и тут его самого дожидаться.

– Рудольф? – повторил, припоминая, старик. – Да на что он тебе?

– А как же мне тут одному?

– Ну, вот добро, – усмехнулся Волков, – в такой тесноте мы сейчас, а ты боишься, как бы тебе одному не остаться. Пойдем со мной, я найду тебе чашку и ложку. Вот садись здесь, а я сейчас все тебе принесу. Не бойся никого, люди тебя не обидят: ты еще невелик.

Зуек сел на длинную белую струганую лавку за длинный во весь барак стол. По ту сторону узкого стола тоже люди садились. Везде от щей из мисок поднимался пар. Не обошлось без того, что какой-то озорник, заметив за столом маленького, потянул его больно за пискун-волос. А другой пытался заставить его крутиться, не выпуская из пальцев пучка зажатых волос. А еще один схватил за уши и хотел показать Москву. Но тут, к счастью, пришел добрый человек, поставил на стол миску со щами, хлеб положил, ложку дал.

– Хлебай, товарищ! – сказал Волков.

После всех бед и обид этого несчастного дня от горячих щей у Зуйка стало тепло на душе. Но главное было не в еде, а что он плотно сидит рядом со всеми на равном положении

83

и эти большие люди, как товарищи, признают его равным и не обращают на него никакого внимания. В большом этом непонятном муравейнике он вдруг сам стал муравьем и знает теперь в нем свое место.

– Хлебай, хлебай, пацан, – говорил ему сверху добрый человек с седой бородкой на морщинистом бронзового цвета лице.

– Спасибо, добрый человек! – ответил Зуек, вспоминая, как говорят незнакомые гости за крестьянским столом.

– Не стоит благодарности, – ответили ему по всем правилам.

Важно посидев некоторое время, удерживая ложку рассчитанно на столе, Зуек спросил, как спрашивал, бывало, дедушка у себя за столом незнакомого гостя:

– Ты, добрый человек, откулешний?

И добрый человек не замедлил приличным ответом:

– Я из Талдома родом.

Зуек не знал, где это Талдом и что это значит, город, деревня ли, дом. Не в том было дело: нужно было только спросить по всем правилам, как делают это настоящие люди, и получить приличный ответ.

– А ты здешний? – спросил добрый человек. Зуек умышленно задержал полную ложку на краю чашки и, слегка наклонив утвердительно голову, ответил:

– Ага!

– Живешь у родителей?

– У дедушки.

– Дождь хлыщет и хлыщет, тебе придется с нами побыть, а может быть, даже и переночевать. Пойдем со мной.

Многие встали из-за стола и перешли толпой в другой барак, где у каждого было свое место на дощатых нарах, свои вещи, свои соседи.

И Рудольф, и Куприяныч. и еще разные урки, бывшие в лесу с Рудольфом, сразу же узнали Зуйка, обрадовались, засмеялись ему и все плотно тут же рядом и уселись.

Зуек хорошо понял про себя, как хорошо это и сразу понимают все мальчишки: он чем-то Рудольфу понравился. Ну, а уж если так, то надо еще больше нравиться, нужно чем-нибудь отличиться перед всем обществом. И так загорелось и стало больше и больше разгораться у него в душе страстное желание, рождающее героев: желание отличиться, и пусть оно где-то там не удалось, так, может быть, отличится он здесь.

84

– Легкобычный пацан, – сказал Рудольф доброму человеку.

– С ним не шутите, – ответил Куприяныч.

Услышав слова Куприяныча, Зуек на мгновение оторопел. У него явилось подозрение: не подшутил ли над ним так зло Куприяныч, не нарочно ли он, злой человек, подвел его под беду. Но это одно только мгновение такое мелькнуло, и кончилось, и погасло в каком-то свете, возникающем с другой стороны.

Как сухой листик шевелится от сквозного ветерка и мышкой бежит по земле, так от общего внимания побежала душа Зуйка, и он вдруг понял, что его минута пришла,

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
что сейчас он должен непременно что-то сказать и отличиться. Большое дружеское чувство благодарности за что-то ко всем этим хорошим людям и, может быть, даже просто и ко всему человеку охватило его, и он вдруг спросил:

– Скажи, добрый человек, за что, за какие такие дела люди сюда попадают?

– За хорошие! – немедленно ответил чей-то хриплый, надтреснутый голос.

Зук обернулся туда и увидел: в проходе стоит высокий худой человек с тонкой длинной седой бородкой, точно как у козла или у Кашея Бессмертного.

Никак нельзя было понять, в шутку ли говорит Кашей или смеется над мальчиком.

Лицо у Кашея было все ровно розовое, длинное, глаза маленькие, зеленые, пронизательные и неустоящие, как бы в вечном плетении какой-то паутиной сети.

– За хорошие, за хорошие, – повторил Кашей уже в явном сочувствии невинному деточке, попавшему в ад.

Так пришла в барак заключенным редкая минута, когда не один кто-нибудь случайно в минуту личного расстройства вспомнит себя на воле в радостном согласии со своими людьми, но все разом это почувствуют, – где-то, когда-то было это и с ним, и это была жизнь настоящая, жизнь, как счастье великое, жизнь, как дар, а он сам с чем-то не справился, в чем-то не посмел, что-то упустил...

Бывает с каждым, мелькнет это чувство и отойдет к тому, чего не было, или к тому, что было когда-то во сне. Но тут оно всем разом пришло, и вот оно перед глазами, свидетельство: этот смелый, свободный мальчик, каким был когда-то каждый из нас...

85

Каждый смотрелся, как в зеркало чудесное, узнавая себя, как солнечного зародыша жизни волшебной, и никто не догадывался, что это солнечное семя, как всякое семя природы, отдается во власть случаю, что из тысяч брошенных природой семян только одно, может быть, прорастет, что и этот мальчуган стоит у самого порога гибели...

Каждый думал о себе, конечно, по-своему, но все были вместе, и все сходились в чем-то одном, и каждому хотелось высказать что-то свое и как бы отдать его на общее пользование и так самому определиться между людьми, как определяются люди в море и узнают, к каким берегам плывет его собственная лодочка.

Мало-помалу старший из всех, добрый человек, глядя на Зуйку так, будто сквозь него он видит себя в своем далеком прошлом, стал рассказывать свою жизнь. А Зук по своей привычке из этого совсем правдивого рассказа бывшего торговца кожевенными товарами Волкова стал делать свою сказку о Кашее Бессмертном и его вечном рубле.

Началась эта сказка для Зуйки тем, что отец Волкова, сапожник в Талдоме, делал гусарики, детские башмачки, а его мальчик, вот этот теперь старый добрый человек, поправлял светец и в переменах лучины помогал отцу шить гусарики. Когда же достали керосиновую лампу, и время освободилось, мальчик стал учиться грамоте по старинным книгам: отец указывал, а сын складывал, читал... Скоро мальчик научился, приохотился к чтению, понимая про себя, что книги не людьми пишутся, а падают с неба. И отец тоже: раньше во время работы все пел, а теперь слушал Священное писание с двойной радостью – и то, что Священное писание само по себе чудесно и что слышит его из бойких уст своего родного сына. Пусть сын теперь читал, а не помогал сапожнику, но гусарики при душевном внимании к словам Писания выходили, наверно, и красивей и прочнее.

Так вот было раз – мальчик читал своему отцу о том, как юношу Алексея родители насильно женили, и Алексей после венчания прямо из церкви куда-то скрылся, и как ни старались найти его – не нашли, и обвенчанный юноша пропал неизвестно куда. Неустанно горевали неутешные родители и молились богу о своем пропавшем сыне. И вот однажды приходит к ним на двор нищий и просит жить у них не где-нибудь

86

в доме, а просто в собачьей конуре. Поняли нищего как блаженного и жить в собачьей конуре позволяли. Так он поселился и ничего не брал у хозяев для себя, питался только тем, что попадало в мусорную яму.

Так вот и пошло странное время из дня в день: богатые родители молились и плакали не переставая о своем любимом сыне, а он сам, любимый, желанный Алексей, жил у них на дворе под боком в собачьей конуре.

– Алексеем звали? – перехватил рассказ Рудольф. – Это я знаю, мне тоже читали, когда я был мальчишкой. Не помогло это чтение и в мое-то время, а теперь все это совсем ни к чему: несовременный рассказ.

– Рудольф! – ответил Волков. – Это было больше полета лет тому назад, как мы читали с отцом про Алексея, божьего человека. Удивляюсь, как тебе в твое время довелось услышать такую старину. Но я так понимаю, что как река из рек же составляется, так и наше время сложилось из разных прежних времен. Слушай же терпеливо и не перебивай меня: ты скоро увидишь, я все прежнее сведу к нашему времени.

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Старик погладил Зуйку по голове и на мгновение окинул взглядом своих слушателей: все они рядом тесно сидели на нижних нарах, и на полу, и с верхних тесно свисали ноги, а головы прятались под потолком в полумраке наступающих сумерек и в клубах махорочного дыма. Все слушали внимательно и о чем-то своем крепко думали. Не о том ли думали они, павшие люди, что когда-то и сами были такие, как этот мальчик Зук, и тоже и им когда-то падали в душу чудесные слова, как золотой дождь.

Сам же Зук при общем добром к нему внимании, слушая сказание об Алексее, человеке божьем, поднимался душой высоко куда-то вверх, в легкий воздух и там плел и тел по-своему собственную сказку о Кашее Бессмертном и о его вечном рубле.

По примеру святого Алексея мальчик сапожника тоже вздумал уйти из дома, оторваться от близких и начать потом неузнанным среди них новую жизнь. Так он и ушел из Талдома ночью в Москву и уже совсем было сговорился с одним монахом в подворье. Но как раз, только бы с этим монахом уйти в далекий северный монастырь, нагрянул отец, отбил у монаха своего мальчика, увез его обратно

87

в свою сапожную мастерскую и заставил по-прежнему шить вместе с собою гусарики. Отец был неглупый человек, он понял вред от Священного писания: и мальчик не о том думает, что надо думать по времени, и сам тоже попусту слушает. Обдумав все это хорошо, отец заставил сына работать, а сам по-прежнему стал песни петь за работой, состязаясь в искусстве с соседом портным.

– Вот, Рудольф, – сказал Волков, – ты теперь и мотай себе на ус: жизнь эта оказалась несвоевременной, и ты правильно сказал: это был елей от Священного писания.

Зук же, слушая, принимал все эти слова как материал для собственной сказки. Он так понял, что в жизнь мальчика вмешался Кашей, охватил его своим дыханием и соблазнил прелестью жизни. Мальчик сапожника, взятый собственным отцом в плен, понял теперь себя, что так и вечно быть ему в плену, если только не сделается человеком богатым. И уж если нельзя ему попасть к святым, то к сильным людям от себя самого зависит попасть, и отец против этого ничего не будет иметь: никто от богатства не откажется.

Маленьким родничком начинаются реки, так и богатство Волкова началось с пустяка: вот мальчики, его сверстники, так весело и свободно играют в ладышки, он же сам, пленник Кашей, угрюмо стоит в стороне. Нет, конечно, он не просто стоит, не зря время проводит. Он наблюдает, догадывается, как бы из этой веселой игры сделать пользу себе. И так мало-помалу догадывается, что в кон попасть зависит только от ловкости руки и меткости глаза, но выбить кон можно только хорошим битком. После того он сам своими руками стал наливать свинцом битки и добился того, что битки его были мальчишками замечены и на них явился спрос. Битки пошли в ход, и за одно только лето Волков на битках нажил двадцать рублей. Потом он узнал, что слепые учатся иногда читать по выпуклым буквам на бутылках от пива, и давай эти бутылки искать и продавать их слепым. А еще он догадался скупать в деревнях старые кокошники и вытапливать из них серебро. Тогда-то вот оказалось, что деньги не надо беречь под камнем, как он это делал, а, напротив, немедленно пускать их в оборот, скупая больше и больше кокошников. А еще он тут же, скупая кокошники, стал скупать воск, сам научился из этого воска отливать свечи и очень выгодно продавать их богомольцам.

88

Так много всего нашлось в царстве Кашей, о чем можно было догадываться в пользу себя и все богатеть и богатеть.

– Мотай, мотай, Рудольф, себе на ус, – сказал Волков, – я богател не по случаю, не крал у людей, не грабил с ножом на лесных дорогах, а копил добро в большом понимании и терпении страшном. Понимание жизни меня приводило к тому, что бедному человеку на земле нет выхода и нет нигде защиты. Хорошо жить на земле, оказалось, можно только богатому, и ежели нет на земле вечности для души, то надо найти вечность в рубле.

– Вот это правильно! – воскликнул Рудольф. – И ты, пацан, слушай и мотай и мотай на свое веретено в голове: нет вечности на небе, вся вечность в рубле.

– Хороший, правильный рассказ, – одобрил тоже и тот худой с козлиной бородкой Кашей. – Без этой основы не может быть вечности, и самому господу от богатого церква и бедному тоже копеечка: возле богатого хорошо и бедному, а чем можно помочь бедняку, если и сам гол как сокол?

Зук перевел глаза на Кашей и догадался по его словам, что, наверно, так и правильно, так все и живут в Кашеевом царстве: все умные друг от друга учатся догадываться в пользу себя и богатеть, а бедные на них работают.

– Дураков работа любит! – сказал, зевая, Кашей. И перекрестил себе рот, заключив после зевка: – Эх мы, грешные, грешные!

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

– И понял я, – продолжал добрый человек, – понял, Рудольф, что рубль на земле – это вечность на небе и что за рубль эту вечность можно купить. И уж если надо жить на земле, то и надо бороться за вечность рубля.

– Правильно, правильно, Волков! – ответил Рудольф. – Учись, лучше учись, пацан.

– Понял я, что работать можно не только силой рук, как рабочие, не только утруждением мозга, как служащие и ученые, а своими собственными чувствами и смекалкой.

– Что-то не совсем понимаю, – сказал Рудольф, – как это можно работать чувствами?

– Очень просто, – ответил Волков, – иду я раз по базару и настраиваю свое чувство слуха: о чем люди говорят. И слышу я, люди говорят о подошве, что в Варшаве сейчас дешевая подошва. Услыхав эти слова, я живо

89

смякнул и сразу решился ехать в Варшаву. Все какие были только у меня деньги я пустил на подошву, вагоны подошвы в Талдом пригнал и только на одной подошве чистых сто тысяч нажил. И все нажил только работой чувства, со слуху нажил.

– А с пальцев не пробовал? – с уважением и с насмешкой спросил Рудольф.

– Понимаю тебя, – ответил Волков, – с пальцев не пробовал. Пойми ты меня: я шел законным путем. Пусть даже и верно, что не обманешь, не продашь, но самый обман в торговле есть моя законная тайна. Первое время я только по слуху работал, схватываю и смело иду своему счастью навстречу.

– Не согласен с тобой, – сказал Рудольф, – какая это такая у тебя законная тайна, скажи: законный грабеж. А если есть грабеж законный, так почему же ты презираешь грабеж незаконный? И если ты работу чувств признаешь, то почему же ты отвергаешь работу пальчиками: ты по слуху, я осязанием, и уверяю тебя, с пальчиками бы у тебя много скорее дело пошло.

– Ты не хочешь понять меня, – почти что рассердился Волков, – я же теперь стал совсем другой человек, я только рассказываю о себе в прошлом, как я наживал миллионы. Я про законный путь в том смысле говорю, что я верил в вечность рубля и эта вечность была мне законом. А с пальчиков, как ты говоришь, это просто мошенство. И опять у вас легкость, и даже разговор у вас постоянный в том смысле, что не нажил, а смысл. Ты что же думаешь, я все тащил к себе, как урка, все проедал и все раздавал? Нет, милый, жизни для себя у меня никакой не было. Вот про пальцы говоришь, а я, как этими самыми пальцами в холодные ночи ими деньги в лавке считал, я себе отморозил, и на руках и на ногах, и жена моя вместе со мной отморозила. Нет, брат, я не на себя, я на вечность работал. И так я руку себе засушил, глаз потерял и нажил миллион. И только уж когда три миллиона нажил, вспомнил про себя и поехал со всей своей семьей, как ездили тогда все богатые люди, за границу, в Париж.

– В Париж! – воскликнул Рудольф. – Ну, теперь все знаю вперед, поедешь в Париж и там угоришь: я там был и видел твои миллионы. Прогулял?

– Ты все не хочешь меня понимать, – ответил Волков, – и все по себе самому догадываешься, и короткая душа у тебя. В Париже я наконец-то на самом деле уверился,

90

как правильно я взял свой курс на вечность рубля. Не знал я французского языка, и за рубли мои ходили сзади меня два переводчика. Не было глаза, вставили искусственный глаз. Рука была сухая, руку мою оживили. На радостях приказал я переводчикам: «Ведите, – говорю им, – меня в самую главную церковь, желаю поблагодарить за все их бога». Так было у них воскресенье, такое же, как и у нас, и в такое воскресенье повели меня к обедне в знаменитый храм

Нотр-Дам-де-Пари. Тут я в великолепии несказанном услышал «Херувимскую»: точно так же, как и у нас было «Иже херувимы». И как я это услышал, то как подкосило меня, упал я на мраморные плиты собора, понимая радостно и со слезами и с великой радостью в сердце, что бог одинаковый и у нас и у французов, и что путь мой на вечность законный, и что по всей земле люди молятся и просят своего бога о вечном рубле...

После этого воспоминания Волков слегка прослезился, а Рудольф стал смеяться, не меняя холодного и бездушного выражения своих глаз.

– Чего же ты, окаянный, хохочешь? – спросил Волков.

– А как же мне не смеяться, – ответил Рудольф, – песенка твоя давно спета, все-то все на свете ее знают и понимают, только ты, русский мужичок-простачок, попал в Париж, услышал, умилился, прослезился.

И Рудольф, сделав мифистофельский жест, запахнул невидимый плащ, ударил рукой по струнам невидимой гитары и, отставив стройную ногу, пропел довольно хорошим баритоном и очень верно:

На земле весь род людской
Чтит один кумир священный,
Он царит во всей вселенной,

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Тот кумир – телец золотой.

– Телец золотой – это вроде Кашея? – спросил Зук.

– Только название, милый мой, – ответил Волков, – только говорится так, что бессмертный, а даже и в сказках на Кашея есть смерть. Шестьдесят лет изо дня в день я крепко веру держал, понимал вечность в рубле. Наконец, после всех испытаний, раскрылась мне правда.

Волков склонил голову.

– Что же ты понял такое? – с любопытством спросил Рудольф.

– Понял я, – ответил Волков, – что в рубле вечности нет.

91

– В рубле вечности нет, вот чудак! – засмеялся Рудольф. – Нет вечности в рубле, и ты вернулся в собачью конуру?

– Нет, – ответил с твердостью Волков, – и в конуре, понимаю, тоже вечности нет, ни в рубле, ни в собачьей конуре.

– А как же тогда? Нет, нет, вечность есть.

– В чем же твоя вечность? – рассеянно спросил Волков.

– В пальцах, – ответил Рудольф. – Ты вот работал только на глаз и на слух, я же пальцами работал. И ты нажил за всю жизнь свою только три миллиона, а я тебе своим пером в одну ночь денег сколько хочешь наделаю. Мое перо в славе.

– Какое перо, Рудольф? – восхищенно спросил Зук.

– Золотое перо, – охотно ответил Рудольф. – Мое золотое перо, и мои золотые пальцы, и мои золотые руки никого на свете не подводили. И еще есть у меня сто отмычек, и любая шкатулочка со всяким добром, с золотом, бриллиантами и всякими драгоценностями мне открывается.

После слов о волшебной шкатулочке Зук перестал складывать свою сказку о Кашее Бессмертном. Вся жизнь ему представилась волшебной шкатулочкой: вот бы жить так и жить!

Как синяя вода в тихий день, представлялась Зуйку жизнь человеческая. Но почему-то вот замутилась вода, затревожилась.

И Зук дрожащим от волнения голосом, душевно, как близкого друга, спросил Рудольфа:

– А как же, Рудольф, ты шкатулочку откроешь, унесешь драгоценности? И я потом, хозяин шкатулочки, прихожу к синему морю и вижу я: на берегу синего моря лежит моя шкатулочка брошенная, взломанная, пустая.

Один только мальчик, и, может быть, единственный мальчик на свете, Зук, мог таким задушевым голосом задать отъявленным ворах такой милый вопрос о хозяине разграбленной волшебной шкатулочки. Сам Рудольф даже как будто смутился, и много глаз из разных углов глядели на него с интересом и ждали, как ответит пахан.

– Успокойся! – дружелюбно ответил Рудольф. – Твою шкатулочку я никогда бы не тронул. Но я понимаю,

92

ты спрашиваешь про неизвестного хозяина этой шкатулочки. Что же мне до этого чужого какого-то хозяина? Он ведь для себя одного владеет, я же не для себя работаю. Ко мне каждый идет и берет, сколько хочет. Мне каждый друг.

Он кивнул головой в сторону урок, и все они, кто мычанием, кто морганием, кто молчанием, подтвердили правильность слов своего пахана: ничего он себе не берет, и перо его золотое и отмычки для всех работают.

Зук растерялся. Глаза его потускнели в какой-то никому не ведомой борьбе, но одно было всем ясно в ответе пахана: все это так и не так.

Сказать, однако, что-нибудь против пахана никто не захотел, и наступило то молчание, когда каждый вспомнил в себе такого же мальчика: был он или не был в действительности, но каждому теперь казалось, будто он тоже был точно таким же в своем детстве, тоже так ясно все понимал, а потом ясный прямой путь потерялся и до правды стало необходимо докапываться как-то умом, хитрить и мудрить.

Тогда бродяга Куприяныч в полумраке своего угла вдруг как бы засветился своими глазами ночной птицы, склонился к уху Зуйка, пощекотал его жесткой своей шерстью и шепнул:

– Милок! Не слушай ты никого. Иди сейчас потихоньку со мной.

Несмотря на противную близость бродяги, слова Куприяныча Зуйку явились какой-то отдушиной после трудных разговоров о вечном рубле. И он быстро встал и доверчиво пошел за бродягой к далеким нарам на вторых мостках.

Устроившись на ночлег рядом со своим маленьким другом, Куприяныч сказал:

– Я тебе, милочка, говорил, у меня есть птичка, и я ее слушаю. Люди говорят все по-разному, всех не переслушаешь и ничего не найдешь. А ты гляди только на меня, когда птичка позовет – я тебе скажу, и мы с тобой от них уйдем, никого не слушайся, гляди на меня.

– Птичка! – сказал Зук. – Это самая та, Пикалка? Тебе на работе помогает?

– Нет, – ответил Куприяныч, – это птица желна, и ты ее знаешь.

– желна, – вспомнил Зук, – черная птица с красной головой?

93

– Вот, вот, та самая птица с огненной головой, летает после пожаров на горях от одного черного дерева к другому, долбит.

– И кричит, – вспомнил Зук, – на весь свет на лету часто, а когда на сучок сядет, то: «ПИТЬ-ПИТЬ-ПИТЬ...»

– Не «пить-пить», – ответил Куприяныч, – а «плыть-плыть»! И то не всегда, а только ранней весной перед водой: это слышит и понимает каждый бродяга. Вот и мы, когда желна к весне закричит свое «плыть-плыть», мы тоже с тобой поплывем.

Так и уснул Зук под уговоры Куприяныча, и спать бы ему так до утра. Но когда разошлись тучи, на небо вышла зеленая луна, и свет ее вошел во все окна барака.

Мы не знаем, как лунный свет забирается в душу людей, но только многие в этих лучах нашли у себя в голове какие-то неотвязные мысли и, обдумывая, открыли глаза. Лунный свет нащупал и в Зуйке место, пронзенное обидой и закрытое на время рассказом о вечном рубле, золотом пере и волшебной шкатулочке. Обида развернулась, как глубокая душевная рана с невозможностью возвращения к прежнему. Лунный свет охватил кругом маленькую головку Зуйка, и она открыла глаза с определенным, рожденным острой болью вопросом: «Как же быть?»

Только-только определился было вопрос, как перед открытыми глазами у окна показалась залитая лунным светом бритая голова человека с маленькой бородкой. Маленькие глазки светились, губы непрерывно шевелились, обе ладони время от времени поднимались вверх и охватывали все лицо, движением сверху вниз как бы умывали его, а из губ вылетали слова: «Алла, алла!»

Зук сразу не понял, что это делается у окна, только ему стало неприятно и немного страшно. А дальше так в лунном свете что-то похожее делали два китайца, и у них в руках было по желтому фонарику. Зук не хотел этого видеть и повернулся в другую сторону. Но и на другой стороне сверху тоже виднелись нары, и тут совсем уже близко у окна в лунном свете он узнал длинное худое лицо с жидкой бородкой. Кашей бессмертный шепотом молился и время от времени поднимал руку и крестил себя мелким крестом. Тут только Зук и понял, что и там, назади, разные люди по-разному тоже молились.

Зук так теперь понимал Кашея, что он молится о вечном рубле, как молился когда-то и добрый человек Волков, и ему страшно стало. Правда, и бабушка по-своему молилась

94

и дедушка, но у тех не было это тайно, как здесь, в Кашеевом царстве. Тогда-то свое горе «как быть с обидой» и эти ужасные тайны лунного света сошлись, Зук весь задрожал, схватил Куприяныча за бороду и начал трясти его.

– Что с тобой, дурачок? – спросил Куприяныч.

– Погляди, – зашептал он, – вон Кашей сидит.

– Молится богу своему, – сказал Куприяныч.

– О вечном рубле?

– Он заклады брал, ростовщиком называется, – о чем же больше ему молить, как не о рубле.

– А вот там другой сидит, – шептал Зук, – тот умывается и шепчет все время:

«Алла, алла!»

– Это татарин.

– И тоже о рубле?

– А о чем же?

– А вот еще с фонариком.

– Это китайцы.

– Как же нам быть, Куприяныч, они все тайно молятся и нас изведут.

– Э, полно, брат, не тужи, мы с тобой от них удерем. Вот как только дождемся весны, желна «плыть-плыть!» закричит, и мы с тобой поплывем.

– Куда же мы с тобой поплывем?

– Мы поплывем с тобой, куда нас желна поведет.

– Там не работают? – спросил Зук.

– Не! – ответил бродяга.

– И не молятся о вечном рубле?

– Не!

– И не открывают чужие шкатулки?

– Не, там царствуют.

– И не приказывают?

– Не у чего там приказывать.

И стал рассказывать перед сном, как ему однажды очень захотелось напиться в этом чудесном краю. Поглядывал в лесах, лугах и оврагах, нет ли ручейка или лужицы.

Совсем пересохло во рту от сильной жажды, но вдруг он увидел с подгорки, – сверху из темного зеленого ольшаника на камешек падает струйка чистой воды и с камушка

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
прямо на мох зеленый и бежит по черным, синим и красным ягодкам. Припал бродяга к ручью, пьет – не напьется. А какая-то птичка кричит часто и настойчиво, и все одно только слово:

– Птичка-яичко!

95

Послушался птички, оглянулся, а рядом лежит голубое яйцо.

– Большое?

– Чуть поменьше куриного и голубое.

– Это птичка снесла?

– Нет, это раньше цапля снесла, я не видал, а птичка мне указала.

– Ну, и что же дальше было?

– Я посмотрел и понял: это цапля снесла яйцо свежее и ненасиженное. Значит, цапля тоже попить захотела. Попила и снесла.

– Ну и что же дальше?

– Ничего. Я развел теплинку, налил в котелок из родничка воды, яичко сварил.

– И ну?

– И скушал... как хорошо! Я тебе еще раз говорю: там не работают, там все нам приготовлено, там мы цари.

96

ЧАСТЬ II

СКАЛЫ

XVI. БОЖЬЯ КОЛЕЯ

Два раза по Карелии, наступая и отступая, проходил Скандинавский ледник и оставлял после себя длинные холмы песка, морен, напластований гравия, хрящеватого песка и песка-пльвуна.

То же говорят ученые, будто подземные силы, поднимая Скандинавский полуостров, к ледниковому нагромождению прибавили еще и свое: поднятие было неравномерное, земля была перекошена, каменные пласты местами были поставлены на голову.

Дальше было так, что впадины наполнились водой и морская рыба начала искать себе путь в верховьях рек. Камень, подверженный действию воды и ветра, покрывался лесом и мохом, леса стали убежищем зверей. И первобытный человек жил тут, как и всякий зверь, не оставляя после себя заметных следов. Только после уже многих тысячелетий, когда над местом жительства первобытного человека

97

образовался толстый слой плодородной земли, когда заработали в этой почве кроты, ученые заметили в кротовых кучах черепки разбитой глиняной посуды и кремневые наконечники орудий того человека. И мало-помалу под этим почвенным слоем были открыты места длительного его пребывания, и по направлению стойбищ можно было понять: и тот первобытный человек сквозь хаос нагроможденного камня, покрытого водой и лесом, пользуясь направлением узких, удлинённых озер и морен, старался пробить свою разумную прямую человеческую линию намеченного в наше время Беломорско-Балтийского пути.

Недалеко от нас и то время, когда русский человек, пробираясь вперед путем первобытного человека, принимал след ледника за след колесницы Ильи-пророка, и весь этот путь ледника из Белого моря в Балтийское стал известен в северном русском народе как божья колея.

И правда, путь ледника был очень похож на след колесницы. Там, где колесо уходило в землю поглубже, потом в эту глубокую колею набегала вода и оставалось удлиненное озеро. Там, где колесо поднималось, на этом камне после него вырастал лес, и это сухое место между двумя озерами стало называться по-местному тайболой. А то и просто бывало, из одного озера в другое бежала река, и человек переплывал на лодке даже и тайболу. Вот по этой же самой божьей колее озерами, реками и горами, покрытыми лесом, царь Петр перевел свои корабли из Белого моря в Балтийское. Просека в лесах, сплываясь от времени, была в наши дни еле очерчена: надо было издали на краю заревого неба увидеть темный зубчатый лес, и тогда ясно становилось, как темный лес на красной заре расступался на две черные стены и показывал след, как волю человека, имеющего власть над природой: человек захотел – и леса расступились, пропустили корабли, и этот след Осударевой дороги остался видим до нашего времени.

Так вот и теперь тот же человек, имеющий власть над природой, собрал множество людей со всех сторон необъятной страны, чтобы вновь соединить разделенные моря и, может быть, в этом великом деле показать еще более великое: показать, чего может достигнуть в природе человек, соединенный в труде как единый человек, неустанно идущий вперед и вперед.

98

XVII. КРАСНАЯ ЧЕРТА

Скандинавский ледник своей чудовищной силой, сползая, растирал скалы, но были такие скалы первозданных пород, что и ледник, упираясь в них, свертывал с

прямого пути.

Инженеры не останавливались и перед такими скалами и тонким стальным перышком на плане проводили свою прямую красную черту через скалы, недоступные даже силе сползавшего льда.

Эта красная черта для многих островов на Выгозере обозначала конец прежнему существованию и необходимость людям спастись и браться за что-то другое.

Об этом говорили, объявляли, указывали новые места, куда следовало людям переселяться.

По-разному относились местные люди в том и другом селе на том или на другом острове. Бывало, в каком-нибудь селе в давние времена какой-нибудь любознательный солдат, вернувшись со службы, приносил с собою волшебный фонарь, удивлял земляков световыми картинками, и с тех пор на этот остров или в это село стали попадать другие новинки, и один по другому стали нарождаться тут люди несколько просвещенные. В таких местах, конечно, люди поняли мысль ведущих на плане через скалы, воды, леса свою красную линию и разумно стали готовиться к переселению. Но на Карельском острове, где спасалась Марья Мироновна, люди верили: последний потоп был при Ное праведном, и бог в ознаменование того, что потопа больше не будет, дал радугу.

Человеческая тревога еще не начиналась на Карельском острове, уснувшим после великих религиозных гонений и самосожжений. Вон там на краю острова какой-то рыбак сейчас рубит себе баню, выбирая деревья посмолистее, чтобы баня дольше стояла у воды и не прела. Если бы он только знал, что через какой-нибудь год эта баня будет на дне озера тихим пристанищем раков и рыб! Но бедный человек не понимал времени и строил свою баню как можно прочнее.

Неподалеку от строителей бани два рыбака дрались между собою за сиговые тони: один из них протянул свой невод по тоне другого, и тот теперь отбирал у него пойманных щук и сегов.

Перед неизбежным затоплением острова люди жили беспечно, и с ними рядом жили разные животные. Под

99

лестницей большого дома Марьи Мироновны была незаметная норка водяной крысы, и отсюда у нее был ход в пруд, где жили долго золотые караси. А над крышей высокого дома давным-давно стояло старое поломанное дерево. В борьбе за жизнь дерево выбросило множество порослевых сучков, и в этой куще тоже давным-давно ворона сложила себе темное гнездо и отсюда постоянно стерегла водяную крысу. Бывало, иногда светлой ночью водяной крысе вздумается выйти в пруд к золотым карасям не подземным ходом, а поверху. И вот этого случая постоянно дожидалась ворона. Годы проходили, одна ворона сменялась другой, одна крыса свои навыки передавала другой, и только мельчали караси, и постепенно золотые уступали свое первенство карасям серебряным, более мелким.

Случалось какой-нибудь крысе загрызть молодую ворону, случалось, и ворона унесет к себе в гнездо крысенка, но эти случаи не нарушали нисколько общей жизни берегов Карельского острова: сиги сыспокон веков держались этих берегов, и особенно дикие утки окружали остров своим серым живым островом, и ветхозаветные люди их не трогали и не пугали, полагая, что для еды назначена человеку не водяная, а горная дичь. Гагары, гуси, лебеди присоединялись к серому утиному острову.

О будущем на всем острове думала одна только Марья Мироновна и неустанно молилась у себя в моленной, а ночью ложилась в гроб, ожидая страшного часа, когда затрубит Архангел и загорится земля. Ей ли, мирской няне и разумнице, не понять наше время, не вникнуть в него, не разбудить людей своих, дремлющих вместе со своими птицами и животными! Сколько раз молодая зеленая веточка старой ивы стучала в окно и шептала:

– Проснись, очнись, добрая бабушка, улыбнись, помоги этим бедным людям, развяжи их веревочки, чтобы не ходили они кругом себя, как телята на привязи.

И, конечно, еще и как слышала бабушка голос зеленой веточки, но, усиливаясь в вере предков, вспоминая прежних лет погорельщину, еще крепче держала в себе сжатое сердце.

Нет, наверно, не было уже бога живого в этих темных и страшных ликах икон, озаряемых неугашаемым светом лампы.

Живой творческий дух выбрал себе скромную комнату барака из сосновых бревен с ароматной смолой. В этой

100

комнате инженеры в постоянной борьбе между собою за лучший план старались так закрыть Надвоицкий падун, чтобы можно было самому человеку его и открыть и чтобы не падун управлял жизнью озера, а сам человек: захочет – и падун замолчит, захочет – и падун опять зашумит.

Конечно, ничего не знает об этом страшном умысле сам падун. И только

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
подрастающий мальчик ежедневно приходит к нему в свою печурку, сливает с падуном свою жизнь и глядит туда, как в себя, и там, как в зеркале, что-то видит, о чем-то догадывается. Он в большой обиде теперь, этот трепещущий неученый мальчик, но, преодолевая боль свою, все-таки видит и теперь там, в падуне, других людей, всего соединенного человека, идущего все вперед и вперед к лучшему.

Чудится ему: человек со своими мыслями, желаниями там соединяется в большого человека, но почему же его одного, Зуйка, тот большой человек не берет с собой и забывает в печурке на черной скале?

Вон как взлетают высоко вверх струйки и, падая, опять соединяются вместе. Целые столбы белой пены высятся, и опять обнимаются, и опять соединяются.

И мелкие брызги летят, и радуга в них появляется, и гул, и хаос, а все-таки сквозь этот гул и хаос, если прислушаться сердцем...

Вот что-то сбилось, какая-то тяжелая глыба повернулась, загремела там в глубине. Что это?

Ничего! Вот опять что-то соединилось, и опять слышится мерный ход, и это, наверное, сам большой человек, преодолев какое-то огромное препятствие, справился и опять мерно шагает все вперед и вперед.

– Но зачем же, за что же меня бросили вот тут одного на скале? – спрашивает Зук.– Возьмите, возьмите меня, я вам пригожусь. Эх, если бы вы знали, если бы вы только могли понять, как бы я вам пригодился.

Никто не слушает мальчика, предоставляя ему самому найти свой собственный путь. Невозможно же инженерам, определяющим место затопления, принимать во внимание интересы какого-то мальчика. Инженеры тоже думают о всем большом человеке, и что им задумчивый мальчик, переживающий обиду свою с падуном: это его личное дело решать вопрос, как выйти ему из обиды и, свободному, вступить в ту роковую борьбу за свое лучшее место в человеческом доле. В том-то, может быть, и есть смысл борьбы, чтобы слабенький сделался сильным.

101

Когда с трудным узлом на плане было покончено, инженеры довели до конца на бумаге все узлы до самого Белого моря и приступили к макетам канала.

Мысль начала облекаться в твердую материю, и вот он, первый кораблик, выходит из озера Онего возле Повенца. Дальше он должен подняться в гору на водораздел, переплыть по воде на ту сторону хребта, спуститься потом вниз до Белого моря. Корабль вводят в коробочку, плотно закрывают за ним дверь, пускают в коробочку воду, кораблик поднимается выше и входит в другую коробочку, опять пускают воду и в эту коробочку, и корабль, поднимаясь выше на шлюзовую ступеньку, вступает в канал. И так семью шлюзовыми ступеньками повенчанской лестницы макетный корабль поднимается на водораздел и, преодолев горы, такими же ступенями-шлюзами спускается к Выгозеру. Падун в будущем не будет больше шуметь, и даже трудно будет узнать то место, где он когда-то шумел. В обход падуна сделана шлюзовая ступень, и кораблик спокойно спускается в озеро Воицкое, куда когда-то сверху Выг летел вниз падуном.

Когда вся мысль эта была заключена тонким стальным пером на белой бумаге и проект утвержден, имеющий власть над природой произнес свой новый приказ:

– Бросить всех людей на скалу!

XVIII. ВСЕ НА СКАЛУ!

Двинулись массы людей на скалу, но лес нужен был на все время стройки канала, и специально лесные работники при общем приказе, конечно, остались на местах.

Куприяныч по-прежнему спокойно, не делая никаких лишних усилий, работал и только изредка поглядывал на фаланги проходящих с песнями и знаменами каналоармейцев; они шли на войну со скалой – Куприяныч оставался в тылу.

Из всех прежних друзей своих и покровителей у Зуйка оставался только один Куприяныч. Конечно, Зук делал вид, что ему все равно, а сам потихоньку вползал на дерево и оттуда из-за веток глядел и глядел на идущих под музыку со знаменами. Люди шли на скалу, как на войну, только в этой войне не было плачущих женщин.

Будь бы все по-прежнему, оставайся Зук на месте курьера, каким бы героем шел он теперь впереди всех фаланг и как бы за ним гремела музыка и колыхались

102

знамена! А теперь кто он? Не простой деревенский мальчишка, не школьник, не пионер и даже не урка из барака, называемого конюшней. После той встречи в бараке с урками они почему-то стали ему еще дальше, чем прежде. Теперь, когда они знают, – его легавые выгнали, от него потребуют стать таким же, как они сами. Но он не хочет ни за что обижать человека и грабить шкатулочку для своих же воров. Нет, он не с ними, и это они ему не простят.

«Змеюга!» – сказал ему Сутулов. И с тех пор он чувствовал, будто в самом деле в нем поселилась змея, ползла и шипела. Больно ему было и страшно встречаться с

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
людьми, с теми, кто просто и вольно идет на работу. Ему захотелось, как настоящей змее, скрыться где-нибудь от всякого глаза, но невыносимо тяжело ему было оставаться в потемках, и так он все полз и полз змеей тихонько по дереву вверх и сквозь густые ветви глядел туда, где трубы гремели и где все шли на войну.

Это большое дерево, срезанное, упало на другие поваленные деревья и вершиной своей, где спрятался Зук, поднималось довольно высоко. Куприяныч мало-помалу дошел до этого дерева и, принимаясь за него, сказал:

– Спускайся, пацан!

Пока Зук на четвереньках, головой вниз, спускался, ему пришла в голову одна странная мысль, и, приблизившись к Куприянычу, он поднял голову и спросил его:

– Скажи, Куприяныч, откуда взялась эта сила такая.– скажет: «Все на скалу!» – и все, гляди вон, как идут. А мы с тобой скажем – и нас никто не послушает.

– Нас, конечно, не послушают.– ответил Куприяныч и воткнул топор в дерево.– А на что тебе нужно это, чтобы все тебя слушались? Раз уже тебе дали по уху – хочешь по другому?

– Хочу.– ответил задорно Зук.

– Ничего тут хорошего нет.– продолжал Куприяныч.– живи сам по себе, и будет с тебя: вышло и вышло, а не вышло, так дышло.

– Дышло, говоришь? Нет, ты скажи мне, откуда ваялась эта сила?

– Смотри, пацан.– отклонился от вопроса Куприяныч.– лучше слезай скорей с дерева, а то упадешь – еще брюхо напорешь. Вот тебе и выйдет дышло.

Зук слез, но не отстал. В голове его непрерывным потоком носились разные вопросы.

– Вот ветер.– спрашивает он.– это сила?

103

– Конечно, сила: вертит мельницу, валит деревья.

– И огонь и вода – все это сила? А что это: один приказал – и все пошли на скалу?

– Уй ли! – воскликнул Куприяныч.

И глаза его, как у ежа, скрылись под щетиной. Щеки раздулись, красный язык он забыл на губе. Зук уже знал, к чему это все у него.

– Знаю, знаю.– сказал он.– Ты сейчас опять начнешь говорить о лесах, а вот уже одну весну пропустили. Я вот погляжу немного и, может быть, сам уйду один без тебя.

– Куда же теперь в зиму идти: вот придет последняя наша весна – и я тебе верно говорю: мы уйдем.

– Я тебя не это спрашиваю.

Куприяныч сделал плутовскую рожу и с таинственным видом указал на телеграфные столбы.

Зук поглядел туда, прислушался: телеграфные столбы сильно гудели и наполняли все близкое пространство необыкновенными звуками.

– Вот сила.– сказал Куприяныч.– Спрашиваешь, какая она: вот она бежит по столбам, по проволоке.

Зук вдруг понял и подивился, как он раньше сам не мог о том догадаться. Конечно же, приказ имеющего власть бежит по проволоке, и она гудит – это сила бежит.

Он приложил ухо к столбу и, конечно, услышал бегущий приказ: «Все на скалу!» Так Зук догадался. А неподалеку от него из леса, привлекаемый гулом телеграфных столбов, вышел молодой любопытный медведь, осторожно подкрался на гул, стал на задние лапы, обнял гудящий столб.

Некоторое время медведь был доволен гулом столба, по были и еще какие-то лучшие звуки где-то. Может быть, это там, у другого столба? Медведь обнимает другой телеграфный столб, третий, четвертый, и все не то и не то. Только на пятом столбу медведь понял, – ему надо подняться выше телеграфных столбов. И он выбрал себе высокое дерево и осторожно стал подниматься вверх с сучка на сучок.

А Зуйку не надо было и подниматься. Слушая гул телеграфного столба с приказом: «Все на скалу!» – своими глазами он видел, как все идут сейчас бригадами, группами, фалангами, трудколлективами.

Бывшие городские воры несут на своих плечах длинные рычаги для подъема валунов.

104

Рецидивисты, леопарды, волчатники, шакалы и медвежатники несут заступы и доски для трапов.

И кажется покинутому мальчику, до чего же им, должно быть, хорошо всем вместе идти на общее дело, как они счастливы, какая это добрая сила соединяет всех их в одного человека.

С музыкой приходят бригады, со знаменами, с песнями. Как они счастливы!

И покинутый мальчик, глупенький, перебегает от одного телеграфного столба к другому, прикладывает к каждому уху и слышит одни и те же слова одного и того же

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
приказа, соединяющего столь разных людей воедино на борьбу со скалой.
На высокую, стройную осину молодой любопытный медведь не за медом взобрался, ему
тоже понравилась музыка, человеческий марш, побуждающий идти в единстве всех все
вперед и вперед.

XIX. ВОЙНА

Была особенная карельская тихость в природе и сырость в воздухе, такая густая,
что пахло сырыми раками, и даже казалось, что времена человеческие тут еще не
начинались и что это не сучья гиблого леса торчат, показываясь из-за скалы, а
рачьи клешни растопырились.

Что это? Мир только что начинается, или, может быть, он в безлюдье своем так
одичал?

Вон под горой вода, и от берега вверх поднимается дерево, и верхушка этого
дерева цепляется за воду на горе, а с того верхнего озера тоже поднимается
дерево и расплывается в тумане.

В эту природу пришел человек, имеющий власть, и приказал.

– Слушаю! – ответил другой человек.

И взял на себя великий труд расставить реки, озера, скалы в новый порядок,
какого не бывало в природе. И каждого рабочего поставить на свое место, где ему
было бы способнее работать и он мог бы больше принести пользы общему делу.
Тогда вся природа со всем поглощенным ею древним человеком стала против новой
деятельности нового человека, и началась война у природы за свой вечный покой и
у человека за свое лучшее будущее.

105

XX. КОНЮШНЯ

Вначале война с природой не казалась такой тяжелой и страшной, как война между
людьми. Ледник в далекие времена так измельчил скалу, что людям можно было даже
просто руками выбирать валуны. Но строители канала с самого начала понимали, с
каким сопротивлением придется им встретиться, и с самого начала знали – это
будет война. И людей организовали в боевые части, и рабочие стали называться
каналоармейцами.

Вся эта первая скала была разборная. Вынимая камень за камнем, каналоармейцы
углублялись в землю и выкладывали валуны на края котлована. В уродливой впадине
было полно людей. Там они бродили, спотыкались, наклонялись и по двое, по трое
старались приподнять какой-нибудь тяжелый камень. Тогда природа выступала против
людей этих силой тяжести: она тянула камень вниз, стремясь вырвать его из рук
людей, обломать им ноги и утвердить камень свой на прежнее место. Люди,
напротив, стремились камень поднять, и не только до верху, а даже отнести его
несколько в сторону.

Случалось, и двое, и трое, и пятеро, и еще больше, собравшись, не могли одолеть
эту силу тяжести. Тогда непременно кто-нибудь бросал работу и говорил:

– Деточки, ша!

Каналоармейцы закуривали, глядели вопросительно на отказчика, а он уговаривал:
– Ша, деточки! Пусть за нас медведь работает. И в ответ ему какой-нибудь имеющий
вид интеллигента раскланивался и говорил:

– Имею честь кланяться!

Отказчики, дезертиры один за другим уходили с фронта борьбы человека с природой
в свой тыл, прозванный у каналоармейцев конюшной.

Там, в этой конюшне, отказчики собирались особой группой между двумя слоями
людей косных, местных землевладельцев и рыбаков, подчиненных природе, и людей,
подчиненных приказу человека, имеющего власть над этой природой.

В конюшне людям нечего было взять и у природы, и начальство давало им жалкие
пайки в расчете, что они одумаются, возьмутся за дело и оправдают эти пайки. Им
оставалось только грабить друг друга, отдавая свое время и волю картам. Конюшня
была местом, где «ночью пляшут

106

и поют, а утром плачут и встают». Конюшня была местом дальнейшего разграбления
человека, где один обломок его на глазах другого, обыгранного, съедает его
голодный паек, а голодный, щелкая зубами, надеялся только на то, что он
отыграется и отнимет у счастливого его будущий день. Но и тут, в этой конюшне,
был один крепкий и живой старичок, в карты он не играл, паек получал по первой
категории и мог бы жить и в самом хорошем и чистом бараке, а жил тут и отсюда
уходить не хотел. И постоянной поговоркой повторял о своих товарищах по конюшне:

– Хулиганчики, хулиганчики, сколько в вас душевности!

Хулиганчикам эти слова вроде как бы нравились, старика никто из них не обижал,
хотя он первым везде работал на трассе. И тоже он постоянно был в переговорах и
делах с начальством, а никто хорошего человека никогда не попрекнул в конюшне за
дегавых... Все знали, – он с ними водился не для себя.

И все тоже знали, что был он когда-то очень богатым человеком, и, бывало, не раз

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
кто-нибудь от нечего делать в конюшне возьмется поскалозубить и поддразнить старика.

– Дедушка, где твои миллионы?
– Со мной, – отвечает бывший миллионер.
– Где же они с тобой?
– На замочке.

И примется смеяться добродушно, повторяя свое постоянное:

– Хулиганчики, хулиганчики, сколько в вас душевности!

И весело рассказывает не то притчу, не то сказку о том, что вот если бы только ум теперешний да назад обернуть его, когда был богат и славен...

– Вот бы жил! – со смехом говорит он. – Я бы эту славу свою теперь бы на замок, а сам бы жил и жил, как теперь с вами.

– Так зачем же было тогда ее достигать? – спрашивает человек из конюшни.

– Достигать, дружок, нужно, чтобы она не манила, не дразнила, не разлучала нас между собою. Поймать – а потом ее на замочек, сиди, мол, чтоб новым, молодым, неповадно было! А ты спрашиваешь, где мои миллиончики? Все, сынок, у меня на замочке. Эх вы, милые мои хулиганчики!

107

Улыбнуться лицом, иссеченным морщинами, Волков уже и не мог. Никто бы и не понял этой улыбки. Но глаза его светлели, и по ним бездельники понимали: устал старик на работе. Лечь ему, отдохнуть хочется. И отставали.

Начиналась обыкновенная страшная ночь, но мысль все равно и этой ночью питалась, как и самым чудесным днем. Эго бывает, когда у человека, усталого от большого дневного труда, голова лежит на подушке. При дьявольских криках и ударах человек о чем-то подумает и опять заснет, и опять пробудится, и опять подумает, а утром опомнится, и ему чудится, будто всю ночь в его голову стучалась какая-то мысль. Потом на работе весь день нет-нет да и явится чувство этой мысли – пробует человек что-то вспомнить и никак не может, а знает: мысль эта живет в себе. А вот уже на ночь, когда снял сапоги, развесил подсушить сырые портянки и подошел досужий человек и хотел поддразнить его миллионами, вдруг все вспомнилось: мысль эта была о том, что ни в рубле, ни в славе вечности нет, что пусть и нужно было этого достигать, пусть без этого не обойдешься, но что, достигнув, все надо запереть и жить, как будто ничего этого не было.

Вот она теперь, эта мысль, у Волкова как бы вышла на волю из сердца, и поднялась в голову, и оттуда сошла на язык, и пошла, и пошла, как человек, все вперед и вперед.

Человек ставит ногу вперед с этой мыслью о лучшем, и этот шаг вперед тащит другую ногу из прошлого. И так мысль поднимает прошлое, и оно тоже выходит вперед и этим спасается, и впереди всего идет мысль о лучшем: и все вперед и вперед.

В этой мысли о лучшем – вся вечность, а в рубле вечности нет.

Так беспокойная мысль точила человека, пока не нашла себе выход. Теперь человек, оставленный ею, спит, не обращая больше внимания на драку и ругательства возле него.

Конюшне, конечно, одно утешение думать, что она является жертвой торжествующей неправды легавых и что не канал – цель легавых, а ненависть к свободному, как они, человеку. И оттого они в свое оправдание думали и постоянно о том говорили: никакого канала не будет, и при первой хорошей весенней воде все затеи легавых унесутся вместе с туманом в Белое море.

108

А между тем котлован и углублялся, и в длину рос, и стал получать вид канала. Разборная скала как будто нарочно так была подготовлена, чтобы люди ее разбирали прямо руками. Чуть какая-нибудь заминка случится с огромным валуном – тут всегда появляется сухорукий старик с иссеченным морщинами лицом, обдуманно наметится, направит людей:

– Взяли, товарищи!

– Взяли! – ответят ему хором.

И потные люди, скинув даже рубашки, выставляют валун на тачку и прямо на край котлована. После того, бывало, потные люди, не надевая еще и рубашек, садятся рядом покурить, как садятся дружно воробьи тесно рядом на жердочке, и тогда нехорошо делается одинокому из конюшни, если он случайно увидит их вместе. Он увидит людей достаточно сильных, чтобы не чувствовать утраты этой силы при работе, людей достаточно богатых душой, чтобы не искать каждому отдельно для себя особой награды, и сейчас при перекурке просто счастливых своим единством и победой над камнем.

Но и сухорукий старик, имеющий возможность работать только усилием мысли, в том же самом ряду сидит с тем же счастливым чувством победы, и как будто он даже счастливее всех. Им-то всем душевный покой давался как бы даром самой природой,

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
но Волков на старости лет впервые только узнал это счастье и непрерывно все расцветал и расцветал изнутри.
Так было однажды, он куда-то исчез и вернулся с большой плетеной сеткой в руке, и за ним несли веревки. Этой сеткой был охвачен валун, наверху на краю котлована был установлен ворот, и камень в сетке воротом легко был поднят наверх. Но в этих выдумках Волков был не один. Он внизу тут вместе с рабочими догадывался и своей догадкой втягивался в общее дело. А наверху начальник узла Сутулов неустанно следил за работой, непрерывно решая задачи борьбы и победы. Как только ворот был установлен на краю котлована, он уже мысленно заменял людей лошадьми, а на другой день десятки сеток охватывали валуны и десятки воротов вертели лошади. И тут же десятки инженеров работали над моделью местного деревянного деррика.

Проходит немного времени, одна догадка, складываясь с другой, наворачивает на себя новые, как горсть снега в оттепель, катясь со скалы, образует огромную снежную

109

лавину – огромной силы техническую мысль, и на берегу котлована вместо лошадей становится механическое чудовище, исполняющее волю человека, имеющего власть над природой. Теперь как царь природы стоит этот скромный, с виду самый обыкновенный человек, Сутулов, и по его приказу механические чудовища медленно поворачиваются основанием тулова, покряхтывают, звенят цепями, выворачивают своими железными пальцами из вековых гнезд валуны и осторожно складывают их на вагонетки.

Мало-помалу канал обрастает мостиками, с упором в подъездные пути, по мостикам и трапам неустанно снуют каналаармейцы с тачками, внизу люди бьют молотками, сверлят и бурят. По дну котлована с обыкновенным свистом своим катит паровозик и тащит за собою платформу с камнями. Электрические моторы выхлебывают воду из деревянных сот. И только изредка услышишь стук конских копыт по дну канала, а еще реже вырвется голос отдельного человека. Так делались стенки канала все выше, от мороза покрывались сосульками, в оттепель сосульки блестели и капали, и так оно было везде, во всех узлах строительства от Повенца и до Белого моря.

XXI. ЭТО НЕ ВАЖНО

Когда Волков на мгновение проснулся от какого-то дикого крика в конюшне, ему вспомнилась большая древняя сеча, когда русские, усеяв поле своими телами, мало-помалу начали уступать, и еще бы немного – татары бы взяли верх и погнались. Но князь Дмитрий был хранителем русской мысли в этой войне и, когда пришла последняя решающая минута, выпустил на татар укрытую в запасе конницу, и эта ничтожная в сравнении со всей русской силой конница решила дело народной победы, и вся татарская рать побежала. Вспомнив эту битву, Волков подумал о своей конюшне, и ему представилось, как, бывает, так чудно представляется, когда все тело лежит неподвижно, а голова и тут не остается без постоянной своей работы: представилось, будто конюшня в борьбе с природой и есть та запасная конница древней битвы.

Мало того: ему представилось – люди в конюшне не просто пешие люди, а все они конные и что у каждого есть свой особенный конек и оттого-то они не хотят спешиться и работать простыми людьми на канале. На секунду

110

опомнившись, Волков зевнул, по старой привычке перекрестил себе рот и, засыпая, прошептал: «Хулиганчики, хулиганчики, сколько в вас душевности!»

Сон Волкова о коннице вышел в руку: русская великая рать сейчас на канале боролась, только не с татарами, а с природой, и, пока скала была разборная, – вся борьба была на стороне человека. Чудовищные деррики мерно опускали свои клювы и поднимали их переполненные добычей. Гигантские зеленые тыквы диабаз доставлялись наверх в открытых ящиках. По параллельным тропам скатывались вниз пустые тачки. Но как-то случилось вдруг неожиданно, разборная скала кончилась, и на прямой путь человеческого канала природа выставила сплошную скалу первозданной породы.

Разборная скала была скалой, растертой ледником. Но эту сплошную скалу ледник не мог в свое время растереть и сам от нее отвернул в сторону. Красная же прямая линия человеческого плана шла прямо на сплошную скалу. И чего не мог сделать Скандинавский ледник, то должно быть сделано человеком.

Вот тогда-то Волкову и вспомнился его сон: великая русская рать дрогнула, и даже привычные к трудной земляной работе смоленские грабари начали склоняться к тому, что канал – это придумка, это предлог, чтобы замучить и покончить с человеком свободным...

– Канал – это фикция, – сказал маленький худой человечек с большим лбом, розовым лицом и синими жилками.

– Ты прав, Бацилла, – ответил Слива, человек огромного роста, с большим красным носом, похожим на сливу. И оба направились в конюшню, а затем, конечно,

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru усомнились и другие, до сих пор трудолюбивые воры. И смоленские грабари, перекуривая, все чаще и чаще поглядывали в их сторону. Теперь в борьбе со скалой нужна была от людей великая подрывная работа, нужны были смелые, отчаянные люди, умеющие играть со смертью так же наивно и просто, как играет иногда дворовый кутенок с хвостом лошади, подкованной железом: один удар железной ноги – и кутенок как тряпка полетит с разбитой головкой. Но кутенок несмышленный, а человек все понимает и все-таки не боится железной ноги смертоносной кобылы.

Вот тут Сутулову вспомнилась конюшня, и одновременно Волков подумал тоже, что у этих людей, у каждого, есть

111

свой конек и что если каждого посадить на своего конька, то, может быть, как раз и выйдет из этого та самая конница решившая победу в древней великой битве русских людей.

– Ты как думаешь об этом? – спросил Сутулов с глазу на глаз старика.

Он спросил его, как начальник, на «ты».

И бывший миллионер понял это как надо и ответил на «вы», что у каждого в конюшне есть свой конек и каждого надо посадить на своего конька и дать ему «силу воли».

– Что ты хочешь этим сказать?

– Ну, они так понимают и так называют то самое, чего каждому хочется, и вы так понимаете: сила воли.

– Понимаю, посадить посадим и волю дадим, а куда же они поскачут?

– Куда надо, туда и поскачут.

– И кто же их выведет из конюшни?

Волков опустил глаза. Сутулов пронизательно поглядел на него и спросил:

– Ты?

– Прикажете! – ответил Волков.

– Хорошо, – сказал Сутулов, – выведи.

И потряс ему руку.

– Слушаю, – сказал Волков.

И так в этот раз окончился на трассе рабочий день.

Приготавливаясь на своем месте ко сну, Волков развешивал сырые портянки и так про себя думал: «Сделать канал – это значит поймать силу воды и заставить ее работать на человека. Вода это правильно делает, – размышлял Волков, – что сопротивляется: заключенная вода – это раб человека. Но вот если взять ветер, как он вертит мельницу и, упираясь в крыло, облетает его и остается свободным. Ветер... а мысль человека куда свободнее ветра, и нет такой работы, нет такого заключения, где, если бы захотел человек, свободная мысль не помогла ему и не полетела бы дальше, любя человека, все дальше и дальше».

Так понимал в заключении радость о свободной мысли человек, расставшийся со своими богатствами.

– Ты, дедушка, что такой нынче веселый сидишь? – спросил Волкова Вася Веселкин.

– Вспомнил, сыночек, свое прежнее и теперь радуюсь свободе своей. Как миллионы раньше мучили. Вот сейчас я кланяюсь им, спрашиваю: кого они теперь мучить летят?

112

И о тебе тоже думаю, какой ты молодой и хороший, и все у тебя впереди.

– Я хороший? – сказал Вася удивленно.

И на минуточку как бы замер в своем удивлении, а потом вдруг принялся хохотать, как будто дедушка сильно его рассмешил. Умный Вася, конечно, понимал, что дедушка не просто это сказал, а что была у него какая-то тайная мысль. Но понять ее он не мог и стал закрываться смехом искренним о том, что он, бывший замочный вор, был хорошим.

– Чего ты? – остановил его дед.

– Как чего? Ты говоришь – я хороший! – и опять хохотать.

– Нет, Вася, ты не смейся, у меня есть одна мысль.

Вася сразу стал серьезен. Он же был умный белокурый русский паренек и хорошо понимал, что за смешным словом была у дедушки мысль.

– Мысль свою, – сказал Волков, – я тебе не скажу: тебе ее все равно не понять.

Молод! А помысел тебе свой я открою. Хочу тебя из этой конюшни вывести.

– Пошто вывести? – спросил Вася.

– На хорошее дело.

Услышав слово о хорошем, Вася опять принялся смеяться.

– Будет тебе, – сказал дед. – Я истинную правду говорю. Есть хорошее дело.

Опасное. Жизнь поставишь на карту, а не краденый паек. Идем с тобой в подрывную бригаду. Я бригадиром и сигнальщиком, а ты запальщиком. Опасное дело.

– А сапоги дадут? – спросил Вася живо.

– Уговорился я с ними: сапоги дадут, штаны, телогрейку, повышенный паек и в

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
новый барак, и чтобы выйти вон из конюшни.

– Что ты говоришь? – недоверчиво сказал Вася.

– Я тебе говорю. Ты мне не доверяешь?

Вася ничего не отвечал. Он выкладывал в голове свой расчет, как мостовую из кирпичей, но сапоги, одежда, паек не укладывались в расчет, и оставалось только решить так, что легавые придумали какую-то новую ловушку.

– Опасное дело, – подсказал Волков. – Никто не хочет жизнью своей рисковать.

И как только сказано было, что надо жизнью своей рисковать, Вася вдруг понял все и живо сказал:

– Я тебе доверяю.

113

– То-то, – спокойно ответил Волков. – Ступай потолкуй со своими ворами. Может быть, какие тоже доверят.

– Тебе доверят многие, – ответил Вася. – А баб тоже брать будем?

– Отчего же не брать. А есть такие?

– А как же! Есть Анютка Вырви Глаз, умная девка, на все пойдет, если выгодно. Ей надо будет чего-нибудь еще посулить. Есть спекулянтка, смешная, зовут ее Шаша-Маша, – пришепetyвает. Каждому угодить хочет за счет другого: кому угодит – тот не благодарит, так, мол, и надо, а за счет кого угодит – тот ее бьет: всегда битая ходит. Лечит от всех болезней, за всех молится и опять то же: кому поможет – не благодарит: так и надо, а кому не поможет ни бог, ни лекарство – тот бьет. Битая баба: скажи ей доброе слово – и она тебе полезет в огонь. Тощая-тощая! – И, представив проворными руками и подвижным лицом, какая такая битая Маша, Вася залился открытым, ребяческим, неудержимым смехом, и морщины на лице Волкова дрогнули и зашевелились паучиными лапками, и по глазам стало понятно, что дедушка тоже смеется.

– Еще, пожалуй, Балабоха пойдет, – продолжал Вася, отсмеявшись. – Кацапик, наверно, пойдет. Поговорю с Иваном Дешевым... Наберу людей, только не подведи!

– Я-то не подведу, а вот ты рассчитывай, чтобы не подвести. Получат сапоги и проиграют, а без сапог на подрывные работы в камни нельзя.

– Не подведут. Только сразу всем сапоги, одежду в руки доверь, оглуши их доверием и выводи вон из конюшни.

– Это правда, Вася, ты это очень неглупо сказал, чтобы оглушить человека доверием: этим нашего брата, заключенного, скорее удержишь, чем решеткой с железными прутьями. Пожалуй, я тебе теперь и свою мысль открою...

– Мысль? – робея и немного бледнея, повторил Вася.

– Да ты не бойся, глупенький, тут ничего нет такого, я только думал сегодня, что сделать канал – это значит поймать силу воды и заставить ее работать на человека, и что вода спешит бежать и не хочет в рабство попасть к человеку. Но все равно ее человек одолеет, и канал сделают.

– Сделают? – спросил Вася. – А некоторые говорят, будто это для нас выдумали, чтобы замучить и кончить с ворами.

114

– Ну вот, говорят! Как это можно кончить с ворами! Канал сделают, и хорошее это дело.

Услышав «хорошее», Вася в этот раз не смеялся, он понял, что над хорошим делом смеяться не надо, но по привычке только собрались и разбились у него возле губ мельчайшие морщинки, как паутинки, и глаза, большие, серые, как будто сели на корточки, чтобы сделать прыжок на смех, если и это хорошее тоже провалится. Волков хорошо заметил перемену лица у Васи при словах «хорошее дело» и успокоил его:

– Нет, Вася, я не хочу кормить тебя пряниками. Но только и нас это дело сейчас касается: воду заключить надо, вода на человека работать должна. А вот я думаю, как ветер мельницу вертит? Упирается в крылья и облетает. Так и мыслю человеческую нельзя заключить: она еще сильнее и свободнее ветра. Были у меня деньги и временно боролись, чтобы заключить мыслю мою, а теперь, в заключении государственном, оглянись на себя прежнего – и какое раздолье! Так и сейчас мы пойдем на опасное дело, жизнью рискнем, я не боюсь. Ну, а как ты думаешь об этом, если что?..

– Это не важно, – подал голос Вася.

– Вот и все! Вот и вся моя мысля, Вася, мой дорогой: будут люди жить и после нас: помирать собирайся – рожь сей.

– Мы тебе доверяем, – ответил Вася.

И пошел других рискачей подговаривать, повторяя всем, что сапоги будут прямо на руки и что всем надо на рыск.

XXII. СТАЛЬНОЕ ПЕРЫШКО

Ледник так и не мог раздавить эту скалу из сплошных первозданных пород, он даже не мог отодвинуть ее со своего пути и – нечего делать! – сам повернул. А

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
человек, имеющий власть над природой, не побоялся сплошной скалы и своими тонкими пальцами стальным перышком на плане провел через эти скалы прямую черту. Смешной Зук, охваченный непосильными мыслями, бегал от одного телеграфного столба к другому в надежде услышать бегущий по проволоке приказ. Ему бы лучше в конюшню прийти и послушать сердце Васи Веселкина, уже принявшего в себя великий приказ. Васино сердце бьется

115

неустанно, отжимая из крови в голову мысль о том, что не напрасно мы на свете живем, есть какое-то великое дело у людей на земле, и если оно коснулось себя, то беречь себя незачем: я иду!

Сапоги, паек, а главное – доверие вывели многих людей из конюшни, и некоторым было это, как Васе, толчком: под предлогом хорошей награды не стыдно взяться за дело, а может быть, удастся и себя самого показать. Рудольф, конечно, только за этим и пошел на рискованное дело, чтобы себя показать. На Васю он смотрел, как на лопату, но хорошо понимал – без лопаты работать нельзя, и, соображая, что немало таких, как Вася, выслушал его без насмешки и тоже обещался идти.

Этот слух о том, что конюшня пошла на скалу, проник даже и туда, где таился Зук, и он видел из-за ветвей дерева, как шли подрывники с перфораторами, аммоналом, запальными свечами.

– Слышишь, – сказал он Куприянычу, – идут и свистят.

– На смерть идут, – ответил Куприяныч, – народ отчаянный, чего бы им не свистеть. Это война!

Ох, как все закричало в душе Зуйка, когда он услышал, что люди со свистом на смерть идут, на войну!

– Со свистом, говоришь? – спросил он.

– Со свистом: им теперь все нипочем. Им весело.

– А почему же со свистом?

– Терять нечего – оттого и свистят.

Сердце Зуйка так билось, охваченное возможностью счастья! Броситься бы, стать в эти ряды, забыть бы свой позор и отдаться великому делу. Мгновениями он даже решался, но в другое мгновение его охватывал страх от стыда, что когда он выскочит и все увидят его, какой он, то, наверное, засмеют.

– Да, наверно, засмеют, – решил он и опять глядел с завистью из-за ветвей, как люди все вместе дружно идут на смерть и свистят.

Вот все прошли, и Зук остался опять в своей щелке один.

И начались на трассе серые и желтые дни без ночей. Серые дни обычной карельской зимней погоды и желтые дни электрического ночного освещения. Серыми и желтыми днями непрерывно, как в лихорадке, сверлят перфораторы первозданную породу скалы, и всюду от них летит белая мучнистая пыль. В скале высверливается дырочка

116

и в нее закладывается деревянная втулка. Приходят к этим втулкам подрывники, вынимают, открывают дырочку, начинают ее аммоналовым фаршем. Скала мало-помалу обрастает сначала деревянной щетиной втулок, а потом эта щетина заменяется хвостиками запальных шнуров. От бригады к бригаде переходит начальник подрывных бригад – дедушка Волков.

– Готовы? – спрашивает он бригадира.

– Готовы, Семеныч, – отвечает ему бригадир.

Если же еще не готово, начальник сам помогает и все проверяет. И так мало-помалу он поднимается все выше и выше на скалу и занимает видное место, следит оттуда за ходом работ, а сигнальщики с красными флагами внизу ждут его приказания.

Томительное ожидание было оборвано резким свистком начальника подрывной бригады. Волков просвистел и поднял свою кепку, как флаг. Все движение по свистку остановилось. Деррики опустили свои гигантские клювы, замерли в воздухе зеленые тыквы диабазы, поднятые вверх над кавальерами. Грабарки, вагонетки, люди скопились в бездействии у заградительных постов.

Второй раз просвистел дедушка – и опять махнул своей кепкой. Тогда каждый запальщик зажег свой запальный шнур и поджег свою бурку.

Согнувшись, склонив головы почти до самой земли, перебежали запальщики, оставляя после себя на скале запальный огонь. А дедушка там наверху, на скале, зажег свой контрольный запальный шнур, и все внизу из-за своих камней, канав и печурок с замиранием сердца глядят и следят по горящему контрольному шнуру за приближением взрыва. Всегда кажется в ожидании взрыва – он ахнет резко, весь сразу и все потрясет. Но он приходит мягко и не страшно:

– Ах!

И как будто этому «ах!» из недр земных ответил человеческий крик. Или это так показалось? И кто слышал, сам подумал про себя: уж не я ли сам это крикнул?

А уж после того, разрастаясь, охватывая гулом все вокруг, загремело, и скала дрогнула.

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Полетели камни, как птицы, понеслись смертоносные обломки скалы, поющие в воздухе свои предупреждающие песни. Встал дым высокими, подпирающими серое небо черными колоннами.

117

Но что же это было в самом деле: послышался, как бы в ответ на подземное «ах!», человеческий крик?

«Сам ли я крикнул?» – каждый думал про себя. Но вот и другой слышал, и третий, и все спрашивают об этом, значит, был действительно, где-то был человеческий крик.

– Жив ли Иван Дешевый?

– Вон Дешевый стоит!

– А Колька Седой, – его что-то не видать?

– Здесь Колька!

– Анютка Вырви Глаз?

– Здесь и Анютка.

Все целы.

– А где же Вася Веселкин?

И побежало от бригады к бригаде: «Где Вася Веселкин?»

Кричат, зовут Васю Веселкина наверху, внизу, на той скале и на другой. Уже находятся такие, кто с завистью подумывают о побеге Васи, и уже просится злая мысль на язык и хочется только встретить первого, кому бы сказать: «Какой Васька-то молодец, всех вовлек в это дело, а сам под шумок убежал!»

Но вот крик раздался:

– Вот он, тут он, идите, идите скорее сюда!

И все побежали, и все увидели.

Подняв руки вверх с зажатыми кулаками, как будто он за что-то ухватился и хочет подняться вверх, лежит на камнях с разбитой головой Вася Веселкин.

Веселый был Вася!

И все, кто бы ни прибежал сюда, останавливались, и всем это приходило в голову:

«Какой веселый был паренек, и за что он погиб?»

Вторая мысль была о том, что кто-нибудь виноват и что надо как можно скорее найти виновника и отвести себе душу. Никто не мог сразу, не приняв своих мер, примириться с мыслью о необходимости во всяком деле большом несчастного случая. Все молчали. И наконец последним спустился с горы и увидел Васю дедушка Волков, начальник подрывной команды.

– Ты куда же смотрел? – спросил его кто-то из толпы. И сразу заревела вся толпа, как один человек, повторяя:

– Куда же ты смотрел, старый кобель? И кто-то первый поднял камень, соединяя в злобе своей, как вину, все хорошее, что было в старике: и что стар

118

он – это теперь как негодность, и что умен – это как хитрость, и что бескорыстно служил делу – это как легавая угодливость начальству.

– Найдем на твою шею пять пальцев!

– Поломать старого кобеля! – приказал первый судья, поднимая свой камень.

– Поломать, поломать! – заревела толпа.

Но как раз тут и сам начальник узла Сутулов спустился со своего наблюдательного места и одним движением руки остановил самосуд.

Ему доложили:

– Веселкина убило. Какая это работа! Хотим поломать старого кобеля.

– Работа нелегкая, – спокойно ответил Сутулов. – Вася был достойный каналармеец, и Волкова вы все знаете: чем он плох? Если кто лучше его может – брось в него камень первый и становись на его место.

Все молчали. Но вышел маленький Бацилла и указал на скалу:

– Какая это работа!

Скала стояла ошипанная взрывом, но такая же увесистая и сплошная, как и когда ее вот так же пробовал сдвинуть ледник. Не сдвигал, а только царапал.

А дедушка Волков все мимо ушей пропустил и даже, что его хотят поломать. Он сразу же поглядел на Васю и понял: конец. Перевел глаза на скалу и, как только Сутулов пришел и все обратились к нему, незаметно для всех удалился к месту взрыва, все ниже и ниже спускался и копался там, перебрасывая камни, и совсем исчез, наконец, в скале, как будто он был горным духом, проникающим в камни. Это кто-то заметил в толпе, шепнул другому с особенным выражением, и мало-помалу слушок побежал, и вся толпа уже суеверно глядела на скалу в то место, где старик в камень вошел.

Невольно и Сутулов тоже отдался влиянию толпы и оглянулся на камень, где скрылся старик, и вдруг на другой стороне скалы как будто родился Волков, и рубцы времени на лице его, как на камне, сложились в этот раз светло и весело.

Выходило так, что старик прошел сквозь скалу.

– Заземляйтесь, – сказал он, подходя к Сутулову. – Заземляйтесь скорей, к полночи

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
вся эта скала у нас полетит.

119

И рассказал тут, что от взрыва открылась в самом низу глубокая пещера и что там надо сейчас скорее бурить и набивать аммоналом.

– Идите все, – приказал он, – заземляйтесь.

И, получив одобрение начальника, еще приказал:

– Отнесите Васю Веселкина, положите, прикройте, а в полночь мы его похороним.

Тогда все поняли так старика, что этим делом, взрывом скалы, мы ответим на смерть Васи Веселкина, веселого, хорошего, легкобычного парня. И у всех душа, как бы заключенная в железную клетку, нашла себе выход: не старик виноват, а скала, и мы победим ее в эту ночь.

– Заземляйтесь, заземляйтесь, – повторял Волков, обходя бригаду за бригадой, направляя всех в подземелье.

И все шли с лопатами, с перфораторами, запальными шнурами, исчезая, как горные духи, в скале.

Вот теперь бы сюда Зуйка, поглядел бы он теперь на конюшню, на всех этих выключенных из жизни людей, как они шли мстить скале за смерть Васи. И как бы он шел теперь с ними! Не шел бы он, а летел, как все мы летим к людям, когда тоже попадаем в одиночество или тоже когда очень хорошо бывает, душа переполняется, и счастье ищет сосуда, чтобы не тратиться и даром не проливаться на землю.

А если бы он мог тоже быть потом в полночь на той горе под соснами, где хоронили Васю Веселкина! Как там заиграла музыка, и запальщики под командой дедушки Волкова разом подожгли все свои шнуры. И когда гроб опустили, раздался взрыв, и скала рассыпалась вся до основания.

И то, что не мог сделать Скандинавский ледник, спускаясь с гор в долину тысячи лет, то в одно мгновение сделал светящийся разум, наметивший тонкими пальцами инженера и его стальным перышком прямую линию по этой скале.

XXIII. ДЕДУШКА И ВНУЧЕК

В Надвоицах, где строительство узла было виднее, чем где бы то ни было, еще было много местных людей, кто никак не мог верить, что падун когда-нибудь перестанет шуметь. Но зато, когда для охраны оконных стекол от сотрясающих воздух взрывов населению выдали бумагу

120

наклеивать ее на окна тоненькими полосками в елочку, в эти бумажные елочки все поверили, и в один день окна везде разукрасились.

Глубокий канал, пробитый в сплошной скале, разделил село надвое: одна сторона была ближе к падуну, другая ближе к Выгозеру. Дом Сергея Мироныча остался на той стороне, ближе к падуну, и можно было из окна этого высокого дома хорошо наблюдать, как изо дня в день неуклонно к падуну приближалось русло водосброса и как там больше и больше с двух сторон большую реку перехватывала плотина.

Сергей Мироныч, теперь совсем больной и слабый, с утра до ночи сидел у окна и следил за строительством, не совсем еще понимая основную мысль строительных работ узла. Дело было в том, чтобы воду Выга по желанию можно было пустить в шлюзы и спокойно по ним спускать вниз корабли; или, если воды был избыток, пускать ее через водосброс по-прежнему в падун. Так весь узел канале состоял из плотины, из шлюзов и водосброса.

Старик хорошо знал, что Зук уже, наверно, понимает, в чем дело, но ему было совестно обратиться к помощи мальчика.

– Моей головой живете! – постоянно он повторял, и постоянно Евстолия Васильевна потакала ему:

– Твоей, твоей головой живем, батюшка!

И вот это время прошло, и он должен смириться и поклониться времени, уносящему вперед от него и его собственный ум и распоряду.

– Добьюсь, добьюсь своего, – шептал он каждое утро, занимая свой пост у окна.

Видно было с его места, как с той и с другой стороны спускали в реку ящики или корзины, нагруженные камнями, и эти ряжи постепенно сходились друг с другом. Тут все было понятно: когда сойдутся ряжи и последние воротца закроются, то и падун перестанет шуметь.

Старик, конечно, скрывал от людей, но в душе ему нравилась огромная техническая мысль, заложенная в это строительство, и мало того, вникая в работу, он как будто принимал в себя целебный жизненный напиток, и, кто знает, может быть, только это живое внимание сохраняло жизнь в старом, изношенном теле. Ясно было ему теперь только, что происходит на глазах: ряжи, большие ящики, нагруженные камнями, сходятся больше и больше и перехватывают мертвым поясом реку. Понятен был и канал

121

водосброса, но работу над шлюзами на той стороне Выга нельзя было понять из окна.

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Случилось однажды утром, когда Сергей Мироныч с помощью Евстолии Васильевны слез с печи и занял свое обычное место на лавке возле окна, вдруг на той стороне Выга грянул взрыв, и окна на всей стороне села, обращенные туда, ходуном заходили, и в одном окне стекло вылетело и зазвенело внизу.

– А обещали, – сказала Евстолия Васильевна, – уверяли, что эта бумага в елочку удержит стекло. Послушались, клеили-клеили, – а вот теперь живи зимой без стекла!
– Не все же стекла вылетели, – ответил Сергей Мироныч, – проживи-ка сама всю жизнь без греха.

– Верно, верно, Сергей Мироныч! – покорно, с добрым духом ответила Евстолия Васильевна. – Твоей головой живем.

Милые привычные слова старого испытанного друга подняли дух старика, и вдруг в один миг какой-то его коснулась мысль всего строительства узла, и в этой догадке, конечно, и сам он утвердился в себе, в том, что не совсем ему отказалась работать его голова.

До сих пор непонятно было старику, где будут плыть корабли, когда падун будет закрыт. Мысль строительства самой плотины была проста: падун будет закрыт, и река бросится назад, и если вода Выгозера будет угрожать плотине, то избыток воды будет брошен через канаву, разделяющую все село надвое, обратно через падун. И понятно, что тогда падун будет в руках человека: будет молчать, когда надо, и будет шуметь, когда позволит ему человек. Но где же будут плыть корабли – этого понять Сергей Мироныч не мог и не хотел по упрямству и самолюбию спросить у Зуйка. А когда раздался взрыв на той стороне, он сразу понял – там в обход падуна рвут скалу, чтобы сделать новое русло с постепенным спуском в озеро Воицкое, и что по этому руслу и пойдут потом корабли.

Старику стало после этой догадки, будто он, старый, силен долго что-то поднять и наконец поднял, и это было свое прошлое, перекинутое в будущее. Жизнь и здоровье вернулись, и теперь ему было уже вовсе не стыдно беседовать со своим внуком: теперь он все понимает.

– Зук, – сказал он, – ты там везде бегаешь и на той стороне бываешь, не видал ли ты там и не говорили ли тебе, как они будут спускать корабли в озеро Воицкое?

122

– Шлюзами, дедушка, – ответил Зук.

И рассказал подробно о шлюзах.

Потом бросился в сарай, принес оттуда сделанные им самим макетные корабли, шлюзовые коробочки и стал дедушке представлять на большом кухонном столе, как макетный кораблик вводят в коробочку-шлюз и плотно закрывают за ним дверь. Кораблик поднимается водой на высоту коробочки и входит в другую такую же коробочку. Тогда опять воду пускают, наливают вторую коробочку, и кораблик, поднимаясь все выше и выше по шлюзовым ступенькам, поднимается на гору совершенно так же, как поднимается и человек на ногах. Семью шлюзовыми ступеньками повенчанской лестницы макетный кораблик Зуйка поднимается на водораздел и, преодолев горы, такими же ступеньками-шлюзами спускается к Выгозеру в обход падуна, еще ниже спускается в озеро Воицкое, и так все ниже и ниже, до самого Белого моря...

Две белые головы, одна – седая, старческая, другая – мальчишеская, вихрастая, склонились, тесно прижавшись друг ко другу, над коробочками-шлюзами, раскинутыми по широкому столу. Детская рука уверенно ведет свой кораблик.

– Не туды, не туды! – вдруг с жаром вскидывается дедушка, и стариковская рука с набухшими синими жилками склоняется над столом, пытаясь изменить направление. Но рука маленького капитана не уступает:

– Гляди, дедушка, гляди: не так!

И вот идет ласковая борьба, и вот путаются пряди седых волос и золотых кудрей, склоненных над белым столом бабушки Евстолии Васильевны.

Совсем стало ясно в уме дедушки, положил он руку на голову Зуйку и по-детски своими голубыми глазами глядел в глаза внука, вспоминая себя самого.

И так старый Мироныч увидел себя, и еще что-то увидел, и озабоченно снял руку с головы мальчика.

– А ты, – спросил он, – отчего ты не там? Новую жизнь делают, великое государственное дело, чего же ты тут возле меня время проводишь?

– Что же делать, – ответил Зук пасмурно, – я там не нужен...

– Как не нужен! Помогать надо, ты же курьером у них был, а чего теперь дома торчишь?

Зук отвел глаза, уставился упрямо с обидой в окно и молчал.

123

А дедушка все глядит и глядит на нею, стараясь проникнуть в эту загадку, и все не может понять, как это можно живому мальчику при такой государственной работе дома сидеть. Дедушка так разрешил свои сомнения: конечно, время идет, и все идет вперед, и так по-новому тоже должно быть в голове и у внука.

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

– А что бы это было, если бы человек не бежал вперед, как вода, а стоял бы на месте? – спросил он сам себя.

– Был бы лес, – ответил он, – дерево стоит и родит дерево, а человек бежит вперед, как вода, и родит человека.

Вдруг чего-то смутился, поглядел в окно и не нашел там больше ничего для себя: там теперь ему все стало понятно, и скучно стало глядеть, как люди работают.

Мысль была найдена, догадываться больше стало не о чем. Он попросил отвести себя на печку и с тех пор больше уж с нее не спустился.

XXIV. ФИКЦИЯ

Зуек, конечно, не раз видал себя в зеркало, но это семейное зеркало было совсем неверное. Дедушка подходил к нему только в большие праздники, и то по делу, расчесать себе волосы и бороду. Так все подходили к этому зеркалу, как в природе, бывает, зверь подходит к воде: зверю напиться, человеку простому постричь волосы, а не затем, чтобы увидеть себя, подумать о себе, представить себе себя самого, испугаться себя, а может быть, полюбоваться собой и сказать: «Вот это я!»

Вода в природе лежит, и в ее зеркале отражаются небо, горы, леса. И если бы даже и подошел высокий зверь к воде, чтобы напиться, и увидел бы в зеркале воды свое изображение, он не принял бы его на себя и не помыслил бы по нем о себе. Один человек во всей природе, вставая на ноги, поднимает против себя зеркало и говорит:

– Это я!

Никогда Зуек не заглядывал в старое зеркало, чтобы увидеть себя, и даже, увидев случайно, никогда не придавал своему изображению какого-нибудь значения, ограждающего его от других в том смысле, что это вот они, а это я, такой сам по себе, такой единственный и не похожий в чем-то на всех.

Светлым, чистым, доверчивым глазом смотрел Зуек в старое зеркало и даже не подозревал, что, глядясь в зеркало, можно думать о себе.

124

Так точно и лось, высокий зверь, когда протягивает губы к воде, что он видит? Видит он, как оттуда из воды приближается такое же чудовище: корова с лошадиной губой протягивает толстую губу навстречу его собственной. Нет! Лось пьет воду и ни на что не смотрит. Зуек, как и лось, не смотрел на себя в зеркало и о всем таком думал: мало ли чего не бывает, чего не покажется, – выглянет, пройдет – и нет его.

И о том волшебном круглом зеркальце, спрятанном в печурке над падуном, он всегда думал так, что не для себя он спрятал его, как девушка: поглядеть на себя. «Это зеркальце, – думал он, – волшебное, обладает чудесной силой делать красавицу». И если он заглянет в него, то непременно увидит то самое изображение, что тогда увидела в нем управделами строительства Мария Уланова и сделала по нем из себя тут же Марью Моревну.

Однажды ночью Зуек видел сны. Они мучили его и до того щемили, что Евстолия Васильевна, окликаая, будила его, повторяя: «Господь с тобой!»

От этих окриков Зуек не просыпался, но стонать переставал на некоторое время.

Утром после этих мучительных снов он проснулся с отчетливой мыслью о волшебном зеркальце, давно спрятанном им в печурке над падуном.

И так ему теперь стало ясно – если он заглянет теперь в это волшебное зеркальце, то непременно все страхи его, все пустяки разлетятся и он будет опять такой же прежний смелый мальчик, каким был до изгнания своего с работы курьером. Эта мысль, радостная и светлая, была завершением мучительной ночи, и перед тем как снова заснуть, он по привычке прислушался к шуму падающей воды, чтобы понять в ней тот знакомый ему мерный ход человека все вперед и вперед.

Это был раньше такой четкий ход, что можно было, засыпая, даже отсчитывать: раз, два, три... и так на каком-то числе засыпать. Но теперь он этого хода не слышал. «Отчего это?» – подумал Зуек.

– Скорее всего, – ответил он себе, – все у меня в голове от моей беды спуталось, но завтра я посмотрю в зеркальце, все это пройдет, и падун опять зашумит.

Евстолия Васильевна встала, увидела – мальчик крепко заснул, прошептала:

125

– Лег как-нибудь нескладно или что-нибудь лишнее скушал.

И задернула полог.

Солнце было уже высоко, а Зуек все спал. Евстолия Васильевна была во дворе, мыла коровье вымя перед полуденной дойкой. В доме был только спящий Зуек, да на полатах лежал умирающий дедушка.

– Зуек, Зуек, ты слышишь меня? – спросил не очень-то внятно дедушка.

Зуек спал.

Дедушка замолк. И долго спустя опять позвал.

– Слышу, дедушка, слышу, – откликнулся Зуек.

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

– Но его я не слышу, – ответил старик. – А тебя слышу. Я думал, это я уже оглох, а нет: слышу тебя. Ну, а ты слышишь?

– Как же не слышать? Слышу тебя.

– Нет, ты не меня, а послушай падун. Мне его не слышать. А тебе?

Зуек прислушался, вскочил, придержал пальцами уши и закричал:

– Дедушка, я тоже не слышу!

– Вот то-то я тебя и бужу: погляди-ка в окно, что там.

Зуек бросился к окну и замер: он совсем даже и забыл про дедушку. Вчера еще в готовой плотине оставались неширокие воротца, и через них устремлялся весь Выг в падун. За одну ночь эти ворота были заделаны, и сразу все изменилось.

– Ну, что же ты молчишь? Или закрыли падун? – спросил Мироныч.

– Закрыли, дедушка! – ответил Зуек.

– Что же ты там видишь?

– Вижу: плотина большая через всю реку, и от самой плотины до падуна грязь и лужицы. По грязи ходят люди с сачками и достают рыбу из лужиц.

– А что падун?

– Ничего нет. Черные камни, по ним стекают белые струйки.

– Ну вот, – сказал дедушка, – все и кончилось. И падун не шумит и нет конца свету.

Зуек все глядел и глядел в окно, а Мироныч все думал и думал.

– Человек нарождается, – сказал он, – голова идет по свету за головой, и все, конечно, умнеет, а упрямая сестра

126

хочет, чтобы все кончилось. Огонь, огонь! Вот погоди немного, старуха, подопрет тебя вода на твоём острове, как водяную крысу, что ты тогда запоешь? Ну-ка, Зуек, беги туда, достань свежей рыбки.

А Зуек о другом думал, глядя на скалы, на то место, где еще так недавно тысячи тысяч всяких струек, схватываясь, сходились между собою в один падун, и казалось, кто-то великий, могучий мерным шагом ступал все вперед и вперед.

Он думал: «Куда все девалось, и где теперь то волшебное зеркальце, и цела ли печурка?»

Вот с этой мыслью он вышел из дому, чтобы потихоньку от всех, если можно, пробраться в свою печурку и спасти волшебное зеркальце.

Множество людей собралось на том месте, куда раньше, падая, била вода. Никто на мальчика не обращал никакого внимания. И он притаился за камушком, где начальник культурно-воспитательной части показывал всем – над чем столько столетий и, может быть, тысячелетий трудился водопад.

Вот оно как было: там внизу, куда падала главная сила воды, была глубокая впадина, и в нее когда-то свалился обломок скалы. Вода била в обломок, стремясь его вышибить, разбить на маленькие и, окатывая каждый осколок, круглым пригнать в недра Белого моря. Но огромный обломок первозданной породы не поддавался силе волн, он повертывался, окатывался, округлялся веками и все-таки из ямы своей не выходил.

– Смотрите теперь все, – сказал начальник культурно-воспитательной части, – чем кончилась эта борьба свободной стихии воды и косной земли.

Все, окружив тесно яму, глядели вниз. Зуек тоже протиснулся между большими людьми. Там внизу лежал без движения совершенно круглый, правильной формы камень, он тысячи лет обтачивался, и вместе с ним обточилось ложе его – скала, где он вертелся.

Зуек, глядя на круглый камень внизу, теперь хорошо понимал, что этот вечный гул водопада, похожий на мерный ход великана, всего человека, и был, может быть, только оттого, что круглый камень вертелся в своей каменной чаше и мерно постукивал.

Может быть, вода иногда внезапно прибывала, камень приподнимался и снова рушился вниз. А казалось, будто идущий вперед великий человек встречал на пути своем

127

злую силу, с ней боролся, и, сбросив с себя, становился на свой верный путь, и шел опять неуклонно все вперед и вперед.

Учитель был маленький шупленький человек с тонким лицом, как бы отделанным стальным резцом по слоновой кости. Лобик у него был в умственных выпуклинах, расписанных синими жилками, носик чуть-чуть загнутый, как клювик у кобчика, с тонких губ не сходила насмешливая кривинка, и в глазах, как бы видевших уже неприятности, сохранилось смелое признание в том смысле, что как бы там ни было, а жить все таки можно.

Как ни был Рудольф в своем женском малиновом берете неприятен учителю, но какая-то внутренняя сила привлекала к нему маленького учителя, похожего на кобчика. Он с тонкой улыбкой непрерывно глядел ему в глаза.

– А наша человеческая жизнь, – сказал он Рудольфу, – разве не находится тоже под воздействием двух этих сил? Одна сила стремится оторвать нас и бросить вперед, а

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
другая тянет вниз. И получается..

– Фикция!.. – подсказал Рудольф.

– Что вы говорите! – схватился учитель – Глядите, вон эти камни говорят, какая же это фикция!

– Конечно, фикция, – повторил Рудольф. – Тысячелетняя работа, для того чтобы закруглить камень, и вы это на человека переводите. Фикция!

– Вот-вот. – радостно схватился кобчик – Я этого только и ждал...

До сих пор Зук все понимал, но теперь, когда учителя чему-то обрадовался, он вдруг перестал понимать. Было почти страшно смотреть на этот мертвый падун, казалось, будто убили кого-то и вскрывают мертвое тело, – так было жутко глядеть вниз! А этот маленький кобчик с таким высоким лобиком вдруг чему-то обрадовался.

– Конечно, фикция! – повторил Рудольф.

– Шах вашему королю! – воскликнул учитель. – Мертвый падун нам показывает, как бессмысленно природа расточает свои силы: тысячи лет падун вертел камень...

– А человек, – перебил Рудольф, – сыпokon веков тоже ничем не лучше воды свой камень вертит.

– Это ваше личное умонастроение, – ответил учитель. – И зачем нужно вам так отвлеченно говорить. Факт налицо: падун вертел тысячи лет бесполезно камень, а нас этот падун скоро будет вертеть электромотор, и весь край будет залит электричеством л:.

128

– Фикция! – равнодушно повторил Рудольф, – Ничего этого не будет.

И вдруг заскучавшее лицо Рудольфа осветилось, и глаза его загорелись. Зук понял, что Рудольф оттого изменился, что заметил его. Сколько времени он его не видал и тут почему-то обрадовался.

Зук этому тоже обрадовался, но поспешил закрыться сначала людьми, а потом потихоньку спрятался за камни и стал уходить.

XXV. ВОЛШЕБНОЕ ЗЕРКАЛО

Два незнакомых сходятся на одном пути. Старший, увидев у младшего на руках татуировку голубыми знаками, спрашивает, когда это он и по какому случаю вытравил на руках эти знаки. Охотно рассказывает младший о себе, и старший, выслушав короткую историю одной юношеской мечты, говорит:

– Так, значит, от всего только эти знаки и остались у тебя!

И показывает ему свою собственную грудь, расписанную точно такими же голубыми знаками.

Младший, в свою очередь, спрашивает:

– И у тебя то же самое было?

– Это у всех, – отвечает старший.

Потом дороги у них расходятся в разные стороны: старший уходит, уверенный в том, что раз уж младший вытравил себе эти знаки, то у него непременно повторится и его собственная жизнь.

Младший уходит уверенный: ничего на свете не повторяется в точности, и пусть знаки на руках у них одинаковые, но жизнь его будет другая и, конечно, бесприммерно лучшая.

Старший спутник – это Рудольф, младший – Зук. Заметив Зуйка, Рудольф очень удивился: всего ведь в какие-то два года Зук так возмужал и даже так постарел! Вот эта перемена в одно мгновение перенесла Рудольфа в его собственное время, когда он был таким же мальчиком, смелым, доверчивым, и как это все в один миг переменялось: он тогда испугался людей и затаился в себя.

Рудольф в один миг свою жизнь прочитал по выражению лица Зуйка. И Зук это со страхом понял и поспешил спрятаться за людей, за камни и потихоньку уйти.

129

Потом видел Рудольф, как Зук вышел из-за камня и, прячась, перебежал выше, и от камня к камню все дальше и дальше достиг высоты, откуда раньше падала вода, и там скрылся в черных камнях.

«Ему оттуда выхода нет, – подумал Рудольф. – Там у него что-то свое делается».

И, рассчитав отсюда по камням весь путь Зуйка вверх, сам тем же путем стал подниматься вслед за Зуйком.

От всего трехголового великана-падуна осталась теперь какая-то изношенная черная челюсть. Не сразу даже и Зук, стародавний хозяин своей любимой печурки, мог определиться в камнях. Время от времени ему необходимо было выглядывать и соображаться со всей местностью. И вот тут-то во время этого выглядывания внизу ловил его путь Рудольф.

Зук поднимался по камням в свою печурку с мыслью о волшебном зеркальце. В нем отражалась Зуйку вся прекрасная природа, красавица с месяцем и звездами, как он видел ее, когда гостя из далекой земли гляделась в него и делалась все краше и краше. С тех пор он ни разу не заглянул в это зеркальце. Зачем ему было заглядывать, если и так без зеркала она всегда была с ним. Но теперь у него так

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
было на душе, будто все это осталось в прошлом и он теперь был в другой жизни и совсем другим стал человеком. Конечно, он об этом не мог думать словами, но он все это чувствовал так, будто раньше по синему небу шли большие белые кудрявые облака, а теперь он видит на земле бегущие тени этих самых облаков и хочет в зеркальце увидеть не тени, а самое небо.

Пока Зук шел в печурку с этим чувством какой-то доброй мысли о прекрасных облаках, лицо его светилось небесным отсветом, как светится лицо поющего или играющего хотя бы и на простой дудочке. Оно оставалось таким же до тех пор, пока Зук не выкопал свое волшебное зеркальце и не заглянул в него.

... Нет, конечно, тот высокий зверь, какой-нибудь лось, когда подходит напиться к тихому зеркалу воды и склонит свою голову, он не видит, как из воды ему навстречу выходит уродливая голова коровы с лошадиными губами и как эта толстая лошадиная губа, холодная, прижимается к его теплой губе.

Человек, только один человек, вставая на свои ноги, поднял вместе с собой зеркало, и один человек, только один во всей природе, может увидеть себя самого.
130

Зук хотел видеть в волшебном зеркале свою прекрасную Марью Моревну, и вдруг... как это страшно! он увидел себя самого.

Но как только он увидел себя самого и стал в себя вглядываться, все прекрасные пушинки на лице его стали серыми, синие глаза его стали водянистыми, косточки на щеках засветились, ямочки затемнились. И показалось в лице его то самое, чего с таким ужасом ожидает гадалщица, когда, бывает, в крещенские вечера долго глядится в зеркало при трех свечах, ожидая своего суженого.

Конечно, будь Зук хоть немного попроще, он мог бы увидеть себя в зеркале, каким он был, красивым, кудрявым, голубоглазым мальчиком, и мог бы залюбоваться собою. Но что же дальше? Полюбовался бы сам собой, как Нарцисс, и этим бы все и кончилось. Но нет! У него был большой человеческий путь впереди, и, может быть, там, впереди, ему предстояло когда-нибудь увидеть в том же зеркале себя таким, каким в лучшие наши дни мы видим в природе, как в зеркале, всего цельного человека в его неустанном движении все вперед и вперед.

Чем больше Зук глядел на себя, тем больше находил в себе чего-то противного, и только-только хотел было закрыть это зеркальце и закопать его в камнях навсегда, как вдруг он что-то в нем увидел, весь задрожал, вскрикнул, зеркальце выпало из рук его, ударилось о камень и разлетелось в куски.

Так гадалщица, бывало, на святках в крещенский вечер в зеркале при трех свечах встречала мертвеца вместо своего суженого. Так и Зук, разглядывая себя самого, вдруг увидел Рудольфа.

Зук бросился бежать из печурки. Но Рудольф загородил ему путь. И еще раз попробовал вырваться, но Рудольф спокойно обнял его одной рукой и усадил насильно рядом с собой на камень. Тогда Зук перестал сопротивляться, закрыл лицо руками и заревел, как самый обыкновенный мальчишка.

Рудольф дал ему выплакаться, и когда Зук наконец пришел в себя и сказал какие-то нехорошие слова, он ласково погладил его по голове.

– Садись, поговорим, я все знаю.

– Ничего ты не знаешь, ты все врешь! – ответил Зук.

– Вот посмотрим!

Рудольф завернул рукав и показал.

131

– Читать умеешь? – спросил он. – Умеешь – читай. Вот написано: Маша. И это уже не сотрется, это на всю жизнь. Много было всяких Маш у меня, и много будет впереди, и все пройдут, а эта останется. Тебе тоже так надо написать: Маша Уланова.

Зук онемел и задрожал.

– Видишь, – сказал Рудольф. – Я всю твою жизнь насквозь знаю по себе. Твоя жизнь будет, как у меня. И впереди будет так. Не дрожи, не бойся меня. Я твой друг. Мы с тобой вышли на один путь, и я его хорошо знаю. Тоже когда-то я и себя увидел в зеркальце и сначала не понравился себе, а потом помирился и даже несколько времени носил его с собой, как барышня. Так и ты привыкнешь и по моей дорожке пойдешь: будешь себя самого видеть в зеркальце и себе самому будешь служить. Вот это так! Себе самому и больше никому. Не стоят они никто, чтоб им служить. Чувствуешь?

– Не пойду я по твоей дорожке, Рудольф, – ответил Зук серьезно и примирение. – Нет, Рудольф, я уже тебе говорил, мне одно не нравится у тебя, что нужно отнимать у кого-нибудь его любимую шкатулочку. Мне это не нравится, лучше я сам буду работать, чем отнимать для себя у людей. Но у меня есть путь: я совсем не буду работать. Мы пойдем с Куприянычем в лес.

– Что же вам там будет, в лесу?

– Ничего: мы там царствовать будем. Мы там цари.

– Сочувствую, – ответил Рудольф.

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

– Вот видишь, – обрадовался Зук, – Куприяныч говорил, там не надо нам воровать и что тоже и работать не надо: там все для нас приготовлено, там нас ждут, мы там цари.

– Не отрицаю! – повторил Рудольф.

Зук еще больше обрадовался и вдруг, совершенно как раньше, прежним открытым, умным и со всеми дружным мальчиком вылез из своей змеиной чешуи и обратился к Рудольфу:

– Рудольф, скажи мне, что это ты там о круглом камне какое-то непонятное слово сказал?

– Какое слово?

– Мне кажется, Рудольф, ты сказал: фикция.

– фикция! – засмеялся Рудольф. – А это, что легавые говорят, будто они построят канал. Врут они, ничего не будет, вот скоро, вот-вот придет весна, и вода все разнесет. И мы тоже, скажу тебе по большому секрету, мы, может

132

быть, тоже поможем воде, у нас есть свой уговор. Канал – это фикция, понимаешь?

– А если, Рудольф, канал – это фикция, то для чего же его строят?

– Строят канал, чтобы нас, воров, уморить. Они думают, будто если нас изведут, то и всех воров изведут и на земле будет счастье. Никогда этого не будет. Без воров не будет жизни никакой у людей. Мир без воров – это фикция.

– Рудольф! – ответил Зук, – я не понимаю, что ты говоришь. И какой мир без воров и с ворами. А если канал – это фикция, то тем лучше для нас. Значит, можно уйти нам с Куприянычем в лес.

– Сочувствую, – повторил Рудольф. – Только советую тебе перед этим тоже на руках вытравить знаки, и, если хочешь, я тебя научу.

– Согласен, – ответил радостно Зук. – Раз канал – это фикция, то я всему такому сочувствую.

– Только есть ли у тебя хорошая финка?

– А зачем финка?

– А кто его знает, этого твоего бродягу: может быть, он и людоед и берет тебя с собою, как мясо в запас. Надо с ним поосторожнее. Нож есть?

– Есть и финка и ружье, – я возьму у дедушки.

– Ну, тогда ничего. Только «Машу» я тебе на прощанье вытравлю. Приходи нынче вечером и захвати с собой три иголки и пороху.

Так сошлись на перекрестке жизни двое, и старший, увидев в младшем, как в зеркале, себя самого, каким он был когда-то, решил, что и дальше у младшего будет все, как у него. Но младший уходит, уверенный в своем новом, каком-то небывалом пути. И он прав! Многие судят жизнь по своему ничтожному опыту, как Рудольф, и ошибаются. Может быть, так и бабушка Марья Мироновна этим же путем пришла к мысли о светопреставлении и хочет навязать всем конец света.

Так уходит младший, уверенный в том, что на свете ничего в точности не повторяется, и пусть у обоих на руках вытравлена одна и та же голубая «Маша», но жизнь его будет, конечно, другая, и лучшая и настоящая, а не какая-то фикция.

133

ЧАСТЬ III

ВОДА

XXVI. ЖИВОЙ НАВОЛОК

Как-то раз, ближе к весне, ветер сорвал несколько темных уцелевших на ветках листьев и замел их в снегу. Самой ранней весной золотой солнечный горячий луч открыл эти листики. Темное пятно листа на снегу сильнее нагревалось, чем белый снег, и так листики изо дня в день стали сильнее и сильнее погружаться в снег, опускаться все ниже и ниже.

Дни проходили, множество явилось признаков наступающей весны. Из-под снега вылезли наверх бесчисленные живые черные блошки. В теплые часы на солнечной стороне в большом дереве заработал лубоед. Местами образовались на видных местах у деревьев приствольные чаши, и чего-чего только не совершалось в природе большого, но незаметного.

А тот темный листик, опускаясь все ниже и ниже, достиг наконец такой глубины в снегу, что и вовсе стал

134

недоступен солнечным лучам и там, в глубине, оледенел и сделался доньшком сосуда, наполненного доверху водой. Отдыхающие на дереве перелетные птички насмотрели в снегу этот драгоценный для них колодец, стали спускаться и в нем пить и полоскаться.

Первые прилетели белые полярные пуночки и бросились прямо с прилету к колодцу. Они окружили его плотным кольцом, опустили в воду носики, напились, стали брызгать на себя воду, протирать перышки, выбивать, вымывать из них всякие блошки и вошки. От их мельчайших брызг над колодцем в полдневные часы повисла

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
маленькая радуга, и она-то и обратила на птичек внимание старого бродяги. Рука с топором у Куприяныча задрожала.

– Погляди-ка, пацан! – сказал он.

– Давно смотрю, – ответил Зук.

– Первые гости у нас всегда белые, а потом прилетят золотые.

– Щеглы?

– И щеглы, и эти с красным пузом, как их...

– Снегири?

– И снегири, и всякие здешние и нездешние птички станут с прилету полоскаться в чистой водице. Явится и черная птица с красной головой.

– Желна? Откуда же она явится, она никуда не улетает, она у нас живет.

– Желна, конечно, у нас живет, только зимой бывает в других местах. И когда явится, новым голосом закричит. И когда она закричит свое «плыть-плыть!» – тут-то и мы с тобой поплывем.

– Не верю тебе, Куприяныч, ты прошлую весну все говорил про это «плыть-плыть». Тогда я думал, ты вправду говоришь, надеялся на тебя, а оказалось, ты мне, как маленькому, сказки наворачивал. Только я теперь стал не маленький, сказкам твоим больше не верю. Почему прошлый год мы не пошли?

– Не было нам сроку тогда. У времени свой голос есть. Придет наше время, голос подаст, желна закричит – и мы...

– Прошлый год звала нас желна?

– Звала, милоч, да не нас.

– А почему ж ты знаешь про нынешний год, что теперь она позовет нас?

– По себе знаю: душу мутить начинает, дрожит рука с топором. Погляди-ка, что вон там-то делается! Видишь?

135

– Сверкает везде, больно смотреть. Только вижу, вон там далеко синяя стена леса. Ты про это?

– Нет. Чуть-чуть дальше и пониже: видишь, дымок-парок стоит.

– Да, вижу, дымок-парок...

– Это леший баню затопил. Там его баня. К весне, как птички, моется.

– Это наша земля?

– Наша земля, живой наволок, там нас ждут. Там нам с тобой не надо будет ни лес шкурить, ни скалу молотками долбить. Там все готовое. Мы с тобой наследство пойдем получать.

– Какое наследство? Кто его нам оставил?

– Откуда наследство? Солнышко готовило. Вот сейчас мошники поют на заре, а потом спускаются с дерева, и от них следы на снегу: мы на заре петельку – вот нам и обед. А сколько рыбы в Кижозере! А там грибы пойдут, сколько всякой ягоды, сколько там дров наготовлено. Какая светленькая водица! Есть в лесу гриб один большой и, бывает, завернется вверх краями, как блюдо. И в блюдо это нальется водица. Вот когда этой водицы напьешься, тебе в лесу все заговорит, и даже простая букашка красненькая с черными пятнышками на простой былинке усиком своим черным тебе дорожку укажет.

Зук отбросил все свои сомнения и загорелся.

– Куприяныч, – сказал он, схватив его за руку, – погоди колотить молотком по скале, скажи мне лучше, как же все-то работают, почему все не хотят, как мы, в лес за наследством идти?

– А что нам все? – ответил Куприяныч, – все работают и пусть себе работают.

Дураков работа любит, мы же с тобой люди вольные и никого не хотим обижать, как воры. Ничего нам чужого не нужно. Возьмем с собой котелки и пойдем наследство получать, мы с тобой...

Куприяныч вдруг громко засмеялся злым смехом и близко наклонился к Зуйку.

Повеяло чем-то холодным, серым и чужим. Зук пытливо и опасливо поглядел на бродягу.

– Чему ты радуешься? – спросил он, брезгливо отступая.

– А как же не радоваться.

И так близко подошел опять к Зуйку, что все волосы его из ушей, из носа стали видны насквозь, и все в них шевелилось. Неприятно стало Зуйку, и он прямо сказал:

136

– Ты что ко мне лезешь?

А Куприяныч еще ближе наклонился, и Зук через его прозрачные голубые глазенки, казалось ему, все увидел опять: и ту голубую даль и над синей стеной дымок-парок.

– Чего ты ко мне лезешь? – повторил Зук.

– А я тебя, милоч, полюбил и хочу тебе напомнить, кто мы такие.

– Это я знаю: мы с тобою цари.

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

– Да, пацан, не шути, мой милочек, мы с тобой на царство идем. Зук опять отстранился, раздумчиво нахмурился, недоверчиво поглядел. А Куприянчу это превращение мальчика в старика было, как масло в огонь. Он этого будто только и ждал. И засмеялся и захохотал, как в сказках хохочет людоед, обрадованный запахом человеческого мяса.

С этой минуты Зук раздвоился в себе: ему, конечно, хочется уйти в страну, где вечный праздник, где ждут его с наследством и где он, как царь, всему живому может приказывать. Но в то же самое время к этому светлому чувству присоединилось и что-то тяжелое, страшное, как будто знакомый с малолетства черный лик «Всевидающее Око» за каждым шагом его теперь стал следить из божницы.

– А ты думал, – хохотал Куприянч, как бы насквозь понимая его смущение, – я это смеюсь? Нет, милочек, я не смеюсь, я тебя полюбил. Вот как только желна позовет: «плыть-плыть» – мы с тобой и поплывем в свое царство. Выберем с тобой часок ночью: я этот час давно стерегу. И пойдём, как цари, и сядем на царство. Жди моего слова, собирайся.

XXVII. ПТИЦА ЖЕЛНА ПОДАЛА ГОЛОС

Зимняк еще держится на озере, и с осторожностью по нем еще ездят, но под снегом вода струится в малые речки, и оттого лед там от берегов отстает, поднимается все выше и выше. Кое-где уже и на озере лед пробуравило, и рассыпаются торосы. В пасмурные дни на телефонных проводах перед окнами управления Надвоицким узлом оседали мельчайшие капли, сливались, катились и падали. Все служащие в управлении, и с ними Мария Уланова, не имели времени обращать внимания на движение и постоянное падение весенних капель. Все готовились к борьбе

137

с весенней водой. Но вдруг на сосну, почти прилегающую к зданию, на сучок против форточки прилетела довольно крупная черная птица с красной головой и закричала свое: «Плыть-плыть!»

– Слышите? Птица зовет нас: «Плыть-плыть!»

И люди, с папиросками в зубах, обратили внимание и стали дивиться на черную птицу с красной головой. Почуввав табачный дым, выходящий из форточки, желна с обычной своей резкой и далеко слышной трелью перелетела на другую сосну, подальше от человеческих зданий, и опять оттуда долетело сюда:

– Плыть-плыть!

Где-то за Выгом, на той стороне, этой желне ответила другая:

– Плыть-плыть!

– Весна идет, – сказала Мария Уланова. – Все на ниточке держится. Вот-вот оборвется. Хлынет вся вода из лесов.

– Плыть-плыть! – повторяла желна издали.

– Скоро и мы поплывем! – говорила Уланова. – Как-то удастся нам справиться... Вся ли очищена от леса зона затопления?

– Где тут все очистить, – отвечал топограф, – у нас руки не достают. А местные люди не хотят поверить, что наши плотины и дамбы могут удержать весеннюю воду. Земледелец столько лет своей копорюгой шевелил камни на своем острове, рассиделся там, как курица на яйцах, и не может представить себе, что остров этот скоро зальет водой и там, где он пахал, – будет рыба искать своих червячков.

– Но людей-то, по крайней мере, людей-то удалось всех выселить с островов? – спросила Уланова.

– С островов на сузем все повыбрались, только одна сумасшедшая старуха на Карельском острове отказывается, лежит в гробу и ожидает светопреставления. Свечи и лампы горят, в руках молитвенник, распевает духовные стихи о том, что свет кончается.

– Пробовали уговаривать?

– А как же, мы ей – «свет начинается», а она твердит свое, что кончается.

– И погрозили?

– Все было. Но куда тут силой! Она такой крик подняла и такая оказалась здоровая! Главное, будь она вправду сумасшедшая, а то ведь начнешь с ней, как с дурочкой, говорить, а она будто умнее тебя.

138

«Ну, ладно, – говорим, – в прежние времена ваши старожилы сжигались и всех уверяли, будто свет от огня кончится, у тебя же выходит, что от воды».

«Как! – отвечает. – Я тоже говорю – от огня. Зато и не еду с острова. Конец придет от огня, и водой вы нас не затопите. Ничего у вас не выйдет с водой».

«А если выйдет, – отвечаем мы, – то ведь гроб твой сделан из лодки, вода подымет тебя и к нам же принесет».

«Так чего же, милые, – отвечает она, – вы ко мне пристаёте? Ай вы – какие глупенькие?»

«Ну да, глупенькие!» – мы ей отвечаем.

«А то как же не глупенькие! Если божья воля на то будет, как вы говорите, так

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
меня к вам же она и принесет, ежели уже я вам так-то уж гораздо нужна».
– Надо было вам сказать, – ответила Уланова, – что ее родной брат в Надвоицах, Сергей Мироныч, при смерти. Проститься бы ей с ним. Таким способом вы бы ее выудили, а потом и задержали.

– Ну, разве мы не говорили о брате! «Я иду, – отвечает она, – в тот мир, где нет больше ни братьев, ни сестер, ни жен, ни матерей, там не женятся, не венчаются. И если брат мой отходит сейчас туда, то чем скорей отойдет, тем лучше ему. Это милость к нему. Скоро и мы все туда отойдем. Свет кончается!»

Так вот и говорит и твердит, что кончается. Мы же твердим: «Начинается». Спорили-спорили об этом «кончается-начинается», взяли и плюнули. Она же так спокойно глядит на нас и усмехается.

– Надо бы мне самой попробовать поговорить, – сказала Уланова.

– Вот еще что, – крикнул Сутулов с другого конца комнаты, – что это ты возишься с сумасшедшей старухой! Мало тебе тут своих на канале?

– У этой старухи, – сказала Уланова, – есть своя мысль: она так понимает, что свет гибнет от слабости. И не в табаке дело, что мы курим и пьем, а в самой унаследованной слабости. Я хочу снять повязку с ее глаз, эту химеру, показать ей, что мы тоже за это взялись: перековать, восстановить человека.

– Делать вам нечего, – усмехнулся Сутулов. – Я только удивляюсь, до чего у вас крепко держится внимание к сказкам. Ведь это же все сказки об Антихристе, о Сером волке, о ситчиках разных, платочках, перстенечках. Пустяки досужих людей.
139

– Вы, Сутулов, – сказала Уланова сначала на «вы», – представляете собой старый тип, вроде Базарова, и кое-чего не понимаете. Говорите против ситчика, а мальчик родится – ему надо ситчик, девочке нужна куколка, сказочки.

И вдруг, переходя на «ты»:

– Тебе же всех бы хотелось в чугуны!

– Нет, – улыбаясь, ответил Сутулов, – я не против ситчика и не против детей, я против сказок вредных и сумасшедших старух: пустяки это. Нам надо воду удержать. Сейчас я тебе даже больше скажу, сейчас на первом месте стоит у нас вода, а не, как ты говоришь, что надо «перековывать человека». Ты сказкой живешь, сказкой питаешься. Мир у тебя сказкой начинается, у меня же сказки на десятом месте. Идеалистка ты неисправимая.

На этом неожиданный разговор в конторе окончился. Сутулов подошел к повешенной на стене карте зоны затопления и стал делать на ней свои разметки синим и красным карандашом. Синие кружки означали острова, подлежащие затоплению, красные – возвышенности: новые острова, новые берега. Посреди мест затопления синим карандашом была намечена и Осударева дорога.

Сутулов читал о походе Петра и сейчас крепко задумался об этом походе, представляя себе, как в скором будущем над этим следом Петровой дороги вверху по глубокой воде нового огромного Выгозера поплывут военные морские корабли.

Так незаметно для себя Сутулов увлекся этой картиной будущего: внизу Петрова дорога – вверху свои корабли. Еще увидел он, будто далеко в темные леса в безумном страхе убежавший лось теперь возвращается, ближе, ближе подходит к новой воде, боится, постоит, шаг пройдет, два пройдет, вот подошел, вот заглянул в воду, склонил высокий зверь странную, какую-то допотопную голову, протягивает теплую толстую губу, и навстречу из новой воды выходит холодная такая же губа зверя, похожего и на корову, с одной стороны, и на лошадь – с другой. Лось напился и вошел в мир человека, имеющего власть над природой.

Так незаметно для себя Сутулов творил свою сказку, забывая, что сейчас же только над всякими сказками смеялся.

Уланова ни на одну минуту не приняла на себя упрек в побеге от жизни в сказочный мир. Она тоже считала

140

сказку о конце мира подлежащей затоплению и всей душой верила, что над затопленным местом пойдут корабли нового мира, нового человека. Но она знала еще, что между тем, затопленным миром и новым есть какая-то связь, и ей хотелось это драгоценное в прошлом взять с собой в новый мир и не дать ему совсем затонуть.

Может быть, она хорошо знала об этом драгоценном, что оно само собой переходит из прошлого без наших усилий. Но за что-то она любила Марию Мироновну и не могла бросить тонуть человека.

Взглянув на то место, где сидела желна, она увидела, что капли на проволоке перестали катиться, что некоторые из них даже замерзли, что небо расчищается и, как всегда в таких случаях, начинается мороз.

– Успею еще проехать на Карельский остров, – сказала она и велела подать себе лошадь.

Разбирая бумаги последних дней, назначая каждой бумажке отметкой свое место во

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
множестве папок исходящих и входящих, она вдруг увидела запечатанное личное письмо на свое имя. За много лет работы она привыкла с делами поступать, как раньше поступала со старушкой матушкой: первый кусок матушке, а после себе. Так и тут: дела-то устроила, а личное письмо положила себе в карман кожаной куртки. И так это тоже бывает с деловыми людьми: отложенное личное дело нашло в душе особое место, поселилось и начало там, как семя в земле, прорастать. Особенно отчетливо помнился и не отставал от нее какой-то знакомый почерк, хотелось сердцем прикинуть к этому волнующему чувству, и все как-то ей было недосуг.

XXVIII. ЗАГУМЕННАЯ ДОРОЖКА

Дедушка Сергей Мироныч лежал у себя на полотах без сознания и в себя приходил, если только кто-нибудь из своих наклонялся к нему и заставлял узнавать себя. Как только дед кого-нибудь из своих узнавал, он тут же в себя приходил, и с ним можно было разговаривать. Когда за окном раздался крик желны «плыть-плыть», ему стало так, будто кто-то из своих наклонился к нему, и он пришел в себя.

– Слышите, деточки? – спросил он с полатей.

– Слышу, слышу, – ответил Зук.

141

– Плыть-плыть! – сказал дедушка. – Видно, скоро и я поплыву...

– Куда ты собираешься плыть, дедушка? – спросил Зук.

– Домой, деточка.

Евстолия Васильевна, услышав это, глубоким глазом поглядела на свою золовку Марью Лукичну, подмигнула ей и прошептала:

– Последние дни стал все так отвечать: «Домой, домой». Понимаешь ты это?

– А как же, – ответила Марья Лукична, – собирается...

И полезла к нему на полати.

– Папаша, – сказала она, – приди в себя!

– Да я же в себе, – ответил твердо Мироныч.

– В себе, а что говоришь?

– Что я говорю?

– Что домой собираешься: ты же дома.

– А я же не говорил, это за окном, слышу, меня птичка зовет: «Плыть-плыть», – и я ей отвечаю: «Скоро, скоро, птичка, и мы поплывем».

Зук рассеянно слушал обыкновенный разговор женщин с дедушкой, но, поняв, что желна закричала, под разговор незаметно вышел, побежал на трассу к Куприянычу, и когда он бежал, случилась перемена в природе: небо стало освобождаться от облаков быстро, капельки на проволоке и на тонких ветках деревьев леденеть.

– Слышал? – спросил Зук Куприяныча.

Бродяга моргнул ему, чтоб он молчал. И когда, по своему обыкновению, осмотрелся вокруг себя, и по заулам скалы, и по задеревьям, шепотом сказал:

– Желна уже три дня зовет, а что морозит, то хорошо: это нам дорогу стелет в наше царство. Месяц взойдет – наст заварит, пойдем по насту, как по скатерти.

И научил Зуйка всему: и что взять с собой, и как выйти незаметно по загуменной дорожке, и что держать надо все прямо на стог сена и ждать за стогом возле большого куста можжевельника.

– Ну, иди, иди, собирайся скорей, – сказал он на прощанье. – Я уже все подготовил.

Как стемнеет, так и выйду, все кончено: выйдем по насту, как по скатерти, и никто нас не догонит. Мы выйдем, а за нами все пути оборвутся: сразу про нас и забудут, и никто не будет искать.

142

Когда Зук вернулся домой, в избе уже никого не было, кроме умирающего деда.

Быстро темнело, и Зук спешил собраться и уйти, пока в избе еще нет никого.

Прежней радости, как бывало раньше, при одной мысли попасть в счастливое царство, теперь у него больше не было, и Куприяныч стал какой-то неласковый.

Пожалуй, если бы не было Куприяныча над ним, по своей воле он бы теперь и не пошел. Куприяныч стал ему теперь кем-то вроде начальника.

Но Зук не понимал этого, что не в Куприяныче тут было дело, а в себе самом, что раз уж взялся крепко что-то по-своему сделать, то из тебя же самого непременно выйдет какой-то начальник. И ты будешь ему повиноваться и служить.

Зуйку стало, будто он сразу сделался старше, и это легло на него, с одной стороны, и тягостно, а с другой – и радостно. Он теперь стал как большой.

– А я вижу, – сказал дедушка, – ты тоже собираешься, топор за поясом, ружье мое вижу, мой компас, кремни, огниво, мешок с сухарями. Куда?

– Иду, дедушка, – ответил Зук, – на большую охоту.

– Куда же это?

– На Кижозеро, там теперь мошники поют.

– Поят, милый, поют. Желна закричала – мошник давно запел. Но как же это ты пойдешь, пустят тебя?

– А я, дедушка, не буду сказываться.

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
– И не сказывайся, на охоту надо молчком выходить. Я сам, бывало, эх! был конь...

И дедушка захлебнулся в слезах.

Тут Зук впервые почувствовал, какой хороший был его дедушка, как он любил его и как нехорошо теперь его в беде оставлять.

Вот и бабушка тоже, Марья Мироновна, там одна в гробу на Карельском острове, – как она ходила за ним, как она любила его! Зачем же он их всех оставляет? Но эта мысль о разлуке с близкими и дорогими людьми еще более усилила в нем волю того нового начальника, который поселился в душе.

– Надо! – сказал твердо Зук себе самому, прежнему слабенькому Зуйку, от имени другого себя самого, сильного и решительного начальника.

– Ты, дедушка, – сказал он, – про меня никому не сказывай.

143

– Что ты, что ты, Христос с тобой, ай я тебе враг! – ответил Мироныч.

– Прощай, дедушка!

– С богом! – ответил Мироныч.

И Зук вышел на улице были сумерки. Зук прошел в огород и спрятался там в чьем-то пустом сарайчике.

Время пришло теперь такое, когда солнце ласковые лучи свои, как подарки, посылает воде и освобождает живую воду, на радость земле. Особенно в светлые полдни бывает заметно, как на пологий берег из-под льда выходит вода, и так осторожно она крадется, что никакой враг за ней не уследит. Но как только солнце оставит воду и уйдет, особенно если месяц покажется, мороз сейчас же схватывает освобожденную воду, и она ложится узорчатой белой полосой.

Но солнце на другой же день освободит эту воду, и она успеет в горячий полдень еще больше вчерашнего пробраться вперед. И опять вечером мороз к белой полоске вчерашнего заберега прибавит новую. По ночам мороз соединяется с месяцем, а днем солнце, на радость земле, снимает зимние оковы с воды, и так забереги все растут и растут. И так мало-помалу омытый чистый зеленый лед озера окружается рамой голубой воды.

В тот день, когда желна подала свой голос Зуйку, солнце не могло выбиться из-под серо-желтых туч, пролежавших над землей всю ночь, как тяжелое одеяло. Зато это одеяло сохранило земле тепло, вышел серый, моросливый день, и к прежним голубым заберегам воды еще много прибавилось. Но тем сильнее началась борьба солнца с морозом за воду, когда после моросливого дня вдруг выглянул месяц. Мороз сразу в лесах сделал наст, а на озере быстро заморозил забереги и тонкую воду опять превратил в белый цветистый и хрупкий лед-тощак.

Загуменными снегами, как по скатерти, стал красться Зук и сразу упал в тень луны у забора, когда возле Управления увидел гнедую лошадку, запряженную в сани. Он побоялся, что сани эти пойдут в его сторону, в лес, и устроился под забором ждать, пока они не тронутся в путь. Ждать ему недолго пришлось. Вышла Мария Уланова, села в сани и, подхлестнув гнедую, покатила к озеру, и слышно было даже отсюда, как под полозьями саней затрещал по берегу лед-тощак.

К печали о дедушке, умирающем на полатах, и бабушке, бросившейся сейчас так послушно на борьбу со

144

страшной водой, прибавилась еще печаль о прекрасной Марье Моревне. И пусть он дичился ее последнее время и даже избегал встречи с нею, но все равно в душе он с нею никогда не расставался.

Все это мелькнуло Зуйку в то время, когда слышался ему хруст по заберегай саней исчезающей Марьи Моревны.

«Хочешь не хочешь, а теперь уже надо идти!» – приказал ему новый собственный начальник.

И Зук, выйдя из-под забора, пошел прямо на черный стог сена и большой куст можжевельника, далеко видный при месяце на белом снегу.

XXIX. ДВА ЖЕНИХА

Лед на озере, хорошо укатанный навозной санной дорогой, отлично держался. Уланова рысью катила и катила себе в сторону Карельского острова, и скоро показались очертания измененного берега. Из множества бань, стоявших раньше на краю острова, теперь оставались только немногие, совсем ветхие, брошенные хозяевами. При месяце трубы печей и всякий хлам разрытого села и особенно большие староверские кресты с двумя перекладинами вверху и внизу давали картину какого-то особенного страшного кладбища. Жутко было Улановой думать о предстоящем свидании с человеком, потерявшим как будто последнюю связь с этим миром, где люди мучатся, так трудятся, чтобы только отстоять на земле свою долю короткого счастья.

Не пришлось долго искать дом, где жила Марья Мироновна: большой дом с крестом был единственный уцелевший в покинутом селе. С тяжелым чувством взялась Уланова

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
за ручку двери: ей казалось, будто она входит в склеп и живого мертвеца должна будет соблазнять прелестью жизни. Но как только незапертая дверь отворилась, она с изумлением остановилась на пороге.

Перед нею была освещенная верхним огоньком широкая и опрятная лестница, вся устланная новыми чистыми половичками-дорожками. На маленьких лестничных окнах висели белоснежные занавески, убранные вверху разноцветными бумажными цветами. Так убирают у староверов лестницы только перед самыми большими праздниками или в ожидании редкого, самого желанного гостя, и в особенности, когда в доме свадьба и ждут жениха.

Так странно было это видеть в то время, когда все село

145

рушилось. Наверху, как и внизу, было не заперто. Уланова только тронула ручку – и дверь бесшумно открылась, в большой горнице тоже все было заботливо прибрано. В красном углу, как в церкви, было много икон, и, как всегда в староверских божницах, выделялись иконы с крупными темными ликами, грозными, с бесповоротным решением в глазах. Некоторые иконы были обвешаны вышитыми полотенцами, и лампы горели разных цветов. Гроба нигде не было в горнице. Напротив, посреди комнаты стоял хорошо убранный стол, уставленный чашечками и тарелочками цветного фарфора. На столе, как видно, было поставлено все, что издавна хранилось в доме и переходило по наследству из поколения в поколение.

Все было так в горнице, будто не к потоку готовились или к огненному светопреставлению, а ждали жениха в дом невесты, и с потолка над всем этим богатством свешивался резной деревянный голубок с распростертыми крылышками, сделанными из тончайших, почти прозрачных сосновых дранок.

Марья Мироновна, стоявшая на коленях перед иконами, конечно, слышала, когда в комнату кто-то вошел, но она не обернулась.

Может быть, и правда, она ждала жениха, наполняющего светом пространства, и обыкновенные темные люди, входящие в горницу, не имели для нее никакого значения?

Тихонечко, стараясь ничего не задеть, Уланова обошла кругом большой стол и села на резной диванчик. И, оказалось, нет, – догадка о невнимании Мироновны к маленьким темным людям была неверной. Продолжая сколько-то времени с прежним и с еще даже большим вниманием молиться, она стала часто креститься, много кланяться, как делают верующие, когда от молитвы собираются перейти к житейским делам.

– Кого-то бог послал? – сказала, вставая, Мироновна.

И, не теряя своего обычного важного достоинства, она вдруг обрадовалась, увидев Уланову, и старые глаза ее оживились где-то глубоко в себе и засветились затаенным светом молодости. Уланова эту радость не приняла на свой счет.

Подумала: теперь ей перед концом все гости кажутся безразлично желанными, и всех их одинаково ждет праздничная встреча.

Но Уланова снова ошиблась.

– Машенька, милая! – сказала, обнимая ее, Марья Мироновна. – Дочка моя, умница!

146

– Милая Марья Мироновна, – ответила Уланова, – я вас так сразу полюбила, зачем же вы меня обманули? Помните? Я хотела вам мази дать от поясницы, а вы в ту ночь потихоньку уехали.

– Зачем ты на себя думаешь? – ответила Марья Мироновна. – Я тогда не от тебя, я от брата уехала, от его слабости, и снова повернула жизнь свою на прежнюю.

– Умирает сейчас Сергей Мироныч, с полатей не сходит.

– Слышала.

– Помочь бы ему...

– Нет, теперь уж ему не поможешь. Я от маленьких насилу удерживаюсь, одолевают, жалко мне их, не могу сама с собой оставаться, тянет. Но сейчас вот подходит конец, скоро...

– Это грех так думать, Марья Мироновна, на старости лет самоубийством кончать.

– Что ты, господь с тобой, – перекрестилась, испугавшись страшного, резкого слова, Мироновна. – Я ведь о воде мало думаю. Запрут – это дело человеческое. Я этого не боюсь. В Писании об огне сказано, – свет кончится от огня. И по всем признакам не успеет вода нас затопить.

Другим человеком, закованным в суровые правила прошлого, говорила теперь об огне и страшном конце Мироновна. Уланова вдруг потеряла милого, родного человека и не знала, куда ей смотреть, где искать, что сказать, как начать...

Тяжело помолчав, наконец она сделала над собою усилие и догадалась, как ей вернуть друга на землю.

– А Зук все у нас, – сказала она.

И от одного только слова мирская няня вернулась на землю.

Уланова даже заметила тропки, какими приходит к нам чудесная бабушка: эти тропки

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
разбегаются от уголков глаз по щекам, ее лицо оживает, глаза, губы в доброте своей как будто вот сейчас желают встретиться, познакомиться с чем-то живым и веселым. Уланова даже не удержалась и, не отвечая сразу на вопрос о Зуйке, сказала:

– А что, бабушка, может быть, и погодят со светопреставлением? И не будет огня? Я это с малолетства слышу – огонь и огонь, а все нет и нет.

С доброй, веселой улыбкой ответила мирская няня на слова милой женщины.
147

– Все-то знать, конечно, – сказала она, – нам не дано, может быть, и опять так пройдет, деточка, нам-то – так или так – все равно помирать: мы старики, а вы себе живите и не бойтесь. Ну так что же ты скажешь, как живет теперь наш Зук? Очень хотелось и даже прямо на языке вертелось у молодой женщины спросить теперь о воде, о том, что если не будет светопреставления, то вода-то непременно зальет острова и что в таком случае не лучше ли ожидать конца на суземе, чем на острове. Но такой вопрос мог бы стать решающей каплей и повлечь за собой в этот повеселевший дом возвращение страшного староверского бога с его беспощадным огнем на весь мир.

Так и не решилась она сказать свои слова и ответила на вопрос о Зуйке, что с тех пор, как бабушка с ним рассталась, прошло уже полтора года.

– Не узнать?

– Узнаете, – ответила Уланова, – а все-таки мальчик не тот стал, в таком возрасте перемены быстро бывают. Он был курьером, и такой был он послушный, но у нас, вы знаете, есть всякий народ, и какой это народ, по одним словам можно понять: лепарды, шакалы, медвежатники, – звери и звери! Вдруг случилось что-то, Зук ответил: «Не хочу», – и убежал. «Надо же слушаться», – сказала я в другой раз.

– Хорошо сказала, умница.

– Нет, ему было нехорошо. «Почему это надо? – отвечает мне дерзко. – Я ничего дурного не сделал, чтобы и мне тоже надо было работать. Не хочу!» И опять убежал.

– Ну вот, это самое, – сказала Мироновна. – И к нему пришла эта слабость.

– Вы считаете, это слабость, когда что-нибудь самому себе хочется?

– Конечно, слабость. Не помню, сказывала ли я тебе, как началась у нас Выгоречия?

– Ну как же, веник плыл по реке, соблазнял пустынников попариться, и как собрались вместе на легкую жизнь, и началась у людей слабость.

– Вот, вот, умница, все-то ты помнишь, все ты понимаешь! Ну, так зачем же сама этому служишь?

– Бабушка, вы этого никак не хотите понять, мы не только не за слабость стоим, а хотим переделать человека, собрать его всего. Мы не столько строим канал, как человека собираем, всего человека ждем и куем.

148

Уланова крепко говорила о том, что советские люди за жизнь стоят, за человека и что, напротив, считают слабостью именно оставлять человека на волю огня.

– Вы лично сами себя спасаете, – сказала Уланова, – и для себя, для своего облегчения и в оправдание себя, навязываете всем такой страшный конец. Не кончается свет, по-нашему, а только начинается. И вы то же самое делаете и тоже так думаете, когда вдруг бросаете старые свои мысли и уходите спасать маленьких больных детей.

Марья Мироновна, уверенная в чем-то своем, снисходительно выслушивала, а сама глядела в самую душу своего друга, и когда Улановой казалось, что вот она дошла до самого главного и бабушке теперь уже от ее слов некуда деться, Мироновна положила ей на плечо руку, заглянула ей прямо в глаза и сказала:

– Погоди, Машенька, я вспомнила, ты мне тогда про себя говорила, будто ты пчелка и тянешься к цветку за медом, а цветы все пустые, и что ты все делаешь не для себя, а только для людей, что тебе самой ничего не достается и что во всем этом виноват твой первый друг, забыла, как ты назвала его...

– Степан, – сказала Уланова.

И вдруг переменялась в лице.

Она теперь только поняла, что тот знакомый почерк на письме, спрятанном перед отъездом сюда в карман, был Степанов. Она быстро достала письмо, прочитала...

– Вот, бабушка, – сказала Уланова, – я любимого человека отрезала от себя...

– Как же это, голубка, так вышло тебе?

– Мне трудно вам сказать, как это вышло. Но я расскажу, как было не со мною, а рядом, в слободе, где я жила. Бедная женщина билась с утра до ночи с кучей детей, а муж пьяница был, все из дому тащит, детей бьет, калечит. Настал конец терпенью женщины. Ранней весной прилетел скворец к самому окошку, стал петь о счастье, и тут под эту песню схватило ее что-то за сердце. Пьяница лежит-дрыхнет на лавке, она собирает детей, ставит перед иконою на коленки. «Молитесь,

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
деточки, за отца, и чтобы господь простил маму». Потом уводит детей к соседке, сама же, вернувшись, снимает ружье с гвоздя. Сделала свое страшное дело, тут же пошла и сама на себя донесла. Суд ее оправдал. А как вы?

149

– И я бы оправдала! – вся загоревшись, вскинулась Марья Мироновна, и Маша узнала в ней в эту минутку брата ее, Сергея Мироныча, – куда девалась вся ее неприступная строгость.

– Такой грех замолить можно, – не в человека она – в Зеленого Змия стреляла, – продолжала бабушка.

– Вот у меня так точно было. Не прямо детей наших кровных губил мой Степан, а все дело наше общее, доброе, всех наших общих детей. Бабушка, ты сама поймешь: Степан стоял на большой должности, много ему было доверено. И я его, любимого, сама отдала под суд. Вот пять лет и летаю с цветка на цветок, ни к одному не спущусь, кажутся мне все после Степана пустыми. А если и не пустые, то как маленькие дети.

– Ах, и бедная же ты, Машенька!

– Так прошло пять лет, и вот пишет теперь, что больше не служит Зеленому Змию, у меня же просит прощенья и возвращается, подумай, бабушка, возвращается!

Уланова обе руки положила на плечи Мироновны и в упор лицом к лицу продолжала:

– Ни про одного человека не можем мы сказать, что с ним будет впереди, а вы вот про весь свет говорите: свет кончается. А я вот получила письмо и, если судить по себе, тоже всем теперь буду говорить: свет начинается!

– И впрямь, начинается! – добродушно ответила Марья Мироновна.

Она до того обрадовалась, что Степан возвращается, до того ушла от своей печали в радость милой ей женщины, что о своем большом деле да эти минуты вовсе забыла. Она обняла Машу, поплакала с нею от радости, выпросила все о Степане: и сколько лет ему, и чем он занимается, и как спасся он теперь от Зеленого Змия. И только уж, когда пошла проводить Машу, на ходу показала комнатку, где стоял ее черный гроб. Уланова узнала в нем тот же самый знакомый карбас, черный, с белым черепом и скрещенными костями. И, скользнув привычным для женщины внимательным взглядом, заметила большое окно против гроба и что у окна стояло весло.

«Как же это так, – подумала приметливая женщина, – если она в затопление не верит и ждет огня, то зачем же все-таки она сюда прихватила весло?»

Месяц еще ярко светил, когда Маша Уланова выехала с Карельского острова. Гнедая лошадка домой бежала без понукания, и Уланова снова вернулась к тому же вопросу:

150

как это можно так верить в конец света, обречь себя на огонь и не забыть на

случай ошибки весло?

– Как это может быть, – спрашивала Уланова себя, стараясь по себе самой понять

душу Мироновны.

И вспомнила Уланова, что, отдавая Степана под суд, она не для себя это делала. Не будь у нее такой веры, что революция наша обновит мир и что только с чистой совестью можно идти в этот новый мир, то разве могла бы она оставить друга своего, какой бы он ни был: больной, или пьяница, или что еще хуже?.. Нет, никогда!

«Но как же, – подумала она о теплом местечке, где лежало сейчас письмо, – как могло явиться это письмо, как мог вернуться к ней Степан, если она сама от него тогда отказалась? Значит, он понимал хорошо и тогда, что она ради правды его отдавала под суд. И я разве столько лет не хранила в тайне надежду на его возвращение? Могло же это вместе быть: и что отказывалась от него, и что вместе с тем и ждала!

Вот она, разгадка весла, – заключила свои думы Маша и весело тряхнула поводьями, – наверное, Марья Мироновна, ожидая всемирного огня, потихоньку даже от себя самой прихватила на случай весло».

Проехав еще немного, она и так подумала:

«Могла же Марья Мироновна, мирская няня, жить мыслью об огненной кончине и в то же время спасать маленьких чужих детей, как своих собственных. Так почему же и тут не могла у нее раздвоиться мысль: на минуточку забыла о гробе и прихватила весло».

XXX. ЛЕСНОЙ ОБОРОТЕНЬ

Самый сильный холод в лесу бывает в конце утренней зари, когда первые лучи солнца влетят в лес и деревья бросают на снег голубые тени. Только мало-помалу солнечные лучи наверху начинают нагревать еловые шишки, и от тепла они расширяют свои дольки и начинают ронять свои семечки. На особых маленьких парашютиках эти семечки из верхнего этажа леса, где свет и тепло, спускаются в нижние этажи, где все еще мрак и мороз.

Скоро, скоро теперь уже возьмутся весенние ручьи, и миллионы этих семян, целый

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
будущий лес, поплывет, и река понесет их в какой-то лучший край. И ни одно-то семечко, отдаваясь общему движению, не будет знать, ему

151

ли достанется лучшая доля или, из всего великого множества их, кому-то другому. Ни одно семечко не знает своей будущей доли, но всякое, в надежде на лучшее, живет и плывет.

Бурная река где-то далеко впереди, разогнавшись на прямом пути, с бешеной силой ударяется в скалистый берег, заступающий путь воде на повороте. Вымывая плодородные частицы из бесплодного камня, река несет их на другую сторону и там создает навалок плодородной земли. Живой навалок все растет и растет, постоянно принимая к себе новых и новых гостей из далекого их материнского леса.

Люди тоже, как все живое на свете, ищут свой живой навалок и тоже подчиняются этой силе, увлекающей искать лучший край. Не это ли самое заложенное и в человеческую природу стремление вести за собой людей в лучший мир дремало и в таком бесплодном бродяге, как Куприяныч, и он вел за собой туда кудрявого мальчика?

Или, может быть, в нем давным-давно погасло живое чувство жизни в своем стремлении к лучшему, и он скучно повторял из года в год сам себя и мальчика захватил с собой для потехи?

Но как бы там ни было, какая бы ни ждала каждого из них судьба впереди, выйти на волю в первое время всегда хорошо, и они шли и шли по твердому ровному насту, определяясь по сучкам северных елок: на север сучки были много короче, и, не глядя на компас, можно было сразу сказать, какая где сторона.

Из темного хвойного леса они вышли на гарь, поросшую осинником и березами. Этот лиственный лес теперь был завален снегом и непроходим. Пришлось найти то место, где в былое время остановился пожар. Теперь тут высокой стеной стоял прежних столетий еловый лес. Но и тут просека, разделяющая хвойный лес от лиственного, вела не в ту сторону, куда надо было идти, в сторону Кижозера, и все равно по ней так же невозможно было идти, как и прямо по лиственному лесу. Осинки и березки от тяжести зимнего снега наклонились арками через просеку к ногам высоких неколебимых снегопадами елей. Кусты подлеска заделывали наглухо промежутки между арками.

Весь молодой лиственный лес склонялся перед непреклонной стеной темного бора.

– Что же нам теперь делать? – спросил Зук.

Куприяныч огляделся, подумал.

152

– Сумерки, – сказал он, – поздно, сейчас ничего не поделаешь, надо готовить ночлег.

И указал на поляне невывезенный стог сена.

– Ночевать будем в сене, поди сюда посиди, отдохни, а я пойду бором, погляжу, как нам будет лучше завтра идти... Подожди меня, а станет холодно – закопайся в сено и спи. Я приду.

И ушел бором, обходя просеку.

Зук прислонился к стогу, присел и в сумерках, как это бывает со всяким, стал распределяться по лесу в поисках, где бы ему лучше повесить душку свою: на сучок, или зарыться в муравейник, или нырнуть где-нибудь в большое дупло, или в снегу между двумя огромными корневищами во мху зарыться...

И вдруг в той стороне, куда ушел Куприяныч, крикнул Гугай. Зук, конечно, знал, что это крикнула ночная птица, но у него в голове перед сном в таежном одиночестве само собой шевельнулось:

«А если Куприяныч может обертываться и это он обернулся филином и зовет его?»

Гугай крикнул в другой стороне. И Зук подумал:

«Что это, вправду другой филин или Куприяныч перелетел в другую сторону и теперь оттуда дразнит и пугает его?»

Пугач крикнул с третьей стороны.

Зук не очень-то испугался, но все-таки, подчиняясь тому смутному чувству, когда человек сам себе говорит: «Береженого и бог бережет», – не спеша стал выбирать сено из стога.

С малолетства отец научил его этому простому делу, и, когда ночлег был готов, он залез в нору, а вынутым сеном стал заделывать выходное отверстие.

Перед тем как уснуть, он услышал: опять крикнул где-то Гугай. И Зук уснул с этой мыслью, что скорее всего Куприяныч может обертываться.

Так он уснул, как, бывает, медведь простодушно зароется в стог и уснет на зиму и спит в сене, пока мужик не ткнет его вилами в бок, и оба, и медведь и мужик, испугавшись друг друга, бегут в разные стороны.

А бывает, говорят, и барсук так зарывается. И мы тоже так спали не раз, и так хорошо теперь вспомнить об этих ночах.

153

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Но тут вот как раз, когда Зук уснул в стогу, а Куприяныч, перелетая из стороны в сторону, с дерева на дерево, пугал его, и совершилась великая, решающая все перемена в природе.

Еще в сумерках Зук заметил, как небо стало тяжелеть и желтеть. И когда он уснул, тут же прямо сплошной, непроницаемой стеной повалил снег, и это был снег последний. Зима отдавала сразу все свои последние запасы, как сдает полководец капитулирующую армию.

Что тут делалось ночью? Высоко где-то в небе легкие сухие шестигранные снежинки, переходя в нижние, более теплые слои воздуха, соединялись между собою, сырели, тяжелели, и сила их тяжести сама собой, без всякого подчинения скульптору или какому бы то ни было управлению, лепила все на сучках и вершинах всяких деревьев самовольные и затейные формы.

Утром снег перестал, но солнце взошло не таким, каким было зимой, солнце теперь было не золотое, а тусклое, красное и как будто даже смущенное; может быть, ему стыдно было за то, что оно, такое великое, теперь поддается охватывающей всю обыкновенную живую тварь весенней страсти. На такое смущенное солнце было даже совсем и не больно смотреть.

Но после последнего великого снегопада было даже и этих тусклых лучей довольно, чтобы оживить все фигурки создавшихся за ночь безобидных существ. Они, правда, были так безобидны, что форму свою никому не навязывали, и каждый понимал ее по-своему: кому что захочется видеть, тот так ее и называл.

И нужно было сойтись вместе только очень близким людям, чтобы одна и та же фигурка давала им один смысл. Это могло прийти двум так же редко, как двум вместе увидеть один и тот же сон. В одной и той же фигурке один мог понять хижину, другой дворец, третьему фигурка похожа была на добрую бабушку, четвертому на злую девушку. Но все равно, добрые, злые, красивые и ужасные уроды – все они были безобидны и форму свою никому не навязывали.

Когда Зук проснулся, вытолкнул затычку из своей норы, он даже не сразу вспомнил о Куприяныче, до того захватила его радость при встрече с целым лесом безобидных существ. Он увидел, конечно, сразу узнал Марью Моревну, и Кашея Бессмертного, и Серого волка, и Бабу-Ягу.

154

Везде были золотые крестики, голубые кобылицы и помыкающий ими Иван-царевич. – Здравствуй, Зук! – говорили все фигурки безобидных существ, узнавая необыкновенного гостя.

Вскоре и сам их царь показался, большой, пузатый, добрый, и говорил Зуйку: – Вот видишь, Зук, я сижу, ничего не делаю, и вся природа у моих ног. Так и тебе будет все хорошо, если только будешь верить в меня и ни о чем другом думать не станешь.

Красногрудый снегирь сел на веточку верхней мутовки, выходящей из макушки царя Берендея, и с ним рядом села его скромная подруга. Снегирь красный не клевал семечки в шишках, даже не почесывался, а просто сидел, отвечая своей красной грудью красному солнцу; затем как будто и сидел, чтобы солнце ему красило грудь. Вдруг откуда-то прилетел другой красный снегирь, проворный, живой, и сел на веточку, выходящую из уха царя Берендея.

«Сейчас будет драка!» – подумал Зук.

А подумать-то как раз и нельзя было: думать запретил царь Берендей.

Тоненькими, самыми тоненькими пленочками располагались капельки тающего снега вокруг веточек под фигурками и, незаметно для глаза утолщаясь, тяжелея, превращались в ручейки, бегущие по веточкам тоненьким к более толстым. Голубая кобылица, скачущая над головой царя Берендея, подточенная струящейся над нею водой, еле-еле держалась и, когда Зук подумал о снегирях, что сейчас у них будет драка, рухнула на царя Берендея, снегири улетели, и Зук сразу хватился Куприяныча и сразу же забыл о всем царстве безобидных существ.

– Конечно, он тут где-нибудь, в стогу! – вслух сказал Зук и, высунув голову, позвал.

Никто не откликнулся.

Зук сразу выскочил в тревоге из своей норы, обежал, пошевеливая сено вокруг стога.

В сене Куприяныча не было.

И он громко, во весь дух закричал...

Этот крик мальчика в тайге был похож на шутку в таком обществе, где не шутят и где всякая шутка к тебе же возвращается и тебя же самого и стыдит: в этом обществе шутки не допускаются. И точно так же в тайге крик о помощи к тебе самому возвращается в том смысле, что в тайге

155

нигде на стороне помощи нет, отложи всякие надежды на помощь и надейся всякий только на себя самого.

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Что же делать теперь? Куприяныч в поисках пути, наверно, забрался куда-нибудь далеко, нашел большой муравейник, выкопал в снегу до земли яму, перегреб муравейник, поджег, нагрел место, завернулся в полушубок и спит себе. А проснется, наверно, будет искать стог и вернется обратно по следу. Значит, надо сидеть на месте и дожидаться.

Но как только он подумал опять... В том-то и дело, что в царстве безобидных существ думать нельзя. Как только он хотел успокоить себя мыслью о том, что Куприяныч вернется, обрушился Серый волк вместе с Иваном-царевичем, и Зук сразу же вспомнил, что ночью снег завалил все следы и что Куприяныч может и не найти эту полянку со стогом.

Только не так-то легко до конца занести след человека и зверя в лесу. Бывают затишинки между стволами, где снежинки, слетая, ложатся одна над одной в строгом порядке, и долго обмятый ногою след так и остается следом и в то время, когда снег в лесу уже немного поднялся. И совсем когда всюду заметет-занесет, скроет всякие следы, в затишинке над старым следом для опытного глаза все еще остается понятная воронка.

Зук все это знал хорошо и, не будучи в силах сидеть и ждать прихода Куприяныча, решил испытать, не найдет ли он такие воронки от следов в лесных затишинках, и если Куприяныч по ним тоже идет к нему, то они с ним и встретятся.

Так он собрал все свое добро в мешок, надел на себя сумку, ружье, нож, топор. На поляне, конечно, даже мелкие зверушки не успели надеть свои бисерных следочков, поляна была чистой скатертью. Но дальше в самом лесу, там, где вчера Зук простился с Куприянычем, сразу же в затишинке показалась воронка от следа Куприяныча, и эта сейчас же перекликнулась подальше с другой, там дальше назвалась третья, и Зук, сверля вниманием снег, стал пробираться вперед и вперед.

Мало-помалу появилась надежда, и, как только она появилась, Зук вспомнил царство безобидных существ и захотел посмотреть, не покажется ли ему и с этой стороны царь Берендей.

Конечно, и тут царствовал Берендей, пузатый и круглый, он тут был везде, это была самая излюбленная фигура

156

в царстве безобидных существ, и вслед за царем все в этом царстве круглилось и пузатилось, образуя тоже везде купола, а над куполом везде торчал верхний пальчик елки и с крестиком. И вон опять на крестике красный снегирь...

В этот раз Зук успел отогнать от себя набегающую тревогу и вернулся из царства безобидных существ с радостной надеждой к следам. Очень скоро запорошенный след завернул и, все скашиваясь, подвел к той самой заваленной просеке, где молодой лиственный лес низко поклонился старому бору. Тут след выпрямился и пошел самым краем бора вдоль заваленной просеки.

Пока Зук разбирался в следах по редким, еле заметным воронкам, в природе совершалась великая перемена и решительно определилась новая жизнь. Смущенное солнце решило совсем покинуть свой трон и предоставить полную свободу всем живым существам, каждому жить, как только ему самому захочется. Сначала оно загородилось легкими корабликами почти прозрачных белых облаков, потом самому солнцу захотелось пожить для себя, и оно загородилось от мира темной дождевой тучей.

После того закрылись и все голубые просветы на небе, и начало моросить.

Наст еще не провалился, и Зук даже и не помышлял, что рано или поздно в тепле наст должен провалиться, и глубина снежная много больше его собственного роста должна поглотить его, и эта глубина – не вода, в снежной глубине плавать нельзя...

Так шел Зук по следам возле самой просеки и всю тревогу свою закрыл в себе вниманием к следам. И, ступая над бездной по тоненькой пленочке, в сущности, стал одной из обреченных фигурок из царства безобидных существ. Мельчайшие капли тумана, проникая с верхних веточек, собирались в постоянные капли под фигурками, спускаясь все ниже и ниже, подтачивали все, чем держались фигурки на дереве. Небольшая елочка с широкими ветками стояла на пути Зуйка. На пальчике верхней мутовки этой елки отдыхал только что прилетевший из теплого края маленький дрозд-белобровик. Широкие ветки елочки были опущены в снег и там зажаты. Елочка со спущенными ветками стояла, как связанная Снегурочка с живой птичкой на верхнем пальчике.

Но вода, осаждаясь на ветках деревьев, всем связанным существам несла свободу. Стекая по спущенным плечикам

157

связанной Снегурочки, вода быстро подтачивала ледяные оковы мороза, и вдруг в лесной тишине сами собою веточки елки прыгнули вверх.

В изумлении Зук остановился, а дрозд-белобровик в безумном страхе забыл свою усталость от перелета из теплых краев и опять полетел куда-то вперед, дальше и

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
дальше на места своих гнездований.

Моросил настоящий дождь, а наст все держал, и Зук не думал о грозной бездне под своими ногами.

Вдруг с высокой сосны на просеку рухнул сам царь Берендей, ударил по склоненному дереву, и прямо перед самым Зуйком прыгнула вверх молодая стройная белая березка. Вслед за этой первой березкой подалее сама уже прыгнула осинка, и за ней началось в молодом лесу и по всей просеке, как у людей, восстание всего молодого леса, и тоже, как у людей, старый лес бросал вниз на молодежь свои непомерные тяжести, и тоже, как у людей, старики не только не усмиряли, а помогали ходу восстания.

Всюду прыгали молодые деревья, всюду сбрасывали с себя белые шапочки, рассыпали свои белые саваны, раскачиваясь, шептались, охлестывали друг друга, как люди, радуясь теплу, схлестывают друг друга вениками в жаркий час.

Зук видел, как мало-помалу просека, заградившая путь ему, вдруг вся встала и далеко открылся вверху просвет, а сверху все падали, падали, рушились его волшебные кобылицы, и львы, и слоны.

Глухой шум падающих снежных фигур, самовольное движение веток, скрип и треск со всех сторон встревожили Зуйка до того, что в нем тоже самовольно стало нарастать стремление к побегу: бежать, не помня себя, бежать из этого безумия лесного туда, где столько хороших людей в большом разумном труде создают счастье великой суровой борьбы, делают что-то чудесное, чего не бывает в природе. В этот момент Зук понял – не туда он пошел.

И в то же время он понял – нельзя и просто бежать назад, и почему-то надо непременно ему дойти до конца, и там уже видно будет. А главное не в том, что он сейчас загадывает, а в том, что велит ему тот собственный его начальник, взявший власть над ним с того самого мгновения, как он вышел из дому.

– Вперед! – сказал теперь этот начальник.

Но только Зук сделал один шаг вперед, как под ним что-то хрупнуло, и наст провалился.

158

К счастью для Зуйка, не очень давно была гололедица и снег тогда еще покрылся тонкой корочкой льда. На корочку эту потом налетел снег, и весной на снегу сделался наст. Зук теперь провалился до того первого наста-пола, сделанного гололедицей, и он погрузился пока не глубже колена.

– Вперед, вперед! – требовал от него начальник.

Теперь идти вперед стало очень трудно и очень опасно: второй тонкий наст на каждом шагу легко мог провалиться и поглотить, и никакая борьба после того не была бы возможна.

С трудом сделал Зук несколько шагов, как вдруг впереди него рухнул один из пузатых царей и попал как раз в то место, где с вечера зарылись тетерева. Большие черные птицы с красными бровями и белыми подхвостниками вырвались из-под снега и полетели вперед друг за другом в лес, но сам лес качался, и они в ужасе смешались в своем полете и бросились в разные стороны, ничего не понимая, как только что подмывало и самого Зуйка броситься в ужасе неизвестно куда. Откуда-то выбило глухаря, большую черную, с небольшой бородкой, краснобровую птицу, и он сел без памяти на первую молодую нежную осину, нелепо обременил ее и только что не сломал. Но не успел он опомниться, как снежный ком хватил его, сбил почти донизу, и глухарь, как и тетерева, сбивая на лету во множестве фигурки безобидных существ, помчался неизвестно куда.

Куда мчится безумный глухарь? И пусть у маленького человека под ногой сейчас бездна, куда на каждом шагу может он провалиться, но человек этот все-таки слышит голос своего начальника, все-таки держит себя, и в себе у него собираются свои милые люди, и с каждым шагом делаются ему они там все дороже и лучше. И не только маленький человек над пропастью, но и самый серьезный воин умирает на войне, собирая в душе своей милых людей.

Как все-таки хорошо быть человеком!

И эта лучшая песенка жизни уже начиналась в душе у Зуйка. А между тем падающие комья, снежные, мокрые, тяжелые, стали попадать в логовища и в стойбища зверей. Недалеко от Зуйка первая вышла на просеку и остановилась, обдумывая свой путь, прислушиваясь, осторожная рыжая лиса с белой грудкой. Сообразив что-то по-своему, она выбрала себе путь вдоль просеки и пошла осторожно, проваливаясь по самое брюхо, а свою великолепную трубу, оберегая от мокроты, поставила вверх. В полном безумии,

159

в панике неслись, не проваливаясь, белки, зайцы и валом валили прямо на Зуйка, как вдруг темный бор сбросил на них снег, и они все завернули на просеку, и тут белки мчались по-прежнему, а зайцы отчего-то стали проваливаться, пахать брюхом снег и оставлять на нем широкие полосы.

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Трудно было Зуйку!

Пролез на просеку, проваливаясь сквозь верхний наст, матерый волк-одинец. И тут же, не обращая на волка никакого внимания, ломая с шумом и верхний наст и нижний, пронесся целый большой табун огромных лосей.

После лосей Зук сделал шаг вперед и вдруг ногою почувствовал край бездны: что-то хрупнуло там, и стало несомненным – если только он шевельнется, то непременно провалится. Теперь надо бы наломать себе много веток, укрепиться и ждать. Так он и хотел сделать, и потянулся, и вот-вот бы достал, как вдруг с той стороны над самым снегом показалась бурая голова с маленькими глазами. Голова двигалась довольно быстро вперед прямо на Зуйку, а вслед за головой снег разваливался на две стороны до самой земли.

Совсем стало плохо Зуйку, но мысль о милых своих дорогих людях не оставляла его. И опять еще раз мы скажем, если на все кругом посмотреть: как все-таки хорошо быть человеком!

Скоро поняв, что это большой медведь идет на него, Зук быстро снял ружье и только хотел прицелиться, как вдруг под ногой у него сильно хрупнуло, и охотник исчез в снегу с головой.

XXXI. ЗВЕРОВАЯ ТРОПА

Каждое дерево в лесу во время дождя бывает похоже на реку: ствол – это сама река, несущая воду в землю, с веток впадают в реку малые речки, а веточки – это ручейки. И иголки, листики – это как на земле отмочки, лапки и всякие родники.

А особенно бывает похоже дерево на реку ранней весной, когда, кроме дождя, еще бежит вода из-под загружающих ветки снежных масс. Тогда по стволу в землю бежит настоящий поток, снег внизу вокруг дерева становится быстро зернистым, садится, и так образуется чаша: этими приствольными чашами и начинается в лесу весна воды.

160

Так было и с тем деревом, где провалился Зук. При необычайно дружной весне этого года поток воды по стволу сразу же широко озернил снег вокруг ствола, сделал его очень слабым и сразу же сильно понизил. Зук без труда пробился к стволу дерева, прислонился к нему, приготовил ружье и стал дожидаться медведя. Но медведь, увидав, что человек внезапно нырнул под снег, сам ужасно перепугался, понимая по-своему: человек, наверно, под снегом бежит на него, и явится перед ним с неизвестной стороны, и хватит сразу.

Вот только тогда и можно понять, какая у медведя сила, если видеть его, когда вода или охотники выгонят его из берлоги и он по уши в снегу бежит в нем, как конь на призовой дорожке, и снег над ним поднимается вверх, летит и спускается пылью: бурый, широкозатый, ворочает он своими бревнами, а над ним и после него идет снег.

Медведь от Зуйки круто повернул и понесся просекой, раздвигая снег от низу до верху двумя косыми стенами. Этот первый медведь был большой старой медведицей, за ней тем же следом понесся жилец той же самой берлоги – пестун, и еще за пестуном бежал небольшой медвежонок с белым пятнышком. Последний медведь после старших мог бежать легко, как по дороге, вперевалочку: тух-тух! – и покрхтывая.

Так и был проложен в весеннем непроходимом лесу отличный путь, и все звери, пересекая эту широкую канаву, повертывали по ней и все больше и больше уплотняли ее, и все больше и больше всяких зверей собиралось на медвежьей дороге.

Как только Зук понял – медведь не придет, – насквозь промокший от непрерывного дождя, он вскарабкался на дерево и увидел медвежьей дороге вдоль просеки. В лесное окошко с коротким полем зрения ему уже не были видны медведи, но лоси прошли на его глазах, и волк еще ковылял, зайцев было множество и лисиц. Нетрудно было догадаться, как можно скоро добраться до медвежьей дороги и что только на этой дороге и можно теперь спастись маленькому царю природы: идти вслед за зверями, и звери укажут ему, как можно спастись.

Быстро он срубил с елки два большие сука и по одному, не проваливаясь, продвигался вперед, а другой сук за собою подтаскивал и, ступив потом на этот, подтаскивал пройденный. Так, переступая с сука на сук, он добрался до медвежьей дороги и легко пошел по ней, как ходят везде по

161

дорогам. И так оно было теперь, если бы посмотреть с высоты: впереди шли медведи, раздвигая зернистый снег, позади их во множестве шли разные звери северного края, от огромного лося и до маленького горноста, а в конце плелся небольшой человек – царь природы.

Сейчас Зук, промокший, озябший, усталый, не думал больше о соблазнителе, сулившем ему царство в природе, где ему не надо будет трудиться, и даже не слышал больше и голоса своего начальника, взявшего власть над его путешествием в

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
край Живого Наволока.

Но мы погодим думать, что творческий дух человека, живущий в каждом из нас, совершенно покинул Зуйка. Нужно только вспомнить себя в прошлом, когда какой-нибудь наш жизненный план разлетался вдребезги. Помните? Мы хватались за что-то, и после этого новое, непредвиденное оказывалось гораздо лучше нашего плана. Помните, как после победы мы вспоминали наш план с благодарностью, понимая, что только этот наш план, как леса при постройке, позволил нам приблизиться к лучшему и успеть за него ухватиться.

План Зуйка был совершенно разбит, но человеческая его готовность схватиться за перехожее лучшее и случай какой-нибудь – Жар-птицу или Серого волка сделать своим конем спасения – в нем оставался, и пусть он шел в унижении, он все-таки шел как царь природы и непременно, сам не зная того, но доверяя лучшему, таил в себе царство, как таит его всякий человек, начиная свой путь от рождения, от выхода из темной утробы на свет широкий и вольный...

А что теперь делалось в лесу со старыми следами? Эти следы, как плотно смятый снег, обращались в лед и таяли много слабее, чем снег рядом лежащий, рыхлый. Следы теперь поднимались, и по мере того как снег опускался, они поднимались все выше и выше. Особенно выдвигались вверх следы человека.

Бывает, они сохраняются где-нибудь на солнечной опушке, где уже земля показалась, и уже бабочки желтые летают, и пахнет корой своей осина, на черном стоят высокие ледяные тумбы в обрез ноги человеческой: тумба за тумбой, как шел человек, так и остался его страшный след вдоль всей солнечной опушки.

Страшновато бывает смотреть на эти тумбы, наверно, из-за того, что ведь это только ледяные тумбы остались от человека, а сам-то он, может быть, и не жив?

162

Остались ли хоть эти тумбы теперь от Куприяныча, или он и вправду обернулся в Гугая, как снилось Зуйку?

Была в тайге зимой плотная тропа, и по ней ходили все звери и всю зиму ее уминали. Не попал ли на нее в свое время Куприяныч, не по ней ли удалось ему уйти куда-нибудь, когда внезапный дождь оторвал, отрезал ему путь возвращения к Зуйку? Теперь эта зимняя зверовая тропа, как ледяная плотная дорога, возвышалась над оседающим снегом, и на нее-то в конце концов вылезла усталая, измученная медведица. Совершенно не думая о том, что вслед за ней идут ее родные медведи и целый огромный обоз всяких зверей, медведица, когда вылезла на дорогу, села на нее, завалилась, выставила одну заднюю ногу флагом, а сама стала спокойно у себя то ли что-то зализовать, то ли что-то ловить. Завидев издали протянутую вверх ногу медведицы, все звери, пережидая, приостановились: все понимали – бросаться в сторону некуда и надо ждать, пока лесная хозяйка не отдохнет.

Когда же Зук подошел к этому месту, видеть он ничего не мог: медведица и за ней все звери шли по твердой, зимней, оледенелой и хорошо всем зверям известной тропе. Конечно, как только Зук вылез на зверовую тропу, ему же стало много легче сравнительно с тем, что он пережил.

Может быть, звери знали, куда ведет эта тропа? Зук шел последним и не знал, куда она ведет. Что же, он шел вперед совсем как слепой или, как неодоушенный шар, катился под гору? Нет, он был человек в тот момент, когда по необходимости каждый из нас на своем пути должен бросить свой план. Но он не слепой! Весь свет его теперь сосредоточился внутри, и как только явится случай, он бросит этот собранный в себя мир на случайность и обратит ее в путь человеческий.

Он может сейчас об этой грядущей случайности и не знать, но он знает о свете внутри. Он ждет, и когда придет время, может быть, все звери лягут у его ног. Или, может быть, он погибнет? Ничего от этого не изменится, придет другой на место его. и все равно звери лягут.

XXXII. ВОПРОС РЕШЕН, РЕКА ПОШЛА!

Большой деревянный барак управлением строительством всего Беломорского канала от озера Онего и до Сороки на Белом море стоял недалеко от Повенца на

163

Медвежьей горе. А внизу под горой была речка. Служащие в управлении – любители природы – перед весной, садясь за работу, чаще и чаще стали поглядывать на эту речку и все про себя отмечать: и как показались у берегов первые отмочины и по отмочинам лисица ходила за мышами на ту сторону, и как отмочины позеленели, а лисица ноги мочила и все-таки каждый день оставляла следы на отмочинах, мокрых, зеленого цвета, и как отмочины эти стали водой голубой, и эта вода пожалала мышей к берегу, и лисице незачем стало ходить на ту сторону.

День изо дня росли голубые забереги на реке, и смотреть на это стало так же утомительно, как если бы, дожидаясь всей душой весны, в упор глядеть на стрелку часов. Наконец в тот самый день, когда Зук провалился в лесу, вода пошла на штурм по всей трассе канала, и от юга, с По-венца, и на север начались прорывы. Было видно из окна управления, как лед поднимало, как ломало его. Через открытую

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
форточку было все видно и слышно: и стрельба там была, и борьба была льдин между собою за лучшее место, – каждой из них хотелось как можно скорее выйти из тесноты и, может быть, успеть, пока не растаяла, прийти в океан.

Мало-помалу определилось в этой борьбе льдин за свободу, что главная масса их прекратила борьбу между собой и, согласно общему движению, в законе пошла, а незаконные кружились между ними, мешали им, поднимались вверх стояком, рушились. И когда незаконная льдина рушилась на законную, то, нырнув вместе с нею под воду, возвращалась как бы на суд: одну льдину поток поднимал к себе, другую оттеснял к берегу и мало-помалу выпирал ее на сушу. И так постепенно все незаконные льдины на берегу в многоэтажных нагромождениях остались неподвижными изнывать до конца в лучах весеннего солнца, а вся река в законе молча пошла в океан.

Когда шумная борьба за первенство льдин между собою вдруг как-то кончилась, то внезапная тишина с легким шепотом еще больше возбудила любителей природы, почти все служащие бросились к окнам смотреть на величественный ледоход, и каждый говорил:

– Река пошла!

Каждый, глядя на сплошной быстрый массовый ледоход, про себя о чем-то очень хорошем, желанном догадывался, и каждый это хотел бы выразить такими словами:

– В законе, в законе пошли!

164

Но никто не осмеливался вслух о льдинах сказать, как о людях, и потому все повторяли в одном человеческом шепоте:

– Река пошла!

И сама река до того ясно шептала – «пошла и пошла», что один из служащих бездумно спросил вслух:

– О чем шепчутся льдины?

И сосед его, не питавший никакого интереса к природе, ядовито и спокойно ответил ему:

– Они шепчутся о том, чтобы ты хоть какой-нибудь порядок навел у себя на столе, а то бумаги у тебя на столе дерутся больше, чем льдины.

А у начальника строительства было экстренное совещание, из открытой комнаты оттуда в общую долетали постоянно одни и те же слова:

– Вопрос решен!

– Какой вопрос и как решен? – про себя повторял каждый из служащих.

И, вслушиваясь в шепот льдин, сами же себе отвечали:

– Вопрос решен – река пошла!

– Никаких вопросов больше нет! – слышался голос самого начальника, – никаких споров, смотрите сами в окно, вот вам на все один и тот же ответ: река пошла! Так началась эта страшная борьба извечно соединенной силы воды с соединенной в законе силой человеческой воли и разума.

– Приказываю! – сказал имеющий власть над природой.

И этим имеющим власть был каждый из нас, кто бывал в жизни своей победителем в борьбе за общее дело, и армия врага при трубных звуках победы сдавала ему оружие. Но это только начало победы. Имеющий власть над природой должен так победить, чтобы сами журавли затрубили победу и враждебная армия стала мыслью своей и сердцем на сторону победителя.

– Приказываю! – сказал имеющий власть.

И кто-то услышал этот живущий в душе всякого победителя приказ и, в свою очередь, именем этого имеющего власть над природой, сам приказал.

И стали передавать приказ и по радио, и просто рассылать его в пакетах по всем узлам Беломорского строительства. Это был приказ, направленный к слиянию всех в одну силу, подобно тому как вода является силой, когда

165

получает свой весенний приказ, это был приказ – по всем каплям сливаться и действовать против того, к чему прикоснулся человек, действуя против воды. Новый приказ приводил в боевое состояние всех работающих на канале, все лагерные отделения стали называться штабами, все бригады стали начальниками боевых участков, все боевые группы стали фалангами, и все фаланги двинулись на места прорывов.

Это был приказ, направленный к слиянию всех в одну силу, наподобие силы воды. За этим приказом последовал приказ, имеющий в виду не воду, а самого человека:

каждый боец на своем участке должен знать о своем незаменимом первенстве, знать, что человек не капля воды и заменить его может другой, если только первый умрет, и что нет, кроме смерти, никаких объективных причин для оправдания своей собственной слабости.

Так рождались знаменитые приказы, и шелест проплывающих льдин повторял:

– Вопрос решен – река пошла!

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

И деятельный человек в сердце своем повторял:

«Каждый боец на своем участке единственный, и в оправдание своей слабости у него нет никаких других объективных причин».

И человек, имеющий власть над природой, требовал:

– Победа должна быть доведена до конца, чтобы сам враг понял нашу мысль и не только наши трубы, а и журавли трубили победу.

XXXIII. СОЙДЕТ КАК-НИБУДЬ

Если бы вода могла прямо бежать к своей цели, как самолеты по воздуху, никакой жизни не могло бы быть на земле: вся пресная вода унеслась бы в океан и там бы стала соленой. Так и вся жизнь человека, подобно воде, проходит в постоянной борьбе, и в ней человек обретает особую силу и этой силой побеждает природу. Конечно, даже самый разумный приказ встречал на строительстве канала огромные препятствия: ничего без борьбы не дается. Но не главными вредителями были такие, как Рудольф, с их обидами и самолюбивой войной против легавых. Кто-то махнул рукой под конец своей дневной работы, сказал себе: «Сойдет как-нибудь». Он в это время вовсе не думал, что довернется слепому счастью своему

166

и отдается на волю случая и что, может быть, для него, правда, все сойдет, а в общем деле станет на помощь силе врага, что, уступая свое первенство человеческое, он позволяет рождаться «объективным причинам» прорывов.

Вот из множества таких мгновений слабости, когда человек уступал свое первенство, рождалась огромная сила противодействия, и когда вся соединенная сила воды устремилась на человеческие сооружения, всюду по всей трассе начались прорывы.

Каждый прорыв укреплял неверие тех, кто стоял на своем и так понимал, что не для прямой пользы делается канал, а только чтобы мучить людей. И так безликие маленькие случаи превращались в личных вредителей, ожидающих случая перейти на сторону врага.

Редко, однако, в то время можно было прямо пальцем указать на вредителя, и только долго спустя поняли, что переброска Сутулова с Надвоицкого узла на водораздел было тоже таким же вредительством. А вода будто узнала, что Сутулов уехал, и в ту же ночь нащупала недостатки сооруженной плотины, запирающей воду Выга. Так пришла эта ночь, когда тишина, созданная великим трудом человека, нарушилась и падун зашумел.

XXXIV. ПОСЛЕДНИЙ ПРИКАЗ ДЕДУШКИ

Кто наморился и крепко спал на канале, кто усердно занимался ночью своими маленькими делишками, и они заслоняли ему внимание к событиям огромного и страшного значения. Начало шума падуна услышал один только умирающий Сергей Мироныч. Он в эти роковые часы прорыва витал душой в тех временах, когда пустынный отец Корнилий увидел мелькнувший в белой пене порога банный веник и отправился к верхнему жителю париться. Сколько раз Мироныч в жизни своей слышал этот рассказ о венике с суровым наставлением сестры своей о том, что будто бы от веника этого родилась у людей слабость и от слабости и распалась Выгореция. Вся жизнь свою он принимал эти слова на веру, и только вот теперь, под конец, пришло ему в голову подвергнуть предание это суду.

Выходило так, что пустынникам надо было в одиночку ждать светопредставления, а если уж вместе собраться, то

167

тут же и сгореть. И эту решимость покончить с собой сестра называла силой, а собраться вместе, чтобы помогать друг другу хорошо жить на земле, справедливо, награждать разумных и добрых, наказывать строго негодных, – это будто бы слабость.

С особенной, небывалой в жизни своей ясностью Сергей Мироныч подумал:

«Нехитрая штука заморить себя на земле для жизни небесной. Трудно, и в том и есть сила человека, чтобы на земле жизнь устраивать, как на небе».

И повторил много раз заученное с далекого детства из «Отче наш»:

«На земли, яко на небеси».

Каждый раз, повторяя, дивился он новому смыслу древней молитвы и не понимал сейчас, как это он мог тысячу тысяч раз за жизнь свою прочитать «Отче наш» и не заметить простого смысла таких простых слов: устраивать самому человеку разумную жизнь у себя на земле так, как представляется она совершенной далеко от нас где-то на небе.

Как будто дым какой-то стоял возле Сергея Мироныча всю жизнь, а теперь кто-то стоял возле него и опахалом дым разгонял, и открывалась ясность на все, и наступала внятная тишина.

И вот тут-то, в этой внятной тишине, всякая мысль ему стала показываться и по-новому, и как бы уже окончательно.

«Как же так, – подумал он, – был человек-пустынный, увидел веник, и ему захотелось

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru попариться... Этого быть не может! Если о смертном часе думаешь – париться не захочется». И сестра тоже: зовет всех к смертному часу, а сама за детьми ухаживает».

И, прошептав еще раз свое «яко на небеси», Сергей Мироныч увидел на земле необыкновенный порядок, и в нем каждая вещь становилась на свое место. По-крестьянски он эту радость свою о порядке перевел на жизнь каждого разумного человека в том смысле, что каждый человек хорошее дело может делать только с этим порядком в душе.

– Вот и вся мудрость, так все и делается у нас, – заключил Мироныч, – только нельзя же требовать, чтобы сразу вдруг и стало на земле, «яко на небеси». И опять обняла его внятная тишина, и в тишине шумел водопад, но шум этот Мироныч понял как вопрос к себе

168

самому, тревожный до смерти вопрос – что дальше нельзя так надвое: частью на небеси, а частью на земли.

Шум падающей воды в тишине душевной пустыни требовал от него немедленного решения: туда или сюда.

– Туда! – решил он.

И стало ему ужасно мучительно, больно и страшно.

«Назад?» – подумал он.

Стало легче.

– Конечно, назад! – сказал он.

И круто повернул назад.

И, повернув на ходу, стал повторять:

– Домой, домой!

Вот эти непрерывно следующие друг за другом слова услышала стерегущая его Евстолия Васильевна.

– Ты дома, Мироныч! – сказала она.

– Говоришь, дома? – ответил Мироныч. – А как же падун?

– Какой падун? Его больше нет, падун закрыли.

– А ты послушай, Васильевна! – сказал своим обычным разумным голосом Мироныч. – Шумит!

Евстолия Васильевна приоткрыла окно, и шум, прежний шум падуна явственно ворвался в избу.

Мироныч приподнялся на локтях и сказал:

– Это вода. Падун заработал. Это прорыв. Скорей беги, птицей лети в управление. Дорога каждая минута, Васильевна. Лети!

Не воды испугалась робкая Евстолия Васильевна, а что Мироныч вдруг встал и в разум пришел.

Неодетая, простоволосая, бросилась бежать Евстолия Васильевна, смутно чувствуя, что бежит, выполняя последний приказ человека, кому раз навсегда поручила себя и, не рассуждая, доверяла всю жизнь.

А Мироныч, послав свой последний приказ на строительство государственного дела, тихо склонился на подушку.

Последние дни он очень тяготился не так своей болезнью, как тем, что за ним надо ходить, что, сам ничего не делая, он доставлял людям столько хлопот и всем собою мешал.

Теперь Мироныч, отдав свой последний приказ, лежал со светлым лицом на подушке: своим приказом он себя оправдал и мог быть совершенно спокоен – больше он никому не мешал.

169

XXXV. ЧУЛОК СО СТРЕЛКОЙ

С такой силой пошла вода, так переполнились крупные реки, что не могли больше принять в себя воду бесчисленно бегущих из лесов малых речек, и некоторые из них повернули обратно к истокам, в леса.

Рыба, плывущая вверх на места нереста с огромным трудом против быстрой воды, теперь спокойно пробиралась обратно текущей водой. Может быть, даже и тысячи лет падала вниз большая река и семга прыгала вверх по камням. Но пришел человек и в какие-то два года остановил воду, и семга больше не могла прыгать вверх по сухим камням.

Но нет никакого зверя с такой бархатной лапкой, чтобы так неслышно идти, так подкрадываться, как вода крадетсЯ к человеческим сооружениям. Неслышно она лизала их, пока не выпятилась из плотины большая серая губа, и вода по губе перешла на ту сторону и там, неслышно наполняя ямки и впадинки, потекла поверх к падуну. Тут-то вода больше не могла уже таиться. Падун зашумел, и обрадованная семга, пользуясь водою и камнем, стала опять прыгать вверх на места постоянного своего икрюмета.

Евстолия Васильевна неслась на огонек, как птица, задыхалась, останавливалась,

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
прислушиваясь к нарастающему шуму воды.
Этот шум, как бывает весной воды, был согласованным со всею природой: ласковый ветерок откуда-то наносил уже запах осиновой коры, и слышен был свист пролетающих уток, и заяц, как будто внезапно застигнутый страстью, безумно кричал. Все было, как бывает ранней весной, и Евстолия Васильевна все это хорошо знала, и если бы пришлось потом поголосить на могилке, призвала бы во свидетели своего горя все, что тут было: и уточек-свистунков, и заюшек-горностаюшек, и шум страшно падуна страховитого, и больше всего этот огонек немигающий...
К счастью, часовой узнал ее и пропустил к Марии Улановой прямо на огонек. Старая женщина, еле живая, добежав до окна, уже подняла было свою костлявую руку, чтобы постучать, но занавеска была не задернута. И, глянув в окно, старуха медленно опустила руку и не постучала...
Помедли же, помедли минуточку, бабушка!
Мария Уланова в своем общественном деле, по правде говоря, не выходила из своей материнской доли, точно так

170

же как и Евстолия Васильевна, вырастившая- семь сыновей и набравшая множество внуков. Со стороны всем казалось, будто Уланова увлекается работой по-мужски, работает охотой. Но это было только во внешности. В душе Уланова жила не охотой, но постоянной материнской заботой. В самой тайне души она слушала приказы неведомого своего начальника так же самоотверженно, как слушала всю свою жизнь такие приказы простая жена хорошего человека Евстолия Васильевна. И занималась Уланова строительством не в его творческом смысле, а ухаживала за ним, как мать, все вынашивала, кормила людей, чистила, растила в постоянных заботах.
Сегодня Уланова особенно много работала, подготавливая себе к завтраму праздник: завтра должен приехать Степан. Усталая после рабочего дня, она сняла свои грубые сапоги, села в уголок своего простого дивана, закрыла глаза. Весь день ее счастье было под замком, и ни разу за весь день она не позволила себе даже на мгновение заглянуть туда, набраться оттуда радостной силы для трудного дня. Давным-давно приучила себя Уланова к мысли, что в одном личном счастье нет утешения, и что, так или иначе сложится личная судьба, от материнской заботы никуда не уйдешь, и что самое главное: в материнской заботе о людях для женщины есть своя доля счастья.
Но теперь, когда она, усталая, присела и вспомнила о предстоящей завтра встрече, ей повеяло тем далеким миром ранней молодости, когда кажется, что если самому хорошо, то будто бы от этого своего счастья сделается и всем хорошо и что для этого счастья не нужно ни страдать, ни трудиться, а только жить самому как хочется.

Подумав об этом, она чуть-чуть улыбнулась, скинула кожаную куртку и включила яркий свет электричества. Надо бы опустить занавеску, но как-то было не до того, окно осталось открытым, и старая женщина Евстолия Васильевна на этот огонек и бежала.

Заблестели в электрическом свете золотая смолка на хвойных свежерубленых стенах и золотистые завитки каштановых легких волос. Женщина села перед круглым зеркалом на покрытом ковриком простом ящике, оперлась на локти, подперлась кистями рук и в зеркале стала смотреть на ту себя прежнюю в жизни со своим Степаном. На минуточку ей стало страшновато: вот этих морщинок возле глаз тогда не было. И вот еще, вот... и на лбу...

171

Но если есть в душе острая боль об утраченном и на столе раскрытое письмо с надеждой на возвращение прошлого, это значит, надо дольше и дольше смотреть, и тогда постепенно утраченное отходит к пережитому и отбрасывается как не главное. Что же это такое, ведь она по правде за все пять лет после Степана и не глядела на себя в зеркало: если бы она хоть раз по-настоящему заглянула на себя в зеркало, как же бы она не заметила свою детскую родинку. Как хорошо, что она сейчас увидела, узнала свою детскую родинку, и с нею вернулось ее детство. Глаза ее, печальные, большие, карие глаза стали веселыми, жизнь личная, та самая тайная и всем нам знакомая и любимая, открылась, засияла на всем лице, молодом и прекрасном. Казалось, эта жизнь пришла не из-под своего замка, из себя, а со стороны, как тепло.

Мария Уланова повернулась, с лукавой улыбкой поглядела на себя вполоборота, радостно кивнула...

Какой-то большой старый ящик стоял тут возле кровати. Маша наклонилась к нему, вытащила большую бутылку тройного одеколону, поставила возле зеркала, покопалась еще, вытащила много чулок и стала искать нештопаные. Счастливо нашлись скоро совсем новые, шелковые, цвета загара и со стрелками.

Маша села на диван, сняла с правой ноги грубый мужской нитяный носок и чуть ли не впервые за пять лет раскатала шелковый чулочек легко на своей ноге. И тут-то

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
оказалось – она сама хорошо знала, какая это нога, и любовалась, как художник, ногой, заключенной в конские мужские сапоги и теперь освобожденной при ярком электрическом свете, блеске, аромате смолистых капель хвойного дерева. В комнате сильно пахло лесной смолой, служащей целящим бальзамом раненым хвойным деревьям. Маша откинулась к спинке дивана, полузакрывает глаза. На одной ноге был шелковый чулочек со стрелкой, а другая так и осталась забытая, в грубом сапоге. Она в это время для себя стала раненой сосной и понимала эту рану свою как обиду. Целых пять лет она несла обиду свою, как горб.
– Да, это горб! – прошептала она.
И тут же вспомнила одного горбуна, такого прекрасного душой, что каждый, заглянув ему в глаза, про горб его забывал. Горбатый человек сумел победить даже

172

свой горб. Вот теперь и она сама обошла обиду свою, как горб.

Больше теперь она не горбатая!

Радость победы счастливыми слезами, крупными каплями вышла на щеки из-под длинных ресниц.

И тогда наступил для нее тот личный праздник, какого ждет не дожидается каждый из нас: тогда, если ты стоишь на земле, земля твоя обращается в воздух, а если ты в воздухе, то воздух становится светом и звуком, а время совсем исчезает, как будто ты его сбросил, как старую, изношенную одежду, и оно остановилось.

Прекрасное мгновение, остановись!

Старая женщина глядит в окно и не смеет руку поднять, постучать, разбудить. Сама Евстолия Васильевна невестой вспомнила себя, и старая рука ее все не смела и не смела подняться.

А вода, определенная на земную работу, все бежит и бежит, водопад все

усиливается. Старая рука неохотно поднимается к окошку...

Ну, еще подожди, помедли, помедли немного, бабушка!

XXXVI. СКАЗКА О ЗОЛОТЫХ КАРАСЯХ

Был пруд на Карельском острове с широким деревянным помостом, где женщины всегда стирали белье, и крошками от стираного хорошо кормились караси. В озере было немало сигов и щук, на эту домашнюю рыбу, карасей, не обращали никакого внимания, и оттого карасей развелось в этом пруду видимо-невидимо.

Казалось бы, уж с карасями-то на Карельском острове дела были куда лучше, чего тут больше желать: кишмя кишит в пруду рыба! Но и тут старые люди вздыхали о своем лучшем времени: теперь караси в пруду будто бы остались только серебряные, а в старину жили в этом пруду караси золотые.

Так при стариках и нельзя было ни о чем хорошем впереди завести речь: золотой век с золотыми карасями был назади, а впереди будет только мученье, и все кончится огненным светопреобразованием, все сгорит.

Теперь пришла на Карельский остров новая плененная вода и незаметно стала все вокруг переделывать, как иногда в сновидениях действительность встает, как вырезанная, а все что-то кажется и то и не то...

173

Плененная вода незаметно обняла весь пруд, выгнала из береговых норок всех мышей и кротов и большую водяную крысу с длинным хвостом.

Старая Мироновна на молитве, искоса поглядывая на преобразование жизни на острове, не утерпела и, черная, старая, вышла на солнечный свет из дома и села на лавочку. Весеннее солнце своими живительными лучами угрело старуху, и она, сидя на лавочке, мало-помалу все ниже и ниже стала склонять голову. Может быть, она, склоняясь, уходила в свой век золотых карасей, а может быть, и еще дальше, в золотой век всего человечества. Дальше золотого века уходить она не могла; о тех далеких временах, когда только начинала из колыбели океана выползать на землю жизнь, в староверских книгах ничего не написано.

Прошло много времени, когда старуха, вздрогнув, подняла голову.

Волшебница вода за это время успела вовсе затопить и скрыть совершенно помост, где столько лет женщины стирают белье. Но самое главное было, что из берегов вышли целые полчища мышей и с водяной крысой впереди двигались прямо на старуху, и все они выходом своим как бы говорили о том, что вода была колыбелью жизни, все вышло из воды, и выходит, и будет жить, пока будет вода на земле.

Но старуха, веря, что жизнь огнем кончится, перекрестилась, прошептала «живые помощи», протянула к зверькам властную руку, приказала:

– Остановись, нечистое племя!

А мыши и не подумали останавливаться.

– Поганые! – крикнула на них Мироновна.

И, плюнув в их сторону, еще раз перекрестила себя, повернулась к ним спиной и пошла к себе в дом ожидать неминуемое светопреобразование.

Вода переполнила берега пруда и стала разливаться по всему острову. Серебряные караси вышли из своего тинистого пруда в общую воду огромного Выгозера, ставшего

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
теперь как море с невидимыми глазу берегами. После родной тины, откуда лежа так славно было пускаться вверх пузыри, эта общая холодная и чистая вода, наверно, карасям не показала приятной. Расплываясь в безбрежной холодной воде, может быть, и серебряные караси эти вспоминали себя в родном тинистом пруду золотыми? Все становилось вокруг как во сне, и волшебница

174

пленная вода стала наделять всю природу снами и сказками.

Одно дерево на Карельском острове, очень старое, не вверх поднималось, а, как очень старый человек, все низилось и низилось. Все обламывали старое дерево на веники, добрались до макушки, сломали ее. Но сила жизни вместо одной макушки выбросила множество частых прутиков. Ворона обмяла себе в прутиках гнездо и укрывалась в нем от человеческого глаза.

Почти рядом с гнездом дымила труба Марьи Мироновны, но ворона трубы не боялась. Страшила ворону только одна водяная крыса, и то лишь когда молодые глупые вороны учатся ходить по земле и воровать. Теперь, сидя в гнезде на яйцах, ворона давно должна была бы понять, что вода наступает, что пруд вышел из берегов и разливается по всему острову, что вода подходит уже и к старухиному дому. Но какое дело вороне до таких больших перемен! Ее дело греть яйца, вывести новых, таких же, ворон.

Так некоторые люди тоже предоставляют действовать каким-то особенным людям, «большим», и повторяют с противным самоунижением:

«Нам за ними не гнаться, наше дело маленькое!»

Но вороне, конечно, думать так было простительно, и она спокойно сидела, высунув хвост в одну сторону и нос в другую, ближе к трубе.

Между тем вода подошла вплотную к дереву, и по воде приплыла водяная крыса.

Это ворона заметила.

Старые сучки оставались лесенкой, сучок над сучком на стволе. Крыса забралась на первый сучок и свесила хвост. Когда вода еще поднялась, ворона заметила, как она коснулась хвоста крысы и оттого поплыл маленький, расходящийся больше и больше кружок по воде. А крыса, почуяв воду хвостом, перебралась немного повыше.

Ворона забеспокоилась: чем же все это должно кончиться?

Не совсем хорошо стало тоже и полчищам мышей. Единственный дом на острове теперь оставался этот большой двухэтажный, со светелкой на втором этаже. Куда же больше деваться мышам, сухопутным животным? Конечно, все мыши широкой и тесной очередью вошли в незакрытую дверь. А из сеней по лестнице своим способом, не по ступенькам, а по брускам, соединяющим ступеньки, не спеша стали подниматься вверх: найдут воду – и опять

175

тихонечко поднимаются, не очень сильно опережая, но не даваясь воде.

Мыши, конечно, не своей волей занимали человеческое жилище, и, наверно, они оставляли свои милые береговые норки неохотно, как и серебряные караси только с горя выходили на простор большой воды. Мы, люди, так это понимаем по себе в тех случаях, когда что-нибудь не сами от себя начинаем, а только подчиняемся понукающей нас силе идти куда-то, неизвестно куда.

Но что это случилось с человеком там, наверху, в светелке, в черном гробу, сделанном из карбаса, бледным человеком в черной одежде?

Шевелятся непрерывно лиловые губы, пальцы неустанно перебирают шишечки лестовки. Явно – человек этот не рыба, мечтающая о тинистом прудике в золотом веке:

человек этот по-своему действует, и даже больше чем просто действует, он хочет остановить время и жизнь.

Из невещественной словесной ткани прошедших времен Марья Мироновна сплела себе тончайшую паутину и все плетет и плетет ее, повторяя тысячи и миллионы раз одну и ту же молитву Иисусову. И было время, когда с этой молитвой на устах праведники сгорали, а верующие историки написали в книгах, что тут же из огня они в светлых одеждах поднимались в лазурные небеса.

В то время, бывало, старец тоже так шепчет губами молитву, а глазами в щелку видит или ушами слышит за стеной, как царские солдаты начинают ломать двери. Тогда он скажет одно только слово: «Огонь!» – и другой верующий поджигает смолье.

Но теперь некому слышать Марью Мироновну, она одна-единственная осталась на острове, подлежащем затоплению, и нет у нее друга, кто пришел бы и поджег ее гроб и, веруя, потом бы передал потомству о том, как она в светлой одежде поднялась в небеса.

И мышей-то этих тоже ведь бы не было, если бы Марья Мироновна вняла разуму и вовремя выбралась с острова. Мыши теперь подбирались к ней, как подбираются к человеку серые сомнения и шепчут ему что-то свое... Вот, может быть, и нашептали что-то. Марья Мироновна приоткрыла один глаз и увидела... весло.

Как весло! Откуда оно взялось? Кто поставил его здесь, и еще так, что только

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
протянуть руку, ударить по воде – и гроб поплывет, как обыкновенная лодка?
И все это оттого, что нет друга, что Марья Мироновна
176

совершенно одна и что скорей всего в сухом человеке без друга нет правды.
А может быть, даже и не мысль о весле заставила Марью Мироновну открыть один
глаз, а сама вода подобралась и легонечно, как люлочку, качнула этот выдуманный
гроб. Да и какой же это гроб – это просто колыбелька для новорожденных... И
Марья Мироновна, мирская няня, открыла сначала один глаз, а потом и другой.
Кругом по всем краям карбаса сидели мыши.
– Ах вы нечистые! – крикнула на них мирская няня.
И, схватив весло, так ударила им по мышам, что все они посыпались в воду.
Вот в этот миг только и кончилась совсем Выгореция.
Мирская няня, увидев, как посыпались в воду несчастные мыши, чуть-чуть как будто
бы даже и улыбнулась, пожалела и в свое оправдание сказала им:
– Кто вас звал сюда?

После того она с силой ударила по воде веслом, и еще, и еще. Карбас разогнался,
вышиб окно и выплыл вон из могилы на свет. И весь свет великий, беспредельный
принял к себе мирскую няню и открыл ей:
«Свет, дорогая старушка, не кончается, а только-только еще начинается!»
Но это было не как окно открывается или дверь тюрьмы. Марья Мироновна, как и
всякий до конца пристыженный человек, ничего не могла думать: ее сердце было
сжато, как железными тисками, и не могло еще питать мысль. Она страшно
внимательно, не отрываясь, глядела в одну-единственную точку, как будто теперь в
этой единственной точке сошлась жизнь всего мира.
Марья Мироновна глядела на точку сближения водяной крысы и вороны.
Ворона, конечно, точила давным-давно свой клюв вороний на крысу, своего
смертельного врага. Теперь она была на священном посту охраны своего гнезда и
была уверена в том, что может скovyрнуть крысу с березы во всякое время. И не
спешила оставлять гнезда, и ей казалось, победа будет вернее, если крыса
подойдет вплотную.
Но при каком-то передвижении крысы на высший сучок ворона вдруг заметила –
дело-то вовсе не в крысе, а в чем-то огромном, ужасном, чего нельзя и понять ни
вороне, ни крысе.

– Но как же все-таки она поняла? – спрашивала себя Марья Мироновна.
177

И с огромным напряжением продолжала следить за борьбой двух вечных и ей хорошо
знакомых врагов.

Что-то коснулось вороны, и она вдруг перестала даже и глядеть на крысу. Вялая,
задумчивая, она вдруг оставила гнездо с теплыми яйцами и перелетела на трубу
утопающего дома.

– Вода колыхнула воронье гнездо, – решила вопрос Марья Мироновна.

И, подумав о себе самой, о том, как вода и ее колыхнула, вся сморщилась, как
будто изо всех сил сдерживая в чем-то себя. Но тем же острым, пронизательным
глазом она все-таки продолжала следить.

Крыса, не обращая никакого внимания ни на ворону, ни на ее теплые яйца, залезла
в гнездо.

Прошло еще немного времени, и крыса, оглядевшись вокруг, поплыла в ту сторону,
куда ей надлежало плыть, поплыла уверенно и смело.

Эта сторона была в людском безлюдье, где до сих пор еще сохранялись следы
Осударевой дороги. Наверно, там и была где-нибудь родина водяных крыс, и, может
быть, оттуда они все и вышли.

А ворона по-своему тоже знала – ей тоже надлежит лететь в ту сторону, или уже,
может быть, она совсем простилась с гнездом и подумала на крысу: мало ли что еще
может быть впереди, а ведь крыса в случае чего ей еще пригодится, с крысой-то
она справится.

Вот когда уплыла крыса и улетела ворона, Мироновна перестала себя сдерживать.
Бывают минуты у человека, когда природа является ему как зеркало собственной
жизни и он видит себя не таким, как о себе думает, а таким, какой он есть.
Ворона была вороной, крыса водяная как крыса, а себя Мироновна узнала как
простую деревенскую няню, не лучше других – вот и все!

Оставалась только одна труба над водой. Мироновна перестала себя сдерживать и,
рыдая, упала в свою лодку, и долго лодка без управления кружилась на месте.
Так, не красавицей в светлой одежде из огня поднялась Марья Мироновна в лазурные
небеса, а пошла к людям старенькой старушкой нянчить и выхаживать маленьких
детей...

Она взялась за весло, огляделась кругом, стараясь определить ту сторону, где
теперь собрались люди. Кругом было безбрежье, и от всего Карельского острова над
водой

178

торчала только труба ее дома. Четыре кирпичные стены этой трубы определили четыре стороны света, и по ним поняла Мироновна, где были Надвоицы. Когда Мироновна поставила свой карбас в ту сторону, до ее слуха долетел неясный шум воды.

Это было начало прорыва Надвоицкой плотины, это было то самое, что услышал и умирающий Сергей Мироныч.

Ночь была северная, светлая, и солнце подглядывало в щелку, пытаюсь понять, как люди живут по ночам – без него. По тихой необъятной, огромной воде от весла мирской няни расходились две бесконечные волны: от зари в одну сторону – красная и от неба в другую сторону – голубая.

XXXVII. ПОСЛЕДНИЙ КУСТИК ОСУДАРЕВОЙ ДОРОГИ

Больше двухсот лет зарастала и все-таки не могла совсем зарости Осударева дорога. Но пришли рабочие зоны затопления с топорами и пилами и порубили высокие деревья: нельзя же было оставить высокий лес под водой. Вслед за каналоармейцами пришла большая вода, и от всей дороги, где когда-то царь Петр тащил свои фрегаты, сначала еще оставались над водой кое-какие вешки исчезнувшей были, и на каждой вешке остались частые, как ягоды, маленькие дети природы, дрожащие от ужаса, серые, черные и рыжие зверьки.

Песок в пустыне несется – слышно, как ветер шумит. Снег падает – и то слышно, как снежинки шелестят, и огонь шипит, поглощая дерево. Только одна вода в природе может обнимать неслышно и поглощать без всякого предупреждения, показывая живому существу вдруг неизбежное...

Тогда остается только плыть. И вот по мере наступления воды зверьки решаются плыть, и они как-то знают все-таки, куда им плыть, и все направляются в одну сторону, как будто там их остров спасения.

Или, может быть, один какой-то смелый решил, начал, и все плывут по стадности один за другим неизвестно куда?

Так долго зарастала эта смелая дорога, рассекшая непроходимые леса и болота, и все-таки, двести лет зарастая, не могла исчезнуть совсем с лица земли. Но, как ни крепись, уходит же у нас рано или поздно старый человек, исчезает совсем, уступая путь молодому. Так и старая

179

дорога: над водой теперь осталась только стрелка кустов на той самой горке, где так особенно трудно было тащить фрегаты. Теперь эта стрелка была похожа на клюв альбатроса с крючком на конце, и этим крючком был разросшийся ивовый куст. Еще немного подальше от этой оставшейся над водой формы клюва морской птицы торчала над водой половина забытой каналоармейцами елки, и медленно, совсем незаметно для глаза она утопала, сучок за сучком.

Задолго до наступления вечера солнце покраснело, увеличилось, расходясь, расплываясь в горячих весенних парах. Все зверушки вдруг что-то почувствовали и, как сговорившись, стали быстро покидать свои убежища и уплывать куда-то на свой неведомый остров спасения. Теперь по всему их дружному решению плыть можно было понять: они чуяли где-то впереди свой остров спасения.

Мало-помалу ни одного зверька не осталось на всем длинном клюве альбатроса, и тогда в косых лучах за горизонтом, из-под низу выходящих вверх, показалась огненная птица, издали похожая на какую-то жар-птицу, а вблизи, когда она села на верхушку утопающей елки, это оказалась просто ворона, освещенная красными лучами. Это была та самая ворона, потерявшая свое гнездо на Карельском острове. Можно думать, она уже оправилась от постигшей ее беды и теперь острым живым глазом следила и ждала свою добычу, плывущую с Карельского острова.

По тихой воде оттуда показались два длинных крыла, одно, обращенное к заре, было розовое, другое, против неба, – голубое. Мало-помалу между крыльями определилась черная точка, образующая обе струи на всю воду, и тогда все стало понятно: это маленькое животное трудилось, плыло, разрешая вопрос своего собственного спасения.

Водяная крыса плыла с Карельского острова, и голодная ворона ее нажидала. Ей трудно и невозможно было схватить на воде животное, вооруженное острыми зубами. Ворона ждала, когда утомленная крыса вылезет на последний ивовый куст утонувшей Осударевой дороги.

Так оно и вышло согласно с расчетом хищной вороны: вконец истомленная крыса, не обращая внимания на стерегущую ворону, подплыла к кусту, уселась на первый сук, спустила хвост почти до самой воды, а головку свою обернула к солнцу. Эта водяная крыса не была так противна своим хищным выражением, как крыса домашняя. Или, может быть, это делало солнечное освещение?

180

Своим красным лучом солнце зажгло бисерные глазки, обвело светящимся нимбом мыслящий лобик. Казалось, на опустелой земле с утонувшей жизнью солнце нашло

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru себе это маленькое животное, и опять и вновь загорелся в нем разум. Полуночное солнце на севере всегда это говорит: кончилось все человеческое, начались новые миллионы лет роста утраченного разума... Крыса глядела прямо на солнце, спустив хвост до воды. В тишине вода как бы дышала, и грудь ее мерно поднималась и опускалась. Когда грудь поднималась, то вода касалась кончика спущенного хвоста крысы, получался от соприкосновения небольшой кружок, и тут же, как колечко дыма, расширяясь, уплывал в ту сторону, куда уплыли все зверьки, к своему острову спасения. Полуночное солнце на севере всегда уносит нашу мысль к началу начал куда-то, и тогда кажется, будто если что происходит, то это не сейчас, а когда-то было, или же что жизнь всегда, во всякое время начинается где-нибудь и мы видим во всем ее начало. Тут было так, что эта первобытная ворона из тех далеких времен, вся красная в лучах, бросилась на зверька с бисерными глазками над голубой водой, рассчитав свой смертельный удар в голову. Но ворона промахнулась, а крыса успела впиться острыми зубами в шею вороны. Со всей силой крыльев своих, с хриплым криком поднялась ворона вместе с крысой в воздух, и тут же обе рухнули, поднимая в воде борьбу волн и распуская далеко по тихой воде по череду катящиеся голубые и красные волны. Вся растрепанная, вся искривленная, ворона все-таки вырвалась и, совсем мокрая, уселась на елку, на прежний сучок. Крыса вылезла на свой куст и села, свесив хвост, и по-прежнему загорелись в ней бисерные глаза и определился мыслящий лобик. Все знают, но никто не поймет, как могут чутко вороны пролитую кровь, и мгновенно они являются на место беды с другой вороной, и никто не знает, зачем это нужно им всем являться туда, долго кружиться и по-своему что-то друг другу кричать. Все бывает похоже на суд, но не наш нынешний, а какой он был еще, может быть, на земле до начала человека: это суд над раненым за то, что он пролил свою кровь, уступил врагу свою жизнь... В этот раз вороны прилетели и без крика расселись вокруг раненой. Вероятно, судьям спорить было не о чем:

181

ворона вся в крови, она явная преступница, и остается только выбрать способ наказания.

Все кровавые в лучах тусклого солнца, вороны сидели молча на сучках и думали. И опять они все как-то по-своему разом поняли созревшее в себе решение, и все разом закричали, и все тоже захлопали крыльями. Нечеловеческий суд решил поставить ворону на крыло, и если она полетит – лететь за ней и кричать всем одно: «Смерть!» – до тех пор, пока она не упадет, и тогда ее заклевать. Может быть, пролетев какое-то пространство, доказав, что она способна жить, она могла бы еще и спастись?

Все вороны разом стали на крыло с криком, похожим на частое повторение нашего слова «смерть», и стали кружиться над раненой. Когда же она, мокрая, тусклая, отказалась подниматься и все оставалась на своем сучке, одна из ворон кинулась на нее сверху и клюнула. Вслед за этой другая, третья, и наконец раненая ворона стала на крыло, пошатнулась было, но справилась и вяло полетела. А за ней полетела вся туча ворон, повторяя без перерыву нечеловеческое заключение своего страшного вороньего суда.

Крыса тяжело дышала после борьбы, но видела и понимала – последний куст из всех, составивших клюв альбатроса, мало-помалу погружался в воду: и каждый раз, когда вода касалась ее хвоста, перебиралась повыше, а кружок, возбуждая в воде перемену красного и голубого, уплывал в сторону острова спасения всех. Солнце было теперь, как бывает у нас, когда задумчивый человек умчится мыслью далеко и вдруг отчего-то вернется, и ему кажется, будто он успел застать жизнь без себя. Тогда первое, что попадает ему на глаза, будь это животное, или дерево, или человек, – все загорается его собственным смыслом и живет его разумом...

Так было и с солнцем, когда оно заглянуло и застало лучом своим красным эту бедную крысу.

Тогда с этой крысы началась на земле разумная жизнь. И так всегда кажется нам на севере в лучах полуночного солнца: на что ни посмотришь, везде и во всем жизнь только что начинается...

Крыса, приняв в себя огонь солнца, как будто что-то поняла, поднялась повыше к самым живым прутикам с нежной корой, быстро, как садовым ножом, наискось срезала один, другой, третий и сама бросилась в воду. Подобрал под себя запас продовольствия, крыса вместе

182

с ним поплыла, куда все звери плыли, на их какой-то остров спасенья.

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Разум водяной крысы, захватившей себе в путешествие на остров спасения три веточки ивы, в сравнении с нашим разумом был не больше последнего прутика от всей Осударевой дороги от Белого моря и до Балтийского. Скоро и последний кустик исчез, и осталась только вода. Но, проводив Осудареву дорогу, мы отдохнем и порадуемся: это была не та вода, первая, откуда вышла на сушу жизнь: вода-колыбель. Эта вода была новая... наша вода, направленная рукой человека.

XXXVIII. ОСТРОВ СПАСЕНИЯ

Кижозеро – это где раньше рыбаки семь лет рыбу ловили, а другие семь лет на том же месте траву косили. Вода исчезала через каждые семь лет вместе с рыбой, и в народе так говорили, что это водяные хозяева через каждые семь лет рыбу свою друг другу в карты проигрывали. Рассказывали даже – кто-то своими глазами видел, как летней светлой ночью водяной Выгозерский с водяным Киж-озерским на камне в карты играли. Говорили даже про одного богатого рыбака, будто ему в сеть однажды попался сам водяной. И оказалось, ничего страшного в этих водяных вовсе и нет: такой он попался в сеть маленький, чернявенький, вялый сделался на берегу и, видно, был совсем даже и без костей.

Что с ним, таким, делать? Ни зверь, ни рыба, ни человек... Рыбак поглядел на него, покачал головой, показал ему на костер, спросил: «Тебя в огонь?» – «Ме-ме!» – промычал тот в ответ. И рыбак понял это как «не-не!» и что в огонь ему не хочется. «Может быть, в воду тебя?» – спросил рыбак. Водяной кивнул головой и обрадовался. А рыбак, конечно, смекнул и дураком перед водяным хозяином не остался.

Так выпало рыбаку счастье – он поймал водяного; и так он ловко сумел с ним сговориться! Водяной выслал ему рыбу в Кижозеро, где перед этим только что траву косили: пошла рыба вместе с водой, и рыбак наш был тут как тут.

Много подобных сказок передавали в прежнее время друг другу рыбаки зимними долгими вечерами, и все эти сказки намекали на временные подземные течения, очень

183

нередкие в этом краю. Сколько же сказок должно было зародиться теперь, когда при наполнении и переполнении озер новой водою появились течения новые и в них, наверно, даже и сам водяной бы не мог разобраться.

Но зверки все-таки по-своему что-то поняли и уплывали на свой остров спасения, пользуясь ощутимым движением воды из Выгозера от Осударевой дороги к тому месту, где раньше было Кижозеро.

Вода заливала старые острова и тут же создавала новые и, обойдя сушу кругом, затопляла и вновь созданный остров.

Так незаметно для глаза и так неслышно наступала вода, что лесные букашки только-только успевали перебираться на травинки, на былинки, на соломинки, прятаться в трещинке старой коры омываемых деревьев.

Но только устроились паучки, букашки, всякие блошки на новом месте, как новая прибылая вода смыкает их, рассаживает подальше до тех пор, пока от всего острова не останется небольшой пятючок с самым густым населением от красного, в булавочную головку, паучка до какого-нибудь лесного великана, медведя или рогатого лося.

«Спасайся, кто может!» – диктует вода.

И тогда уже некогда на соседа глядеть, каждый паучишко должен сам за себя постоять и показать, каков он есть и на что он годится сам по себе.

Тут не спрашивали каждого, как у нас на строительстве, кто его родители, где учился и чему, и что он умеет, и на какую работу хотел бы он сам определиться. Тут не помогали, не намечали, как у людей, каждому найти разумно место между его личным желанием и тем, что ему надо сделать для общества. Тут не было никакой возможности пауку войти с другим паучком в соревнование, как у людей входят в борьбу за свое первенство в создании лучшего для всех. Тут была борьба не за первенство в общей работе, как в человеческом мире, а за существование: только бы спастись самому.

В такую борьбу был выброшен из человеческого общества бедный Зук наравне со всей живой тварью.

Вода обошла его со всеми зверями на берегу бывшего Кижозера и сделала этот берег островом спасения, куда и уплывали зверьки, оставляя последние кустики Осударевой дороги. Прежде этот остров был торфяным берегом, и весь он зарос черной ольхой. Это была та обманчивая земля, куда рыбак выходил с большой осторожностью.

184

Берег манил к себе частыми ярко-желтыми цветами между черными стволами деревьев. Казалось, вот бы самое подходящее место уху или кашу варить. Человек выходил на берег, разводил костер, подвешивал на рогульках котел с водой и уходил за сухими

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
дровами. Огонь пылал, вода кипела, но человек не возвращался: на этом жидком берегу местами бывали провалы, и кто падал туда, больше уже не возвращался к своему костру.

Вот этот самый берег обошла вода и сделала его островом спасенья, и сюда плыли плотной массой все потревоженные водою мельчайшие существа, а иногда и крупные. Даже птицы летели сюда, к берегам Кижозера, на места своих привычных гнездований, утки и гуси кружились над водой и, не находя прежней земли, улетали. Только два белых лебедя, верных своей родине, остались вблизи острова: скорее всего они тут и выводились, но не смели из-за множества хищных зверей выйти на берег, и плавали они тут, наверно, с той же самой общей утешительной мечтой, что как-нибудь все уладится, разберется, звери уйдут и очистят места для лебединых гнезд.

На том крутом обресе торфяного берега, где устроился Зук, под большой кокорой случайно была широкая песчаная прослойка, настолько отлого ухотившая в воду, что трясогузка могла бегать по мокрому песку у самого края воды. Эта самая живая птичка, светло-серая, с черным бантиком на груди, с длинным кокетливым хвостиком, ловила и проглатывала мгновенно букашек, выходящих на берег из воды. Бегала она взад и вперед и оставляла на мокром песке издали заметную строчку своих крохотных лапок: лапка за лапкой следовали на песке точно так же, как на бумаге в строчку идут буква за буквой. И если бы вода убывала, то строчка на песке поднималась бы вверх и трясогузка, возвращаясь, вела бы под нею вторую нижнюю строчку. И так бы, строчка за строчкой, поднималась вверх та рукопись птички, какую мы читаем постоянно на песчаных берегах северных рек, когда весенняя вода начинает спадать.

Сейчас на берегу Кижозера, ставшего островом, строчки трясогузки не оставались на песке: когда птичка возвращалась, оставленная ею строчка уходила под воду, и это значило – вода понемногу прибывала.

Зук, не раз видевший, как трясогузки пишут свои страницы на песчаных берегах рек, сразу понял по этим

185

утопающим строчкам: вода прибывает и остров спасения подлежит затоплению.

Как изменился Зук! Эти милые розовые щечки с пушком и ямочка на улыбке, и пружинистые ножки, чтобы на них подпрыгнуть и броситься кому-то на шею, – куда это все девалось?

Там, конечно, все осталось, где жили свои такие чудесные люди, с кем можно говорить, и песни петь, и плясать. Какими они прекрасными стали, когда Зук их потерял! И как бы хорошо можно было с ними жить, если бы вернуться туда!

Но вода прибывает и долго будет прибывать, и много еще будет залито таких временных островов.

Мы все теряем рано или поздно свой пушок на щеках и пружинки на ногах. Но у нас все это постепенно приходит, и чем постепеннее, тем счастливее жизнь, – так ли?

Но Зуйку это пришло внезапно, так мало дней прошло, а его уже почти не узнать.

Давно ли он мечтал о том, чтобы походить на Сутулова или на дедушку. И вот он теперь сам стал, как Сутулов, принужденный рассчитывать верно каждое свое движение, чтобы не терять свою силу даром. Щечки его опали, носик обрезался, мысль неустанно сверлит все, на что ее ни кинет глаз, и светится в нем остро. Весь иззябший, проснулся он под кокорой и сразу же заметил по птичке, как по часам, приближение страшного часа для себя вместе со всем множеством населяющих остров зверей.

Может быть, многим из нас приходилось встречать свой решающий день, или час, или минуту, когда свои руки опускались перед неизбежностью и только руки друга перекидывали для тебя паутинку спасенья? Вот хотя бы только паутинку Зуйку! Но среди зверей Зук был совершенно один.

И вот, когда дошло до того, что среди зверей как будто не оставалось и человеческой паутинки, Зук вдруг получил великое наследство. Это не было тем, что обещал Куприяныч: наследство, чтобы, ничего не делая, царствовать. Не в природе, даром, нашлось это наследство, а те же люди пришли на помощь, с кем он жил, кого он любил: это отец научил его ночевать в лесу, и Зук стал делать точно. как если бы с ним был его отец.

Дрожащими, застывшими руками он стал обдирать бересту, ломать сухие сучки на ольхе и на елке, рубить лапник и сухостой. Потом он вынул, как и отец вынимал,

186

заботливо завернутые в кожаном мешочке кремь, огниво и трут.

Маленький человечек, подражая отцу, высек огонь, не думая о том, что очень давно огонь был взят с неба одним из богов, чтоб передать его людям, и сделавший это преступление бог был прикован другими богами к горе Кавказа, и коршун клевал ему грудь. Зук ни о чем таком не думал, высекая огонь, и через этот огонь он вошел в общество людей, имеющих власть над огнем. Раздувая трут, он зажег берестинки

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru и, подкладывая сушь, делал костер, неустанно подчиняясь приказам начальника жизни, человека, имеющего власть над природой. В себе самом Зук узнавал эту силу и мало-помалу начинал получать черты, общие всем людям, взявшим на себя дело спасения себя и своих близких. Лицо его, сосредоточенное, с опавшими щеками, глаза, всегда занятые, внимательные, походка, рассчитанные движения – все было в нем, как у человека в строю и, может быть, даже у человека, ведущего за собою в атаку людей. Как в самой первой наивной любви каждому кажется, будто он это не для себя радуется, а что он со всем миром людей делает что-то прекрасное и единое и что как только он услышит от своей возлюбленной согласный ответ, то и весь мир в этом с ними согласится.

Так точно и в решительные минуты борьбы на смерть кажется: не за себя, а за весь мир, за всю правду стоишь, и все тогда, на что ни бросишь внимательный взгляд, все является в согласии личного желания и долга, и своя жизнь – не только своя, а это вся жизнь, единая от земли и до неба.

Все три медведя на том конце острова, большая медведица, пестун и медвежонок, подошли было к двум корявым березкам у края воды. Может быть, им захотелось есть, и медведица решила попробовать счастья у воды: нет ли рыбы вблизи. Она не ошиблась: рыба, конечно, плыла всюду большими стаями, определяясь в новых берегах. И медведица, увидев рыбу, только-только двинула лапой, чтобы прихлопнуть ее, как вдруг весь остров покачнулся, что-то глухо рухнуло, что-то оборвалось где-то под островом, земля дрогнула.

Край с березками понизился, вода хлынула, медведи бросились бежать от воды. И в ту же минуту край с березками опять поднялся, и вбежавшая вода не могла больше вернуться назад. В маленькой низинке собралась

187

неподалеку эта вода, и озерко вышло такое мелкое, что сиги, выброшенные водою, были только-только прикрыты.

Все зайцы сидели, не шевелясь, на своих местах, застывшие от ужаса, как фарфоровые, и рядом сидели лисицы, не обращая на них никакого внимания, и волк дрожал рядом с лосем, и куница хищная не обращала внимания на белку, сидящую с ней на одном сучке. Все звери забыли свою хищность, больше того – они забыли даже голод: извечные враги рядом сидели.

Нет! конечно, от страха они не полюбили друг друга, им просто от ужаса есть не хотелось.

Но недаром медведи так скоро привыкают к человеку, и недаром у медведицы так смешно и знаком был ее широкий зад, когда она во весь дух мчалась от воды. В маленьких глазах было что-то похожее, как бывает у людей, способных при всякой беде не упускать своего. Этими маленькими глазами медведица сквозь тонкий слой воды увидела в луже сигов и, забыв уже о катастрофе, вернулась к тому, с чего начала: стала с пригорка спускаться к сигам. Возможно, что заботливое материнство руководило медведицей и оттого-то и явилась у нее смелость; молодые медведи, разделяя страх со всеми зверями, остались на горушке.

Медведица не долго гляделась в зеркало чистого прудика. Хорошенько устроившись, она лапой накрыла большого сига и швырнула его стоящим наверху пестуну и медвежонку. Но те, переживая про себя катастрофу, еще не совсем оправались, не успели поймать, и сиг покотился обратно к медведице и потом шлепнулся в воду. И когда второго сига молодые медведи опять упустили, медведица не дала ему скатиться в воду, а откусила ему голову и на него села. Следующего сига она и не пыталась швырять, а тоже откусила голову и подсунула под себя. И так одного за другим давила и подминала.

Нет, конечно, на острове Зук был не один. Его родной отец, выведивший его с малолетства с собой полесовать, пришел ему на помощь. Зук вспомнил, как отец много раз говорил, чтобы он не боялся медведя, что медведь покорен человеку и сам человека боятся. Вспомнил Зук, как было однажды: небольшой медвежонок обнял высокое сухое дерево и слушал, как оно от ветра гудит. Медведю это нравилось, он ударял по звонкому дереву лапой – и оно гудело. И так еще и еще, дальше и дальше. Полесники, старый и малый, стояли, дивились на мирное занятие любопытного медвежонка. Но вдруг вышла старая медведица-мать

188

и стала угрожающе на задние лапы. Отец ударил по дереву топором и, указав на дерево, сказал медведице:

– Уходи сейчас, а то и тебе будет, как дереву!

У медведицы от злости пена пошла из рта, и она эту пену швырнула лапой своей в отца.

Тогда и отец рассердился, изо всей силы хлопнул топором по дереву и грозным голосом закричал:

– Прочь от меня, супостат, немывое рыло!

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Так тут и оказалось, это правда, что медведь покорен человеку. Грозного окрика медведица не выдержала, рухнула на один бок и убежала в кусты вместе со своим медвежонок.

Не будь этого случая, как бы осмелился Зук сейчас пойти на медведицу, чтобы отбить у нее рыбу на свое пропитание. Нет, Зук был не один на своем острове, и люди из прошлого уже стали собираться, чтобы ему помогать. И это, наверно, будет правдой, если мы опять скажем, что ни один человек в одиночку никогда не спасался...

Вспомнив отца, Зук вложил в ружье пулю, спустился к медведице на самое близкое расстояние и закричал во весь дух на нее:

– Уходи прочь, супостат, немывтое рыло!

Услышав сзади себя голос человека, медведица не побоялась даже воды и по пруду, по сигам бросилась бежать, и за ней обходом побежали пестун и медвежонок.

Зук набрал себе сигов, сколько мог донести, и возвратился к костру. Тут, подвесив сигов на копчение, точно как делал отец, он немного повеселел.

Нет, нет, Зук, конечно, был не один.

Утолив свой голод, Зук еще больше повеселел, и внимательный глаз его еще смелее стал открывать чудеса.

Первое, что он увидел, – лебеди. Были эти лебеди белые, а теперь стали черные.

Зук подивился и задумался о том, как это могло быть. Но вот один из них окунулся в воду и побелел. И все стало понятно: масса насекомых, стронутых водой с островов, плыла по воде, по течению, как и все звери, к острову спасенья, и, не доплыв немного до основной земли, приняла за остров тела лебедей и стала на них подниматься. Когда Зук это разгадал, он и еще увидел, что лебеди не только почернели, но стали еще много толще.

Но самое главное, что увидел Зук, это что, пока он ходил к медведице, пока он коптил сигов, пока он насытился и повеселел, строчки на песке, сделанные лапками

189
утренней трясогузки, стали одна за другой выходить наверх из-под воды, и это значило, что вода начала убывать.

Он, конечно, обрадовался, и как было ему не обрадоваться: это значило, вода уйдет и он вместе со всеми зверями спасется.

Но эта радость была обманом, и обман питался его одиночеством. Да, конечно, как человек, он не мог быть одинок, но как маленький человек, как Зук, он натворил бед и был теперь один-одинешенек.

Вода убывала оттого, что прорвала плотину п падун зашумел. Это было страшным несчастьем, все хорошие люди дружно бросились спасать общее дело и бороться с водой, и только один Зук, сам не зная того, радовался личной свободе.

И с ним, конечно, в эту минуту был Куприяныч, обернувшийся в Гугая и суливший ему царство бесчеловечное.

XXXIX. О ЧЕМ ЖУЖЖАЛА ПЧЕЛА

Что может быть лживей и коварней воды, и в то же время говорят постоянно – вода есть краса природы и что даже есть святая вода.

Так в природе вода, а любовь у людей? Говорят о святой любви, а сами постоянно дерутся. Как в этой путанице разобраться простому человеку, стремящемуся к хорошей жизни, человеку, каких огромное большинство на земле? Труженик такой, подумав о противоречиях, невозможных для честного ума, отгоняет весь этот вздор от себя, как пчелу. Но приходит ночь, пчела возвращается, тревожит совесть, порождает сны и уводит в какой-то волшебный край, где все вещи стоят на своих местах и вместе представляют единство.

Где тот волшебный край? И опять труженик отгоняет пчелу и, вздохнув, вручает желанную мысль топору, машине, напильнику, рубанку, перу или кисти.

Тогда, бывает, происходит то самое чудо, известное по себе каждому хорошему мастеру: на свет появляется новая, совершенная вещь, и, может быть, даже такая, каких еще на всей земле никогда и не было. Приходят люди другие и в совершенной вещи узнают свою затаенную мысль, ту самую, о чем ночью во сне каждому из них и так долго жужжала пчела. И сам мастер, сделавший вещь, понимает – не один он работал, были у него тайные помощники,

190

и вот они теперь пришли и узнают в сделанной вещи свою мысль: он только сделал, вручая себя целиком своему инструменту, а думали все!

Простой человек не ошибся: в своей суровой борьбе за совершенство люди соединены, как вода. И им остается только это понять и выступить с открытыми глазами против слепой стихии воды, где только случай решает, а не закон.

Так зачем же нам каждому в одиночку оставаться с мечтой о совершенстве и, вручая ее материалу и своему инструменту, дожидаться счастливого случая? Почему бы не попробовать удержать труд человеческий, как воду, плотиной, чтобы вода и вправду

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
стала святой и человек к человеку обернулся с любовью?

И все-таки до чего же может отбиться, заблудиться в одиночестве своем человеческое дитя, что вот птичка ему лапкой указывает так ясно: строчка лапок ее на мокром песке вышла из-под воды, и, значит, это вода, капля по капле, с одного конца огромного водоема на другой передала весть о своем наступлении, – и все-таки нет! – дитя человеческое и не понимает беду. Человечек по себе самом думает, он даже радуется: вода убывает, и остров соединится с суземом, и тогда он, человечек, будет спасен.

Но мы простим заблуждение бедному мальчику, соблазненному мечтой помимо труда найти край, где все – цари. Было довольно и таких на строительстве, кто в упор глядел на творческий труд и все-таки продолжал думать только о себе самом и о своем личном спасении. Рудольф был один из таких, но даже и он со всей своей командой был не страшен общему делу. Какая могла быть сила в такой мечте, что вода прорвет плотину, и люди вернуться в прежнюю жизнь, и пахан опять своим золотым пером очень искусно будет выписывать бумажные деньги? Бессильна та мечта о прошлом: того прошлого уже нет.

И потом, как бы ни были плохи люди, осужденные за свои преступления, все-таки и среди них в труде повседневном вставал и множился простой хороший человек, каких огромное большинство на земле. Этот труженик занял уже и здесь, на канале, свое первое место, и созданный им участок работы на канале стал его новой родиной. Даже и такие были, кто эту новую родину предпочел бы своей старой.

191

XL. АВРАЛ

...Когда Евстолия Васильевна увидела в окошке Уланову, уснувшую на диване за переобуванием, с одной ногой в шелковом чулке, а другой в конском сапоге, она по сочувствию опустила руку, поднятую, чтобы постучать в окно. В следующее мгновение старуха опомнилась и постучала.

Уланова бросилась к окну.

– Вода! – сказала Евстолия Васильевна.

И Уланова сама услышала: падун зашумел.

Но в это время на строительстве все уже переменялось.

– Аврал! – гремело по радио страшное слово.

Все быстро вставали.

И еще через несколько десятков минут Сутулов уже мчался сюда на машине с водораздела.

Нужно было много мешков, много песка. Кто-то указал на староверское кладбище, и пошли грузовик за грузовиком большой колонной туда за песком. Люди построились в боевые фаланги и шли, фаланги за фалангами, на место прорыва. Вот теперь бы уж не пришло Зуйку в голову в поисках источника власти бегать от одного телеграфного столба к другому. Каждый, создавший свой участок работы, шел теперь хозяином и начальником, в свою очередь подчиненным начальнику, имеющему власть над природой, и его личное желание было неотделимо от его долга общему делу. Как только Уланова услышала шум падуна, вся эта мечта ее о новом, хоршем Степане исчезла. Не до того! Что это? Было ли в Улановой чувство долга своего обществу так высоко, что личная жизнь при первых сигналах с той стороны исчезла? Или, может быть, эта личная жизнь давно уже была проплакана и являлась только в пустые минуты?

Забыв даже свой шелковый чулок со стрелкой, цвета загара, она сунула его в сапог. Не вспомнила даже и о письме Степана, оставленном возле зеркала, забыла убрать и бутылку одеколона, открытую, с пробочной возле нее.

С простой железной лопатой в руке вместе со всеми служащими управления пошла на прорыв Уланова.

Когда все фаланги прошли и когда все грузовики с песком укатили, на место прорыва в легковой машине примчался Сутулов. Перед воротами управления машина остановилась, из нее вместе с Сутуловым вышел кто-то высокий.

192

– Пропустите к Улановой! – приказал Сутулов часовому.

– Идите, Степан, к ней, – сказал он высокому человеку с бледным лицом. – Если же не застанете, садитесь на первый же грузовик – и на трассу: скорее всего она уже там.

– Мне, может быть, сейчас, не заходя, ехать на трассу? – спросил Степан.

– Это как вы хотите, – холодно ответил Сутулов, – хотите, садитесь.

– Нет, я бы, пожалуй...

– А ну тебя!.. – резко оборвал Сутулов, хлопнул дверцами и укатил.

До того ли было теперь Сутулову!

Часовой пропустил Степана, указал ему барак Улановой и то самое окно, куда стучалась Евстолия Васильевна. Степан тоже в это окно постучал, потом заглянул, потом обошел барак с другой стороны, в дверь постучал, потом ее приоткрыл: дверь

была не заперта...

Он вошел в эту комнату, где все было брошено в том самом виде, как оно было при стуке в окно Евстолии Васильевны. И так бы оно осталось на века до раскопок, если бы при слове: «Аврал!» – было все засыпано пеплом. Нашли бы под пеплом один шелковый чулок на диване, и ученый строил бы свои предположения о втором чулке, и прочитал бы письмо, брошенное на столике, от какого-то Степана, и осмотрел бы бутылку с надписью: «Тройной одеколон».

Что же лучше? Пепел засыплет нашу личную жизнь или свой же человек придет и по-своему все сам уничтожит?

Степан был пепельный человек, но в глазах его было так, будто он у всего мира за себя просил прощенья и вперед за себя извинялся с рабской улыбкой. Так паук по углам паутину развешивает, а человек жалостью к себе опустошает чье-то нежное сердце. С такой улыбкой, вызывающей сострадание, он прочитал свое письмо и все понял лучше ученого, – и почему новые туфли, и один шелковый чулочек, и этот открытый одеколон: его, его самого, пепельного человека, Степана, женщина ждала его, – и чем он ее заслужил?

Пока он читал письмо, в пальцах он держал хрустальную пробочку и, когда все прочел, понюхал пробочку и заткнул ею бутылку с тройным одеколоном. Вспомнив что-то,

193

он встряхнулся и решительно направился к двери, чтобы уйти, конечно, туда, где были теперь все.

Он взялся было уж и за ручку двери, еще бы сделать шаг... но вдруг он остановился, задумался, и на лице его заиграла опять та же улыбочка с просьбой прощенья у всех за себя.

Он вернулся, вынул пробочку, немного отпил, еще немного и еще... Вдруг вырвался, бросился к двери и вышел, но опять вернулся к зеркалу, взял в руки бутылку, сел на диван, выпил всю до последней капли и поставил бутылку на пол, локти на колени, голову опустил на руки...

Так что же лучше? Если пепел вулкана засыплет нашу личную жизнь или же свой человек придет? Конечно, лучше под пеплом в Помпее: там хоть что-нибудь от человека остается, тут же исчезнет все без следа.

Была светлая ночь, когда солнце на севере за нами подглядывает. Если бы только могло оно удивляться, как мы, оно бы растрогалось, увидев, как один маленький цветочек раскрыл пять голубых лепестков: эти лепестки у него были небом, а посередине все эти лепестки были связаны маленьким золотым солнцем.

Так начиналась жизнь, порожденная солнцем, но все-таки жизнь сама по себе; не раскаленно-бездушное и такое далекое, а свое, живое солнышко на своем собственном голубом, на живом своем небе.

Солнце великое не могло увидеть такой красоты: человек увидел ее, удивился и назвал цветок с пятью голубыми лепестками и желтеньким солнышком внутри незабудкой.

Людям теперь было не до цветов, но все равно и земля еще лежала холодной, и все-таки на ней росли, прятались в росистой траве и ждали своего часа незабудки. И у человека они в душе тоже были и тоже ждали своего часа.

Фаланга за фалангой в боевом порядке и только не с ружьями, а с железными лопатами, веревками, мешками, корзинами и всем таким вооружением, пригодным для борьбы с водой, двигались каналоармейцы на место прорыва. Каждый в фаланге смутно сознавал, что в этой борьбе с водой там, на прорыве, есть такое место, где, наверно, придется пожертвовать не мешком с песком, а самим собой,

194

и что, может быть, себе самому именно и придется быть этим живым мешком.

Было немного таких, кто вперед бы хотел и тайно горел такой мыслью о страшном месте, куда бы ему стать, но были и такие. Другие, напротив, подумывали о том, как бы им не попасть на такое место и как бы это вышло, чтобы другой стал за него. Третьи ничего не думали и строго молчали, а если бы кто-нибудь к ним обратился с таким праздным вопросом, сказали бы хмуро сквозь зубы, как сказал об этом покойный Вася Веселкин: «Это не важно!»

Среди этих разных людей был еще и Рудольф, один из немногих, кому бы очень хотелось поиграть на том страшном месте с опасностью, но только если бы на него все глядели, все удивлялись его отчаянной храбрости и говорили: «Вот какой наш Рудольф!»

Сутулова, как все думали, не было, все знали, что он был отозван на водораздел. И Рудольф решил показать себя. Он со своей отчаянной командой занял то самое страшное место, где плотина вытянулась огромной серой губой и лила воду, расширяя все больше и больше прорыв.

Рудольф стал на это место, и все понимали, что он со своей фалангой начнет: надо броситься туда вниз под струю, принимать первые мешки с песком и укладывать их.

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Но не так-то был прост Рудольф. Скрестив руки на груди, он стоял, как великолепный иностранный турист под наведенными на него лучами прожекторов кинооператоров.

Кто знает, как бы все вышло, скорее всего пахан поломался бы немного и бросил бы свою фалангу в воду. Но вдруг на другом конце плотины, с другой стороны прорыва, появился Сутулов...

Начальник шел с виду спокойно, рассчитывая каждый свой шаг, но время уплотнялось, как пар под давлением, оно выходило из своего обычного потока и осаждалось в душе человека и там исчезало. Сколько протекло времени, человек тут и не помнит: время уходит в него и превращается в жизнь.

Сколько времени прошло, пока расстояние между Рудольфом и Сутуловым стало близким, и их разделял друг от друга только прорыв: большая серая губа, по которой неслись, устремляясь стрелчатыми струями, воды.

Не будь начальника, пахан бы, наверно, теперь со своей фалангой был бы в воде, и ему бы все бросали мешки с

195

песком, и он их принимал бы, как знаменитый актер принимает от публики цветы под гром аплодисментов...

Но теперь идет навстречу не режиссер на театре, а ненавистный легавый с наганом на боку.

Так пусть же хоть застрелит – отдавать свою жизнь по приказу легавых он не согласен.

Скрестив руки на груди, пахан стоит с тонкой улыбкой на тонких губах. Сутулов, конечно, все понимал, и сотни раз удавалось ему Рудольфа обманывать, и все выходило как будто не по приказу начальника, а по милости предводителя бывших воров. Но как это сделать теперь, если время исчезло, нельзя ни слова сказать, ни сделать лица, а только бы успеть подойти скорей и приказать.

По одну сторону прорыва, скрестив руки, в женском малиновом берете – фигурант с голубыми глазами и маленькими черными усиками над загнутыми в мефистофельскую улыбку тонкими, змеистыми губами. По другую стоял начальник, и каждый знал, что начальник сейчас за правду стоит и ни одной минуты не поколеблется.

Сотни людей стояли и ждали, немало было из них, кто без всякой игры сейчас бы бросился, но Рудольф это взял на себя, его фаланга заняла все место прорыва. Шум воды заглушал слова.

Сутулов махнул рукой:

– В воду!

Рудольф, скрестив руки, кривил губы.

«Попроси!» – говорило его лицо.

Сутулов махнул в другую сторону, чтобы место очистить другим.

Рудольф улыбнулся:

«Ты меня попроси!»

Сутулов вынул наган и стал медленно его поднимать. Он не колебался, но, медленно поднимая оружие, хотел дать время одуматься предводителю урок.

Но Рудольф тоже не сдавал и продолжал нагло улыбаться прямо в глаза начальнику. И только, только бы...

Вдруг Уланова вырвалась откуда-то из гущи каналоармейцев, подбежала стрелой к самому краю плотины, кликнула:

– За мной, товарищи!

И бросилась в воду.

– Все за мной! – ответил, как эхо, в ту же короткую минуту Рудольф и бросился в воду за Улановой.

196

И вся фаланга, как один человек, бросилась в прорыв за своим паханом.

И полетели мешки с песком, корзины со щепнем, и все пошло, как на пожарах: тут же сами нарождались и брали власть над людьми какие-то начальники, и маленькие незаметные люди становились героями.

Сколько времени прошло? Вот в этом и была душа всего, что время остановилось, как в древней битве Израиля...

Солнце остановилось и поглядывало на всю эту битву человека с водой.

Времени не было, и Сутулов не мог бы сказать, сколько прошло с тех пор, как Уланова бросилась в воду, он видел тогда, что женщина не могла справиться со струей, что ее ударило о камень, что ее схватила чья-то рука, и потом снова все закрылось водой. А после люди массой своей заслонили всю эту сторону, и вниманье теперь нужно было Сутулову во что бы то ни стало направить в тыл этой атаки и тут людей расставлять, гонять машины за материалами. А дальше, потом, когда он стал повыше и ему все можно было видеть, того, что ему было так близко и дорого, все-таки он не видал и не знал, жива ли Маша, или ее в падун унесло.

Сколько же все-таки прошло времени?

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Не было времени – время остановилось. Так мы и понимали когда-то, читая древнюю книгу о приказе Иисуса Навина: «Солнце, остановись!» В таких битвах время всегда останавливается, и, может быть, оттого-то и бывает таким блаженством вспомнить эту борьбу: это была победа над самим временем.
Сутулов заметил на работе – какой-то крупный предмет двигался по Выгозеру сюда, к месту прорыва, двигался очень медленно. Кидаясь туда и сюда, Сутулов возвращался к этому предмету, и он все близился, и, наконец, стало понятным: это плывет сюда гроб из размытого кладбища. Потом он видел, как гроб остановился и закружился на месте, и, когда он тихонечко обратно поплыл, Сутулов понял: человек победил воду, и она вновь, плененная, обратно пошла и понесла этот гроб...

Вот тут только впервые после того Сутулов разрешил себе вернуться к мысли о Маше Улановой и оглянулся туда. Она сидела у костра, живая Маша, и, повертываясь время от времени, сушила свою мокрую одежду... И впервые Сутулов не ощутил в себе острой боли от мысли, что
197

Маша никогда не станет ему родной и близкой и уйдет от него очень скоро куда-то далеко со своим Степаном: пусть уйдет – как радостно было сейчас увидеть ее живой! И Сутулову очень захотелось ее обрадовать чудесной вестью о том, что ее желанный Степан уже здесь.

XLI. ПОХИТИТЕЛЬ ОГНЯ

Когда последний куст Осударевой дороги должен был исчезнуть под водой, красный свет полуночного солнца засверкал в умных бисеринках животного с длинным хвостом. Нам приходилось не раз это видеть своими глазами, и каждый раз нам казалось, будто благотворная сила луча заходящего солнца вошла в глаза животного и вышла из него светом разума: водяная крыса, понимая, что в далеком пути она ослабеет, срезала себе в запас несколько прутьев ивы. Теперь одинокому животному, озаренному солнечной мыслью, оставалось только, прижав к себе продовольствие, плыть и открывать новый мир. Но как раз в это время что-то случилось с направлением движения воды, и, почуяв эту перемену, крыса завернула назад по новому течению, и увидела она там, назади, что ивовый кустик опять выходит из воды. Тогда умная крыса выпустила свои срезанные прутья и вернулась на старое место.

Мало-помалу, кустик за кустиком, – и опять стала показываться Осударева дорога, и опять обозначился исчезнувший под водой клюв альбатроса.

Бывают и такие события, когда кажется, будто все возвращается к старому, но только раз стронется – к старому по-настоящему никогда не вернется. И напрасно, может быть, теперь серебряные караси повернули к старому пруду: не были они в нем никогда карасями золотыми, и им это только так кажется, это их слабость, неохота к борьбе нашептывает, будто в старом пруду были они золотыми.

Но недолго согревала душу зверков мечта о возвращении всех в потерянный рай.

В этой войне стихийной воды с человеком разумный человек победил. Опять крепко схваченная плотиной вода, неустанно прибывая из лесов ручьями и речками, стала затоплять Осудареву дорогу. И опять загорелись бисеринки глаз водяной крысы от вечернего луча, и опять она срезала

198

себе несколько прутьев и поплыла, прижимая к себе продовольствие, к неведомому острову спасения.

Мало-помалу, конечно, Зук стал догадываться, почему это строчки на песке, сделанные лапками трясогузки, начали исчезать под водой: это вода прибывала и затопляла птичьи грамоты. Со всей тварью Зук радовался, когда вода стала было убывать, и со всей тварью он тоже встревожился, когда остров спасенья опять стал погружаться под воду.

Солнце к вечеру стало расплываться и краснеть, косые лучи его ложились на моховые колена корней дерева. Под корнями, вероятно, земля уже стала охлаждаться, и оттуда к теплу солнечного угрева выползли три малюсенькие ящерицы, вполне сохранившие форму предков своих, гигантских ящуров.

Зук сидел у своего костра и коптил себе рыбу, как это делали постоянно рыбаки на ночлегах. Он заметил, что когда солнце, спускаясь за горизонт, поднимало лучи, то ящерицы, вместе с малиновым теплым пятном от солнечного луча на коре, поднимались выше. Невозможно было заметить, когда они успевали перебежать, казалось, будто малиновое пятно, само поднимаясь, поднимало и ящериц.

Может быть, и наш отдаленнейший предок сидел так где-то у огня вместе с ящуром и не знал, как и Зук, что за водой, па том берегу, уже зарождалась мечта о человеке-скол! городе.

Вдали на воде показался какой-то крупный предмет, и рядом с ним плыла темная точка. Мало-помалу определилось – это была небольшая плавина, кусок оторванной земли, скрепленный корнями нескольких деревьев и торфяными растениями, крепко

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
сплетенными между собой. Может быть, это было течение, а может быть, легкий ветерок тянулся над водой, и деревья, принимая на себя ветер, служили парусами и несли плавину быстро, прямо к острову спасения.

На плавине держалось шесть больших лосей и один небольшой лосенок. Мало-помалу из точки возле плавинки обозначился матерый волк, видимо, очень усталый. Ему хотелось вылезти на плавину, и он пробовал хвататься за корни, чтобы вспрыгнуть. Но как только он вылезал до половины, большой бык, стерегущий стадо лосей, ударял его копытом, и волк, окунувшись, с трудом догонял плавину.

Течение и ветер скоро пригнали плавину на остров
199

спасения, и она пристала на противоположной стороне от Зуйка, там, где остров оканчивался двумя корявыми березками. Осторожно, один за другим, высокие гости перебрались на остров спасения и тут, измученные далеким плаванием, ложились на землю, принимая ее за настоящую твердую землю, материк. Рядом были тут и медведи, и всякие звери, но и лосям было не до них, и зверям не до лосей. Все враги на время кончили свою войну. Лоси, достигнув земли, и на волка не обратили внимания, когда он, мокрый, поджарый, со страхом озираясь, прошел мимо них и тоже недалеко лег.

Среди этих зверей на острове было одно существо, не имевшее никакой связи со всем, потерпевшим великую катастрофу. Это был дятел, имевший возможность во всякое время куда угодно перелететь с острова спасения. В душе Зуйка трели дятла отзывались и возбуждали странное чувство неприязни к птице, имевшей возможность жить без заботы, когда все кругом погибали. Может быть, и люди есть такие? И смутное невольное сопоставление возбуждало неприязнь к этой птице. А дятел между тем нашел какой-то звонкий сучок на том самом дереве, под которым расположился Зук и наблюдал своих ящериц. Дятел сильно ударил своим железным клювом этот сучок, и тот задрожал от удара так, что потом, часто ударяясь о клюв дятла, на весь остров поднял барабанную трель. И тут оказалось, что дятел был не один на острове, с другого конца ответил другой дятел такой же беззаботной барабанной трелью. И пошло у дятлов, и пошло: кто кого перестучит.

Тут Зук вдруг услышал глухие удары, как будто кто-то на острове раз за разом стрелял из небольшой гулкой пушки.

Поглядев в ту сторону, Зук увидел, что пестун нашел сухостойное гулкое дерево и занимался с ним: ударит по нем лапой и слушает. А рядом медведица стоит с медвежонком и тоже с удовольствием слушают.

Посмотрев на медведей, Зук перестал злиться на дятла. Мало того! Как будто через этих добродушных медведей и в него самого вошла радость жизни, и как только эта радость пришла, мало-помалу и дела его стали поправляться, и одна за одной стали рождаться в душе догадки о спасении себя самого и всех обитателей острова.

Когда лоси легли у березок, Зук почувствовал некоторое легкое сотрясение острова и заметил, что две

200

корявые березки на краю несколько погрузились в воду. В то же время здесь, где он был, остров немного поднялся и стал заметно покатым, и вслед за этим послышались какие-то странные звуки, похожие не то на отдаленное пение, не то на клики пролетающих лебедей.

Вода с большой солнечной дорогой лежала теперь спокойная, ни одна веточка теперь не шевелилась на дереве. Звуки стали похожи на то, как если бы кто-то палочкой играл на стаканах.

Тихонечко Зук стал подкрадываться к тому месту, откуда слышались эти звуки, и мало-помалу добрался до того места, где раньше бегала из края в край трясогузка. Теперь бы тут птичка не могла больше бегать: край этот совсем даже поднялся ребром над водой. Зук осторожно подполз к тому краю, откуда слышались странные звуки, и перегнулся туда.

Там, под краем, приподнятым над водой, далеко, в слабо освещенной глубине, виднелись все корни, корни. С них стекала по корневым сосулькам вода крупными каплями, и эти капли, ударяясь внизу по воде, издавали те звуки, похожие, как если бы какой-то искусник металлической палочкой ударял по стаканам.

Когда Зук вернулся к своему костру попытать, не довольно ли уже прокоптились сиги, он заметил, что ящерицы со своим малиновым пятном поднялись за это время еще немного по дереву.

Может быть, Зук теперь и мог бы догадаться, почему весь остров с прибытием новых гостей немного как будто наклонился туда, а здесь приподнялся и что вода, вновь закрытая плотиной, прибывая, поднимает остров и отрывает его от основного грунта. И еще бы немного подумать, и можно бы чем-то и помочь этому ходу событий на острове спасения. Но какого-то совсем ничтожного звена чуть не хватало, чтобы Зук догадался и взял бы в свои руки дело спасения.

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Вдали показалась на спокойной воде какая-то маленькая движущаяся точка. Самой точки пока даже и не было видно, а только можно было догадываться по расходящимся на воде крыльям: красному – на зарю и голубому – с восточного неба, – что крылья эти сходятся в пока невидимую точку и она непрерывно движется, разделяя всю вечернюю спокойную воду на красное и голубое. Солнце еще не село, когда водяная крыса подплыла близко к тому берегу, где сидел Зук у своего костра.

201

Маленькая затопленная осинка торчала своей верхушкой из воды у самого берега. И до чего же измучилась крыса в своем путешествии от Осударевой дороги на остров спасения, что не имела даже сил вылезти на крутой берег. Она взобралась на развилочек осинки, по своему обыкновению спустила свой длинный хвост до воды, пустила хвостом кружок, другой по течению. И тогда, прочно устроившись, принялась очищать зубами привезенный с собою ивовый прутик.

Зук глядел на крысу не с тем тревожно-корыстным вниманием, как утопающий глядит на подплывающую к нему соломинку. Совсем нет! Есть у человека особое напряженное внимание, похожее, как если бы тереть друг о друга куски дерева и вдруг они задымятся и явится огонь. Так и тут в таком рабочем внимании после большого напряжения является свет и радость свободы: вдруг рождается спасительная мысль. Прежде всего заметил Зук, что крыса привезла с собой продовольствие. Но, главное, заметил он, как, сверкая, горело красным огнем солнце в глазах-бисеринках и как последний луч, охватывая, обнял круглую головку и она стала похожа на маленькую человеческую...

Сердце сжалось у Зуйка, когда он взгляделся в огонек, сверкающий в глазах маленького умного животного... Ему вдруг вспомнилось, как однажды, совсем еще маленьким, он проснулся среди ночи и увидел на столе желтый огонек керосиновой лампы, и на лавке против огонька сидел дедушка совсем один и о чем-то думал, думал, и тоже вот такой же огонек, как у крысы теперь, тогда горел в глазах дедушки. До того стало тогда жалко дедушку и так неловко было самому, как будто ему, маленькому, под страхом наказания запрещено было заставить старших людей за их одинокими думами. Но такой был Зук тогда, что уж раз оно случилось с ним, такое недозволенное, то надо было немедленно о нем говорить и расставаться, а не таить в себе и дальше разглядывать.

– Дедушка! – сказал Зук. – Зачем ты такой сидишь?

Дедушка, могучий человек, от такого простого вопроса мальчика вдруг до того испугался, смешался, что Зуйку даже больно стало. Но через мгновение дедушка с собою справился, разогнулся, потянулся и засмеялся.

– Славные вы ребята, – сказал он, – только нельзя вам об том говорить, что вы хорошие.

– А почему нельзя, дедушка? – спросил Зук.

202

– Потому нельзя, – ответил дедушка, – что вы бессмысленные. Вы, правда, хорошие деточки, а скажешь – вы это каждый на себя переводите: так понимаете, что я, мол, хорош, а другой, .значит, плох. Так и пойдет все у вас – я да я, а что это я?

Дедушка пыхнул от себя и сказал, выдохнув:

– Пар!

Зук, вспомнив дедушку, отвел глаза от крысы, но встретился с такими же глазами у ящериц на малиновом пятне. А там у зайцев засверкали глаза, вон белка на дереве, вон лисица в кусту, там волк и там дальше в лесной чаще на сучках все глаза и глаза...

Это бывает на севере вечером, когда на солнце можно прямо глядеть, не отводя глаз, и думать, и думать. Тогда кажется, будто оттого солнце и погасло, что роздало живым существам свою мысль. Солнце не блестит больше, но зато человек думает, и ему теперь кажется, будто и на всей земле, и в каждом существе горит солнечная мысль, и даже верхушки деревьев, захваченные солнцем, теперь своей мыслью горят, и согласно мыслям каждая верхушка получает какой-нибудь свой особенный лик и делается на что-то похожа.

Это бывает так с каждым перед тем, как ему предстоит о чем-нибудь большом догадаться: душа лучами расходится от себя куда-то на все и на всех, и вдруг лично сам исчезаешь, себя вовсе не чувствуешь, но зато является спасительная мысль, и человек решает вопрос о том, что ему делать.

Случилось так, что волк наконец от голода перемог свой страх и устремился на лосенка. Мгновенно старый лось бросился на волка, сбил его. а испуганные лоси, и те, что были раньше на острове, и те, что прибыли на плавине, все встрепенулись и бросились в сторону. Тогда вдруг что-то громко треснуло, что-то обломилось, обвалилось, оборвалось. И значительный кусок острова, тот самый край с двумя корявыми березками, отломился, окунулся, как пробка выпрыгнул из-под воды и

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
тихонечко поплыл в сторону, под парусами двух корявых березок.
Так на глазах образовалась маленькая плавина, а несколько зайцев, еще совсем белых, когда плавина ныряла, гигантскими скачками успели перепрыгнуть с этой дочерней плавинки на материк.

Тут-то вот Зук и понял, почему остров спасения

203

и колышется, и скатывается, и дрожит, и поет, и стонет: он может тоже двинуться и обернуться в плавину.

Так, начинаясь далеко где-то от огонька, зажженного солнцем в глазах умницы водяной крысы, мысль дошла до конца в голове у Зуйка, и с этой мыслью он оглянулся вокруг себя. Теперь все уже стало иначе: красные глаза больше уже не блестели, и только ящерицы, поднимаясь выше и выше за теплом малинового пятна, еще видели солнце.

Сгущался внизу мрак, и так оно было, будто Зук своей догадкой отнял у зверей солнечную мысль, и она у всех так бесполезно прошла, а Зук у себя удержал. Он подложил в костер много суши, и человеческий огонь вспыхнул, и опять в кустах загорелись чьи-то глаза, и ящерицы остановились в своем движении вверх, и их маленькие бисеринки загорелись от огня человеческого, и внизу становилось вокруг все теплей и теплей.

Полной тьмы в это время года не бывает на севере, но сумрак может все-таки помешать работе, надо было спешить, и Зук, взяв с собою топор, направился к тому месту, где оборвалась маленькая плавина с двумя корявыми березками и вон уже сколько-то отплыла.

На краю облома земли было все видно: всего несколько толстых корней держало весь остров у того самого конца, где оторвался кусок, а там, на другом конце, куда он заглянул, под землей слышалась капель от сосулек – там все было свободно.

Оставалось только рубить корни, но как их рубить, как их достать?

И Зук начал доставать и рубить. Доставал, и рубил, и падал в воду, и вылезал, и сушился у костра, и опять рубил, и опять падал. И так белая ночь проходила, и начинало светлеть понемногу, белеть, оживать.

Тогда блеснул первый утренний луч, и Зук опять догадался.

Зачем же он такую массу тяжелых животных держит на этом краю, где он рубит? Их надо перегнуть на свободный конец, и тогда, может быть, от их тяжести, сложенной с тяжестью всего поднятого острова, последняя связь разорвется.

Он вырубил длинную жердь из сушины, пошел к костру, разжег конец и с криком бросился на зверей, размахивая факелом. Звери шарахнулись и вдруг все посыпались кто куда, и сам Зук с факелом своим повалился.

Но звери тут же опомнились и поднялись, и Зук тоже поднялся. Остров спасения оторвался теперь от последних корней, скреплявших его с основной землей, он теперь стал

204

плоским, свободным, и он теперь даже вовсе и не был островом: он был плавинкой.

Зук еще успел подойти к костру, успел положить в него тяжелую сушину, но работа всей ночи дала себя знать: он тихо склонился у костра.

А ящерицы, почуяв тепло, оставили свой путь к холодному солнцу и быстро спустились к теплу огня человеческого. Звери тоже один за другим стали подбираться все ближе и ближе.

Не так ли будет потом, когда солнце остынет? Не зажжет ли тогда человек свое солнце, или, может быть, свою землю подвинет к горячей звезде, и, может быть, даже весь мир когда-нибудь соберет под огонь мысли своей человеческой?

Ветер поднялся вовсе не сильный, но сколько парусов было на большой плавине! И она поплыла на всех парусах, и на всех мачтах ее сидели маленькие матросы и капитаны: рыжие, белые, черные, серые.

XLII. ПОБЕДА

Да умирится же с тобой

И побежденная стихия.

(«Медный всадник»,

Пушкин)

Весенние реки наговорились, и намолчалась земля. В одно теплое утро в тишине перед восходом солнца с воды начали подниматься свободные капельки: они больше теперь не работают – они уходят вверх, к себе, в облака. И журавли трубят им победу.

Было время, когда капельки на проволоке, набегая друг на друга, сливаясь, тяжелели и падали. Теперь капельки больше не падают, а поднимаются вверх, встречаются и, не сливаясь, образуют легкие свободные облака. Мы на досуге, вглядываясь, узнаем в облаках свою жизнь, о чем-то догадываемся, отдыхаем. И бывает тогда, что друзья наши, и журавли, и вся природа трубят нам победу.

XLIII. ПЛАВИНА

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

На берегу озера Онего стоит город Повенец, и тут из озера вход в великий канал, соединяющий моря Белое и Балтийское. Прозрачным синеватым туманом поднимались капельки в утренний час, и им было хорошо: вода

205

забыла свой плен. Как будто даже и не очень-то хотелось капелькам улететь в небеса, – на всякой вещи, сделанной рукой человека, они оседали. Желтая блестящая полировка шлюзовых ящиков покрылась тем же самым синеватым туманцем.

У входа в канал собрались начальники в кожаных пальто и форменных фуражках, готовясь к парадному пуску первого парохода. Вокруг все было готово к празднику, и садовник-декоратор с гордостью указывал на васильки на береговых клумбах: васильки эти сюда из средней России доставили, васильки тут не растут.

Наконец подошел и герой праздника – небольшой пароход «Чекист».

На нем все было по-праздничному чисто, полировано и покрыто синеватой дымкой умирной воды. Тут на борту собрались инженеры, и каждый на лице своем нес теперь отражение общего света человека-победителя; это были все люди, умевшие растворить личную обиду в труде, смыть ее в творчестве.

Вместе с инженерами тут были тоже и начальники узлов. Сутулов с Улановой стояли рядом у борта.

– А ты помнишь, Саша, то время, – сказала Уланова, – когда мы приехали в Надвоицы и попали за стол к староверам и как разгорелся у нас спор о том, как надо по-настоящему жить: вот именно, как должно или по своему желанию. Ты, конечно, ответил, что жить надо по закону, и староверы поняли это смешно для нас: по Священному писанию. А я сказала, что если до смерти захочется, то можно пожить и по желанию. Ты понимаешь теперь, – это у меня тогда еще была мечта о Степане...

– Понимаю, но у меня тоже была мечта о тебе, а я это свое личное желание не смешивал же с тем, что надо.

– Ты счастливый, ты цельный человек, но не все такие. Вот бабушка, – сколько борьбы приняла на себя старуха, чтобы в последние дни стать мирской няней и умириться с собой. И помнишь, как вскинулся этот мальчик Зуек, когда я сказала свое: «По желанию».

– Как же не помнить! Я потом с ним немного погорячился и часто вспоминаю о нем: после того он, наверно, и бросился к уркам, и они его довели.

– Урки, ты думаешь? – рассеянно сказала Уланова.

Сутулов ничего не сказал. Помолчав, он снял Машину руку с борта, растер на ней насевшие капельки тумана своею рукой и сказал:

206

– Мальчик пропал, как роса.

– Роса, – сказала Маша, не отнимая руки, – роса не пропадает – она улетает. Саша, и не думай, что он непременно пропал! Нет ни одного хорошего человека, кто не рисковал бы в своих заблуждениях. Но жизнь больше, она сильнее наших заблуждений и рано ли, поздно ли выводит нас на путь. И потом, тут не ты и не урки. Я по себе знаю: тут у него была мечта о совершенстве и одиночество в ней. Как это сделать, чтобы разбить одиночество, а мечту не разбить?

– Нужен труд, – ответил Сутулов.

– Да, но как взяться, чтобы этот труд приближал к совершенству?

– По-моему, – сказал Сутулов, – нужно устроиться так, чтобы жизнь тратилась на себя самого, по желанию, как ты говоришь, а выходило бы для всех и как надо. Тогда по одну сторону останутся эгоисты, у кого все для себя, а по другую сторону – нытики и ханжи, кто живет по долгу для других и потихонечку скучает о жизни для самого себя. Ну, будет об этом, Маша, – ты лучше посмотри-ка на тот берег канала, как быстро он начинает жизнью живой обрастать!

И Маша увидела: на берегу полированного шлюза, как будто осев с капельками воды, примостился маленький мальчишка в кепке с огромным козырьком, и именно эта кепка придавала мальчишке необычайную серьезность. Мальчишка был такой маленький и далекий от забот строителей канала, что начальники в кожаных пальто, окружавшие шлюзы, его как бы и не замечали. Мальчишка сидел здесь не празднично: в руках у него была длинная удочка и сбоку ведро, и удочкой он удил рыбу, первый рыбак удил рыбу в новой воде.

– Жизнь начинается, Маша! – радостно сказал Сутулов и помахал мальчишке шапкой. Уланова что-то хотела ответить, но вдруг зашумела вода, пущенная в большой зал, где стоял пароход. Этот зал был разделен на квадраты, и в них снизу начала быстро набегать вода, и пароход начал подниматься, как в люльке.

Скоро открыли дверцу следующего шлюза, пароход вошел в новый зал и опять стал подниматься еще на ступеньку повенчанской лестницы. И так, проплывая по каналу некоторое время, снова поднимался «Чекист» на следующую ступеньку этой водяной лестницы, все выше

207

и выше, через водораздел, через тот самый Массельгский хребет, где мы когда-то с

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
отцом ночевали и глядели на Осудареву дорогу.
Где теперь этот лес?

А речка Телекинка, где мы с отцом тогда сели в лодку и два лебедя не могли с нами расплыться, пока не доехали мы до Выгозера?
Теперь все это вместе с Осударевой дорогой под водой, и мы смотрим теперь на все здесь глазами таежного странника, вдруг из-за деревьев увидавшего большую воду. Помните, мы все это пережили: увидали большую бескрайнюю воду и вдруг остановились на берегу, и какая-то великая мысль охватила нас, увела далеко душу.

Какая это мысль?

Когда «Чекист» вышел из последнего шлюза перед Выгозером, все эти люди на палубе, так много пережившие в эти два года, люди, умевшие силой великой души человека высоко подняться над сетью привычек личных и обид, эти люди, выйдя из шлюзового ящика, вдруг стали перед большой водой...
Вот что это всегда неизменно при встрече с большой водой вдруг охватывает всего и человек замирает в молчании? Есть же в этом большом чувстве, в этом движении вопросов и ответов какая-то единая мысль? Мы все знаем это чувство, требующее от каждого своего выражения. Вот, вот, кажется, его назовешь, и все согласятся. Но каждый раз бывает, что только бы назвать, и тут-то непременно кто-нибудь перебьют и скажет не то. Так ответ на вопрос и откладывается до новой встречи с большой водой.

Так и тут, при встрече создателей канала с большой водой нового огромного Выгозера, шевельнулась мысль, и слова были уже на языке, как вдруг капитан нам что-то сказал...

И опять осталось нам от встречи с большой водой в памяти только особенный запах воды и голубые глаза капитана.

– Глядите, глядите, товарищи! – сказал капитан.

И передал подзорную трубу ближайшему к нему инженеру.

Высокие борины прежнего леса теперь стали островами и маячили далеко там и тут. Но одна из этих борин как будто не стояла на месте, а медленно двигалась, изменяя там и тут расстояния между собою и другими боринами.

208

– Это не борина, – сказал капитан, – а плавина. Там и тут вода, наполняя и переполняя Выгозеро, подняла торфяные сплетения вместе с кустами, с деревьями. Мы каждый раз встречаем небольшие плавина, но эта плавина совсем особенная. И стал рассказывать о необычайной плавине, как будто она была чем-то вроде всадника без головы в известном старинном романе. Плавина эта прежде всего сравнительно с другими очень большая, и на тех плавинах, как редкость, бывает, сидят два-три зайчика, пяток белок или водяных крыс. А здесь, на этой плавине, собралось множество всяких зверей: и медведи, и лоси, и волки, и барсуки. По всей вероятности, вода, наступая, сгоняла животных с большого пространства и, собрав множество их на один островок, оторвала его... В разных местах видят плавину с ее великим населением, но только показала – и нет ее: то ветер завернет, то далеко до берега станет на мель, ничего разглядеть нельзя. А потом снова поднимается ветер и уносит опять неизвестно куда, и опять она там и тут, как всадник без головы.

– Плавина сейчас идет прямо на нас! – сказал первый инженер, получивший подзорную трубу от капитана.

Все потеснились к трубе, и каждый, по очереди получая, стал всем высказывать свои догадки.

– Там есть и медведи: виден огромный, другой поменьше и еще медвежонок.

– А сколько лосей! Как же вы не заметили, целое стадо, а медведей стало не видно.

– Понимаю, плавина повернулась другой стороной. И посмотрите, мне кажется, у зверей теплинка: синий дымок поднимается.

– Начинают показываться и маленькие. Сколько зайцев! Вот и волк, и какой худой! И барсук, и совсем маленькие зверушки какие-то на кустах, как виноград. А синий дымок, смотрите, скорее всего это пар от медведей, – не могут же медведи себе костер развести?

– Плавина повернулась снова другой стороной: вот ясно видно, у костра сидит человек, смотрите, мальчик! Вскочил, машет нам флагом на длинном шесте. Капитан, держите курс на плавину!

Все в страшном волнении сгрудились на носу вокруг капитана. Мало-помалу простым глазом все наконец увидали маленького оборванного Робинзона, окруженного множеством

209

всевозможных зверей. И наконец Уланова радостно закричала:

– Это Зук, это Зук! Вот, Саша, только-только вспоминали его, и он тут как тут!

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
– Да, да, я вижу, это, конечно, Зук, – ответил Сутулов, не сводя глаз с приближающейся плавнины. – Только почему-то не видно друга его, Куприяныча. Я очень опасался, знаешь, про себя, что бродяга захватил мальчика для какой-то своей подлой затеи...

Быстро шел только пароход, а плавина двигалась очень медленно, и когда «Чекист» остановил машину, Зук принял канат спокойно, как делают это на пристанях. Он обмотал чало несколько раз вокруг дерева, надел свою оборванную, лохматую куртку, взял сумку, ружье и медленно полез вверх по трапу.

Наконец Зук вылез на палубу к людям, не понимая, что все глядят на него, как на чудо. Он еще не совсем вошел в радость своего спасения, он еще не опомнился от жизни своей у костра рядом с медведями. Зук не улыбнулся даже, когда увидел Машу с Сутуловым, – так был он измучен, но только, узнав их, вдруг засветился. Уланова сразу поняла, как сейчас трудно будет мальчику с людьми, и увела его вниз в свою каюту.

Когда Зуйка не стало на палубе, все бросились рассматривать зверей на плавине. Матрос с опаской спустился на нее и прошел сторонкой от зверей, чтобы устроить хоть какое-нибудь рулевое управление. После больших хлопот «Чекист» наконец натужился и потянул за собой обрывок земли, населенной всеми животными Севера. Очень скоро Уланова там, внизу, устроила Зуйку все, как делают в этих случаях матери своим детям, и он, чистый, одетый, за чаем спокойно ей, как матери, рассказывал во всех подробностях о всем, что с ним случилось с тех пор, как он загуменной тропой по последнему насту покинул Надвоицы. Уланова думала, что Зук постепенно станет пробуждаться от необыкновенного сна. Она знала, как это бывало со всеми в голодное время, когда в душистом кусочке хлеба поглощаешь всю природу, солнечный свет и в этом свете поглощаешь и добро, и красоту, и всю радость жизни, тут же тебя и наполняющую. Это только кусочку черного хлеба можно так отлично обрадоваться, а сколько же ступеней радости пройдет одинокий человек, пока утолит он свой голод на друга?

Зук в своем испытании не пережил обыкновенного

210

голода на пищу, он ее себе доставал и на плавине. Зато не было ему и никакого обмана в его пробуждении. И, входя в обычную устроенную человеческую жизнь, он сразу очнулся среди исчезающих радостей и полной свободы.

Вдруг почему-то исчезли все страхи, все тайны, все, о чем в обыкновенной жизни людям вслух невозможно и стыдно сказать. Но истинному другу своему все можно сказать, можно поверить свое тайное, увериться через друга, не мигая потом смотреть в глаза третьему и находить в себе неистощимую силу размаха в борьбе с темными силами.

Бывает, сухостойное дерево годами стоит, одетое корой, но вдруг в какой-то один миг вся кора сверху и донизу с шумом обрушится вниз и ляжет горкой у корня. Так все лишнее, ненужное, чуждое обрушилось с Зуйка, но сам он вышел не сухим из-под коры, а живым и новым.

Мать беседует с сыном о его далеких странствиях в чужой земле, и для нее не нужно каких-то особенных слов, она все сама отгадывает, все принимает к сердцу, все видит своими глазами и сыну своему этим дает новую мысль о всем пережитом, и эта мысль не проходит, она остается навсегда, и от нее, бывает, не только себе, а и другим достается.

Все грани, разделяющие человека от человека, исчезли. Зук рассказал и об украденном зеркальце, и даже показал на руке своей выжженные Рудольфом голубые знаки: «Маша Уланова».

А когда пришел Сутулов, то и ему, оказалось, можно было теперь рассказать о себе, как о маленьком, что тогда хотелось ему захватить власть под предлогом спасения людей, но, конечно, на самом деле для себя. Ему казалось тогда, что приказывать – это очень приятно. А потом вышло на деле, что даже звери слушаются, если вперед сам себе прикажешь и послушаешься себя самого, как начальника.

– Зук! – сказал изумленный Сутулов, – ты, брат, недаром пропадал: ты же теперь все понял!

И опять тоже, как и тогда, кора вторая с шумом опала с дерева и легла у корней, и Зук увидел себя среди близких ему, дорогих людей.

Он узнал тут, что вода образумила и бабушку, что бабушка на своем черном карбасе, как на плавине, благополучно пристала к берегу, где строилась новая жизнь, и теперь живет мирской няней «по желанию». Он узнал,

211

что дедушка Сергей Мироныч, умирая, выслал мысль свою последнюю в помощь государственному делу: тоже по желанию, а вышло как надо.

А дедушка Волков со всеми лучшими инженерами и каналоармейцами уезжает строить канал Волга – Москва. А Рудольф бросился в прорыв и теперь награжден и получил

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
гражданскую свободу.

– И бросил малиновую шапочку? – спросил Зук.

– Сразу же и бросил. Теперь он ходит в хорошей коричневой паре и носит мягкую шляпу.

Когда Сутулов вышел, Зук осмелился осторожно и тихо спросить:

– А как же Степан?

Уланова склонила голову на грудь, немного потемнела в лице, но быстро собралась и ответила, показывая на уходящего Сутулова:

– Вот мой Степан!

И Зук ей ответил:

– Я это знал.

И рассказал ей, как он в печурке слышал разговор о хвостах и потом уж на острове спасения догадался, перебрав все, что Степан обратится непременно в Сутулова. В Надвоицах между тем давно заметили плавину, влекомую «Чекистом», и, по мере того как она приближалась и определялись разные звери, каналоармейцы со своими прорабами и начальниками и местные люди в удивлении сбегались для встречи необыкновенного острова со множеством всяких животных.

Многие вспомнили и узнали Зуйка, и в один миг всем стала известна история его путешествия в страну, где не работают, а только царствуют и получают от природы все готовое. И посмеялись всему и порадовались.

Но особенно стало всем занятно, когда Зук попросил разрешения у Сутулова выпустить всех животных на волю. Плавину подогнали к низкому берегу и устроили незаметный переход с острова на материк.

Прежде всего Зук рассказал о водяной крысе, о том, как она, переплывая воду, запаслась продовольствием и навела его на мысль о возможности освобождения всего острова зверей. Водяную крысу первую с почетом отпустили на берег.

И о медведице Зук рассказал, как она под себя прятала рыбу и он у нее отбил много сигов, накопил и все время ими кормился. Медведям тоже рыбы хватало, и они даже,

212

немного опомнившись на берегу, кинули последний раз взгляд свой медвежий на людей и друг за другом, не торопясь, поплелись к лесу.

Но волк едва встал, а еще хуже было с лосями: они позволяли себя поднимать, подталкивать, но в конце концов оправились и всем стадом пошли. Зайчики запрыгали как ни в чем не бывало: наверно, им довольно было пищи на острове спасения.

Когда зайчики проложили дорогу, за ними запрыгали с веток белки, зашевелились мыши на кустиках. Некоторые зверушки до того рассиделись, что их пришлось выгонять. Зук не забыл рассказать и о трех ящерицах, как они поднимались по стволу дерева за уходящим солнцем, а потом спустились к его человеческому огню. Ящерицы тут и нашлись на стволе – им деваться теперь было некуда: под корнями дерева, где они раньше жили, теперь была вода.

После того как окончился этот праздник выпуска животных, Зуйка повезли на водосброс и стали ему все показывать.

И тут сам собою вышел тот праздник праздников, когда старшие заканчивают свою большую работу, а после них приходит ребенок и обращает все в сказку.

Так и Зуйку теперь было позволено поиграть с водосбросом. Он приказал бросить воду в падун, а сам нашел свою печурку и смотрел и слушал, как, собираясь с силами, бросался на камни падун и опять начинался знакомый гул, когда струйки, сшибаясь между собою, бьются, бьются, пока наконец не послышится мерный шаг человека: весь человек идет все вперед и вперед...

Как же так? Ведь это камень тогда вертелся в своей каменной яме, и в гуле этом слышался мерный ход человека все вперед и вперед. А теперь же этот камень открыли, этот камень поместили в музей местного края. Откуда же берется теперь и по-прежнему слышится в гуле падающей воды мерный шаг человека?

Или, может быть, это не камень определяет мерный ход, а в душе у Зуйка сила человеческая расстановливает звуки борьбы падающих струек так, будто это не водопад, а весь человек собрался и мерно шагает все вперед и вперед?

Зук не стал разбираться в этом. Он только очень обрадовался, узнав этот знакомый с детства ему шаг.

Мальчик махнул рукой. На водосбросе повернули ручку, и падун замолчал.

213

Мальчик опять приказал. И падун опять зашумел, и опять, как человек, кто-то в нем все шагает вперед и вперед.

А там, в другую сторону, лежит большая спокойная вода, и кто-то рассказывает, будто он сам видел своими глазами, как один из лосей робко вышел из леса, верно, желая напиться. Он подкрался к воде и, наверно, увидел в ней сам себя, и ему из этого зеркала корова протянула лошадиную губу.

Осударева дорога. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Лось было дрогнул и отошел назад, не узнав сам себя. Но пить ему очень хотелось, и он опять подошел и, не поглядев больше на лошадиную губу, напился воды. А эта вода была уже в руках человека.
И вот как будто у нас шевелится опять мысль, обнимающая нас всегда при встрече с большой водой, бывшей когда-то колыбелью всей жизни: эта добрая мысль человека, глядящего в беспредельную даль, о том, что каждый из нас где-то соединен с другим человеком и все мы, люди, в суровой борьбе за единство свое, все, как капли воды, когда-нибудь придем в океан.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://prishvinmihail.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!